

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

9. 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство территориального развития, национальной политики и массовых коммуникаций ЧР.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

http://www.j-vaynah.ru

Журнал выходит один раз в месяц. 16+

Журнал набран на компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

20.09.13

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № ____

СОДЕРЖАНИЕ:

ДРАМАТУРГИЯ

Абу ИСМАИЛОВ. *Эдал*. Драма в стихах.

Перевод с чеч. автора.....2

ПРОЗА

Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Легенда о Сарсаке*. Рассказ.

Перевод с чеч. Микаила ЭЛЬДИЕВА. *И доносился собачий лай*. Рассказ. Перевод с чеч.

Саламбака АЛИЕВА8

Лейла КУСАЕВА. *Персиковая невеста*. Рассказ.....25

Фариза МЕЖИДОВА. *Комната Артура*. Рассказ.....31

Антон ЧЕХОВ. *Хирурги*. Дийцар.

Гочдинарг БУРЧАЕВ Хьалим.....45

Шаран ДАШАЕВ. *Кутал*. Рассказ.....49

Шамсуддин МАКАЛОВ. *Соседи*. Рассказ.....52

Саид-Альви ЛУЛУЕВ. *Потерянная любовь*. Рассказ.....55

Муса БАКАРОВ. *Зеламха*. Книги юккьера дакъа.....60

ПОЭЗИЯ

Светлана КУРАЗОВА. *Первые стихи*.....22

Асламбек ЯКУБОВ. *Река Фортанга*. Стихи.....28

Ильмади ЦОККУЕВ. *Догглучохь*. Стихаш.....43

ДЕБЮТ

Тамара ДЖАМАЛДИНОВА. *Нохчийчов*. Стихаш.....47

ХИЛЛАРШ-ЛЕЛЛАРШ

1арби БЕЧУРКАЕВ. *Перпийнхехь*.....38

ПУБЛИЦИСТИКА

Саламбек АЛИЕВ. *Муса Бакаров: сердце на месте*.....65

Айнды ЯКУКБОВ. *Национальные истоки формирования математической науки в Чеченской Республике*.....80

Муслим ГАПУЕВ. *Борец на все времена*.

Очерк о Бувайсаре САЙТИЕВЕ.....86

ИСТОРИЯ

Гилани ИНДЕРБАЕВ. *Жизнь, продолжающаяся в преданиях и легендах*.....70

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Роза МЕЖИЕВА. *Морфология чеченского языка*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Мадина АБДУЛВАГАПОВА. *По ту сторону холста*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Драматургия**Абу Исмаилов****ЭДАЛ**

Драма в стихах (в двух частях)

*Действие происходит в одном из горных селений
Чечни в середине XVII века***Часть первая****Картина первая***Окраина горного села. Лесная поляна.
Поют петухи. Блеют овцы. Изредка
лают собаки. Два десятилетних
мальчика фехтуют хворостинками.
Опуская «оружие», один из них
говорит:*ТАПА: Отдохнем немного.
Овец и коз пригоним попозже.
(Садится под грушей)

ЭДАЛ: Пойду, нарву цветов.

ТАПА: Брось ты их.
И охота тебе
девчачьими делами заниматься?
Иди сюда.
Лучше в ножки поиграем.ЭДАЛ: Сегодня вечером
я ухожу в горы к Наже.
Когда вернусь оттуда,
не ведает никто.ТАПА: Ты идешь к Наже?
Счастливчик ты, Эдал!
Меня к нему не везут,
Как бы я ни хотел.ЭДАЛ: Потому что у тебя нет брата.
Таков обычай наших предков.
Здесь дома для тебя дела найдутся...
Только им не говори...*Эдал скрывается за кустарником.
Веселыми голосами щебеча о чем-то,
появляются на опушке две девочки.
Тапа вскакивает с места.*САЛИХАТ: Здравствуйте, юноши!
Сиди, сиди.
Знаешь ли, Тапа,
Где твои овцы и козы?БИЛКИЗ: Лучше спроси его,
Где сейчас Эдал.
(Смеется, отбегая в сторону.)САЛИХАТ (с сердитым видом
отталкивает подружку):
Уйди, шайтанка.ТАПА: Добро пожаловать!
Стадо пасется.
И пастух найдется.
Не переживайте.*С букетом цветов появляется Эдал.*

ЭДАЛ: Билкиз, вы пришли?

БИЛКИЗ: Здравствуй, Эдал!
Эти цветы...
Ты мне их принес?
Чтобы долго ты жил!
(Принимает букет цветов.)ТАПА (играючи бросая в землю ножик):
Он прощается с нами.

БИЛКИЗ: Как? Ты о чем говоришь?

ТАПА: В горы уходит к старому Наже.

БИЛКИЗ: И долго там будешь?

ТАПА: Как и все остальные –
Ровно десять лет,
Пока не станет настоящим воином.

БИЛКИЗ: А нам что делать?

ТАПА: Мы будем ждать его.
Что делать?
Я тоже очень хотел
С ним пойти.
Но у меня нет брата,
Я должен остаться
и ухаживать за своими родителями.

ЭДАЛ (*положив руку на плечо Тапы*):
Я буду тебе братом.
А ты, Билкиз,
Мне будешь сестрою.

БИЛКИЗ: А Салихат?
(*Передает цветы своей подруге*)

ЭДАЛ (*после небольшой паузы*):
Не знаю, смогу ли стать братом ее?
Да и захочет ли она быть моею сестрою?

БИЛКИЗ: Хочешь быть сестрою Эдала?..

Салихат молчит, потупив взор.

...Не хочет, Эдал, она иметь такого брата.
Мы ждать тебя будем...
А теперь поскорее,
пока не стемнело,
Стадо свое направляйте в село.

*С тех пор проходит десять лет.
Небольшое горное селение. Лесная
поляна. В центре стоит высокая
дикая груша. К ее стволу приставлена
лестница. На верхушке дерева
из веток сооружено смотровое
приспособление. Яндар и Мяхта
сидят, прислонившись к стволу
дерева. Их кремневые ружья стоят
рядом.*

МЯХТА: Яндар,
я правду скрывать не умею.
Причиной того,
что с тобой не пошел я
вчера на встречу с той девушкой,
была моя любовь к ней...

ЯНДАР: Об этом давно догадался я,
хоть ты и старался все скрыть от меня...
Вчера я услышал ужаснее весть...

МЯХТА: Что слышал ты?

ЯНДАР: Дочь Ады сказала мне,
что не видит никакой разницы
между мной и братом ее жениха...
А я ведь в любви ей признался своей...

МЯХТА (*радостно вскакивает*):
Она права!
Ведь ты мне вместо брата?!

ЯНДАР: Не тебя она в виду имела.
Мне кажется, что брата моего,
Эдала, она забыть не может. (*Встает*)
Что делать? Потягаемся и с братом.
Тому, кто победит, будет наградой
красавица Салихат.

МЯХТА (*тоже вскакивает*):
В честном споре будем состязаться.
Хоть ты мне друг,
ее забыть не в силах я.

ЯНДАР: Кто скажет, что не я, не мои руки
будут эту девушку ласкать –
тот мой заклятый враг!
Попробуйте ее завоевать:
и ты – мой верный друг,
и ты – мой младший брат... (*пауза*)
Подняться, что ли,
посмотреть вокруг.

*Поднимается по лестнице. Раздается
ружейный выстрел. Хватаясь за
грудь, Яндар вскрикивает: «О Боже!»
– подбежавший Мяхта помогает
ему спуститься и укладывает на
расстеленную бурку. Бегаёт вокруг.*

МЯХТА: Кто? Кто выстрелил в Яндара?
(*Схватив ружье, скрывается в
лесу. Раздается выстрел. Мяхта
возвращается.*)
Скрылся подлец... что делать???

ЯНДАР: Воды... дай мне воды, Мяхта...

МЯХТА (*Зачерпнув в пригоршине,
несет родниковую воду. Поит
раненого. Разорвав нижнюю рубашку,
накладывает тампон на рану*):
Не волнуйся, Яндар.
Убью того, кто выстрелил в тебя.
Еще никто не уходил

безнаказанно от нас с тобой.
В каких лесах, где скроется он?
(Пытается усадить друга)

ЯНДАР: Не надо... оставь...
Какая тишина... Мяхта!
Сколько раз я видел
потухающий взор врага,
слышал его последнее дыхание
– и никогда не вздрагивало сердце,
которое останавливается сейчас
в моей груди.
Какое трудное, страшное
и холодное мгновение – смерть...
В бескрайнем мире
беспомощным остаться...
Я словно лечу в бездну и
не за что уцепиться...

МЯХТА: Яндар, потерпи...
Мы скоро на твоей
свадьбе повеселимся...
Я же шутил с тобой...
Мне никогда не нравилась
эта девушка...
Мы сегодня же введем в твой дом
дочь Ады, Салихат...
Крепись, мой друг!
Слышишь, птицы поют,
мир тебе протянул свое богатство.

ЯНДАР: Увы!
Какою дорогой ценой
оно досталось...
Прости меня, мой верный друг.

МЯХТА: Постой немного,
Яндар, подожди...
Сейчас я к лекарю тебя доставлю...

ЯНДАР: Лекарь не поможет...
Еще раз дай напитокя...

МЯХТА (черпает из родника
пригоршню воды):
Сейчас, Яндар, потерпи...
Мы тебе... (выливает воду и
бросается к другу)
Яндар!!! (Трясет тело Яндара)
Яндар! Ты не смеешь умереть!
Что я скажу отцу твоему?!!

*Мяхта стоит над телом Яндара.
Темнеет. Над сценой витают тени.*

*Издали начинаются тихие удары в
бубен, доносится грустная мелодия:*

Я-ла, я-ла-лай,
Я-ла, я-ла-лай...

*Под звуки дечиг-пондура та же
мелодия двумя голосами... Теперь уже
включаются звуки других инструментов
и поют в три голоса:*

Как один день,
Над землей пролетели
Тысячи тысячелетий.
Человек!
Ты всегда сострадание имел
К беззащитным и слабым.
Где правильный путь?
Кто видел его
Теперь или когда-то?
Взгляд в завтрашний день
Обманутым был крупинкой неправды...
В беспокойном и маленьком
человеческом сердце
сегодня смешались
Дикой природы
Чистота первозданная,
Подлость и жестокость.

*Луч прожектора выхватывает из
середины сцены лицо Эдала. Он делает
круг на месте и кричит.*

ЭДАЛ: Кто вы такие?
Покажите мне ваши лица!
(Луч прожектора освещает
лицо почти на уровне сцены)

ПРОШЛОЕ: Я – день прошедший
твоего народа.
(Чуть выше первого за спиной Эдала
появляется второе лицо)

НАСТОЯЩЕЕ: Я – ваш сегодняшний
несчастный день.
(на правой стороне сцены выше Эдала
появляется третье лицо)

БУДУЩЕЕ: Я – будущее всех
людей Земли!

ЭДАЛ: Но как же? Вместе как вы
очутились?

ПРОШЛОЕ: Как корень дерево,
я питаю жизнь.

НАСТОЯЩЕЕ: Я – ствол того
дерева жизни.

БУДУЩЕЕ: На ветвях того дерева
молодую листву распуская весной,
цветами его украшая,
я в сердце твоём зарождаю
далекую и красивую мечту.

ТРОЕ (*вместе*):

Поэтому вечно мы вместе
– бескрайнего времени нить.
Пока на Земле хоть два человека живут,
пока живет дерево жизни
– мы были, мы есть, мы будем вместе.
Ты скоро поверишь тому!
Тебе придется правду отличать от лжи.
Всегда в беде узнавай
и слушай времени голос.
Мы с тобой, мы вместе с тобой!

*Постепенно левая сторона сцены
светлеет и появляется диск солнца.
Вдали видны снежные вершины
Башлама. По обе стороны сцены
амфитеатра ведут вниз ступени,
вырубленные на склонах гор. Стадион
военно-спортивных игр. На фоне
диска Солнца вырисовывается силуэт
человека, сидящего на верхней ступени
с левой стороны гор. Это Эдал.*

ГОЛОС ВРЕМЕНИ:

Насилие тьмы разрушается светом.
Каждый живет ожиданием рассвета.
И солнце встает, улыбается рекам,
Листьям, траве, муравью, человеку.
В такое же ясное утро однажды
Мир заразился кровавою жаждой.
В безлюдных лесах,
в неистоптанных травах
Глядел в небеса окровавленный АVELЬ.
А Каин стоял над поверженным братом,
Не осознавший тяжелой утраты.
Читал приговор пламенеющий день:
«Твой дух облачится в бесплотную тень,
Страдай и лети, в бесконечности рея,
Беда всех народов пусть будет твоею!
Пред тобой, помешать не имеющим право,

Сотни тысяч раз умирать будет АVELЬ.
Его боль твоё сердце
пронзит многократно –
Потухающий взор убиенного брата.
Этот призрак тебя никогда не забудет,
Ненавидя, любя – не спасет, не погубит».
Прислушайтесь к голосу времени, люди.
Не будьте во власти у страсти орудием.
Легенде библейской умы неподвластны,
Но все ж, омрачая сегодняшний день,
Несется над миром, крылья распластав,
Каина тень... Каина тень...

*Сцена освещается. С обеих сторон
амфитеатра появляются фехтующие
короткими мечами и маленькими
круглыми щитами юноши. С
правой стороны быстрой походкой
появляется Маккал. Эдал встает и
медленно начинает спускаться по
ступенькам вниз.*

МАККАЛ (*резким голосом*):

Сильнее! Сильнее,
Не надо жалеть.
Промедлишь чуть-чуть
– получишь удар. (*Недовольно*)
Постойте! Постойте!
Чтоб мне умереть!
Лишь тот человек – кто силой владеет.
Слабый не нужен никому, никогда.
(*Обнажает свой меч*)
Кто из вас ловкий? Выходи-ка сюда!
(*В круг выходит один юноша*)
Смелее! Меча своего будь достоин!
(*Маккал наносит юноше
удар выше локтя*).

МАККАЛ: Ничего,

для отваги жестокость нужна.
Без ярости дикой не вырастет воин,
Которым гордиться могла бы страна.
Кто в детстве перед сном из вас не плакал,
Заноз не выдирает из ног босых?

Выходит второй юноша.

ВТОРОЙ: Подбери свои
остроты, Маккал,
Для будущих наследников своих.

МАККАЛ: Ну-ну! Я люблю
обнаженный клинок.

ВТОРОЙ: В сильных руках
он опасным бывает
(Наносит удар по левому
плечу Маккала).

МАККАЛ (*заскрежетав зубами*):
Тебе покажу я, несчастный щенок,
Сражаться с учителем как подобает.

*Бросается на юношу, но подоспевший
Эдал ударом меча выбивает у него из
рук ружье. Появляется Нажа, следом
за ним Букариш верхом на палке. Оба
видят последнюю сцену.*

НАЖА (*удивленному Маккалу*):
Ты старого садовника не слушал,
Давая разрастаться сорнякам.
Но поперхнулся первой спелой грушей –
И вкус не тот? Я вижу по глазам.

*Букариш подъезжает на своем
«скакуне» к Маккалу.*

БУКАРИШ: Тот, кто не владеет словом,
За оружие берется.
Берегитесь труса злого –
Его сердце в пятке бьется.

МАККАЛ (*замахивается ногой*):
Вон отсюда, ты, пупырь!
Пну – и лопнешь как пузырь!

БУКАРИШ: Посмотрите, на осла похожий,
Он ревет: «Я брыкаться могу».
Но моя кобылица тоже
Быть не хочет перед ним в долгу.

*Разворачивается, сильно бьет концом своей
«кобылицы» по ногам Маккала и удирает.
Маккал бежит за ним. Оба исчезают.
Нажа недовольно смотрит вслед.*

НАЖА (*юношам*):
Бегите скорее за умницей этим –
Он может в порыве беднягу убить...

Юноши бегут вслед за Маккалом

...А ты подожди. Ты нужен мне, Эдал.

*Эдал подходит к старику. Тот
садится на нижнюю ступеньку и
постукивает посохом.*

ЭДАЛ: Не хитрое дело.
Я думал о том,
Как не похожи друг на друга все люди.
Как можем мы жить с таким вот скотом,
Боимся его? Или преданно любим?

НАЖА: Все одинаково в мир
мы приходим.
Жизнь порождает коршунов этих.

ЭДАЛ: Каждый из них эти когти находит.
Потому презренье других он не встретил.

НАЖА: Сегодня такие нам очень нужны:
Не я так хочу – время твердит
Тебе быть таким ради страны.

ЭДАЛ: Что делать?
Ведь сердцу все это претит.

НАЖА: Не сердце,
а разум послушай, мой друг.
Мы живем в окруженье
враждебных племен:
И рати сразить мы должны, если вдрут
Ворвутся к нам полчища
чуждых знамен...

ЭДАЛ: Чего не хватает им?
Этих теснин?

НАЖА: Побольше пространства себе
каждый ищет.

ЭДАЛ: Но ты говорил:
бесконечных долин
Много, где звери одни только рыщут.
И каждому места там хватит, наверно.

НАЖА: Находятся люди сегодня в плену
Мелких страстей, суеты непомерной,
И правде в глаза не хотят заглянуть.

ЭДАЛ: Где же она, ядовитая истина?

НАЖА: Трудно сказать. Но кажется мне,
Что без людей я на свете ничто.
Если же каждый это поймет,
Кровь человека другой не прольет.

ЭДАЛ: Но как же себя и других
мне понять?

НАЖА (*посохом чертит окружность*):

*Проза***Муса Бексултанов****Легенда о Сарсаке***Итаеву Вахиду,
джентльмену*

Я часто встречал его, низкого, словно подросток, плотно сложенного, старика, похожего на призрак или на чью-то блуждающую тень, или же на далекое воспоминание о ком-то...

Никто не знал, когда и откуда он появился в этом селении.

Все знали, что он есть, но никто не мог рассказать о нем ничего.

Никто не был с ним знаком.

Вернее, я не встречал никого, кто его знал.

Каждый, кого о нем ни спрашивал, сначала делал удивленный вид, недоуменно вопрошая, пытался что-то рассказать, задумывался, потом начинал путаться в именах людей, живущих ныне или давно преданных забвению, уходил далеко в минувшие годы, столетия и, вконец заблудившись в своих же мыслях, недоговорив, разводя руками, уходил, не прощаясь.

Я никогда не слышал, чтобы кто-то с ним здоровался и тем более, чтобы он отвечал на приветствие.

Люди избегали его, да и он не стремился к их обществу.

Все, чем он владел – три козы и две овцы, три козленка и два ягненка – было всегда при нем.

Они всегда были вместе, на выпасе на окраине селения или на склонах горы, а потом и ночью в своем загоне.

Этот человек-тень каждое утро с восходом солнца начинал свой путь по окраине селения, медленно шагая, словно муравей, и за ним ровной цепочкой шли три козы, две овцы, трое козлят и двое ягнят.

Человек останавливался на склоне горы, большую часть дня освещаемую солнцем, делал несколько кругов, исследуя место стоянки, а потом садился, удобно пристроившись.

Животные (которые за всю дорогу сюда ни разу не пытались щипать траву), не отходя от него далеко, медленно начинали пастись, как только он устраивался.

Они уходили далеко, через несколько часов возвращались, словно пытаясь убедиться, что их хозяин на месте, и снова уходили пастись.

В час, когда солнце начинало брызгать золотыми лучами из-за зубчатых вершин гор, словно попав в пасть дракона, животные останавливались рядом со стариком, жуя жвачки и тихо вздыхая.

Тогда старик вставал, смотрел по сторонам, как будто в последний раз, медленно начинал идти обратно в селение и никогда не оглядывался.

Животные вереницей пристраивались следом.

Две недели наблюдал я за ним, изучая его поведение, пытаясь понять, что это за человек.

Ничего удивительного не было в его образе жизни, странным было только то, как он молится, очередность молитв или их число.

В день он совершал молитву три раза вместо положенных пяти, в иной день семь раз, бывало и две молитвы за день.

Если рядом не оказывалось воды, он совершал омовение травой, листвою деревьев или же просто землей.

После совершения молитвы он никогда ничего не просил у Бога.

Я не видел, чтобы он просил о чем-то Бога.

Он неподвижно сидел, устремившись вдаль, и, как старый орел, лишь взглядом парил по небу, горам, хребтам.

Казалось, целая вечность проходит перед его взором, когда он сидел так неподвижно, с застывшими глазами.

И вдруг неожиданно, как будто вспомнив о чем-то, начинал омовение, проводя руками по траве, так же быстро завершал свою молитву.

И снова застывал, словно птица, замершая на вершине хребта или дерева, с застывшим, немигающим взглядом, устремленным куда-то вдаль.

На третьей неделе, в четверг, в послеобеденное время, я, поздоровавшись, опустился перед ним на корточки.

Его губы едва шевельнулись, или мне это показалось, он глядел сквозь меня, куда-то в сторону, словно меня и не было здесь.

Да я и не существовал для него.

И тогда я увидел эти глаза цвета морской волны и их горящий, ясный взгляд.

Это был взгляд молодого мужчины, со страстью и звериной зоркостью наблюдающего за миром.

А лицо... Лицо было испещрено морщинами, словно отпечатавшимися на нем птичьими следами, изрыто следами бесстрастного времени. И можно было заметить стертые временем зубы.

«Как имя твое, – спросил я его, – где селение, в котором ты родился и вырос?»

И только тут он взглянул мне прямо в лицо. И от этого взгляда мне стало немного не по себе.

Взгляд его застыл.

– Я спросил, как твое имя? – повторил я свой вопрос чуть робко, пытаюсь скрыть свой страх перед ним.

– Мать звала меня Гиба... – услышал я через какое-то время.

Гиба, Тиба или Диба – это имя я слышал и раньше из рассказов стариков, которые отрицательно отзывались о человеке, жившем в те далекие времена, когда армия русского царя уничтожила большую часть нашего народа, или же жившем чуть позднее этого времени.

Рассказывали, что он не похоронил ни отца своего, ни мать... Что он убил одного очень хорошего парня по имени Сарсак, чтобы завладеть его невестой. И невеста Сарсака после его гибели бросилась в пропасть, храня верность своему жениху.

«Во времена Сарсака...» – говорили люди о том времени, и не было человека, который не знал историю о Сарсаке и его невесте.

Каждый рассказывал о красоте и мужестве Сарсака по-своему, и каждый считал его своим, близким и родным.

Я слышал, что Сарсак был из селения Пхалча, лежащего где-то в горах.

Говорили, что этот Гиба, Тиба или Диба тоже из этого селения.

Рассказывали, что он убил Сарсака во время совместного набега где-то в песках, влюбившись в его невесту Хазаш.

И тогда я задал следующий вопрос человеку, сидящему напротив и назвавшему себя Гиба.

– Как называлось селение, в котором ты жил, ты помнишь его название?

– Я ни в одном селе надолго не останавливался до этого времени. Их было много, все не припомнишь, – ответил он мне, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Назови тогда селение, в котором ты родился, – предложил я, начав сильно в нем сомневаться.

– Мать говорила, что родила меня в дороге, – снова ответил он мне. – На какой-то узкой тропе между Чечней и Грузией, когда она покидала сожженный русскими захватчиками дом, не успев толком оплакать убитого ими мужа.

– А где находится могила твоей матери? – вновь спросил я его, не давая ему возможности уйти от объяснения.

– Кажется, тогда, когда еще много людей жило в горах, это селение называли Пхалча. Это была маленькая лощина с несколькими саклями... – старик задумался, словно вспоминая что-то.

«Ох! – подумал я тогда. – Оказывается, о тебе я слышал столько раз, и ты дожил до этих дней, не понеся никакого наказания. Неужели в Чечне не было никого, способного убить тебя и отомстить за смерть Сарсака... Оказывается, именно поэтому ты и жил так скрытно, прячась от людей, словно шакал, в местах, где тебя не знают».

А Сарсак... Сарсак предстал перед моими глазами именно таким, каким его описывали люди: поджарый, как гончая, косая сажень в плечах, с горящими, как молния, глазами. Говорили, отца Сарсака убил какой-то богатый грузинский князь, когда Сарсак был еще ребенком. Его отец был храбрым и знаменитым абреком... И погиб во время абреческого набега.

И когда ему исполнилось пятнадцать, Сарсак собрал большой отряд абреков и привез голову этого князя, заодно перегнав все его стада.

И тогда имя Сарсака быстро облетело горные селения, каждый равнялся на него, отцы своим сыновьям ставили его в пример.

У Сарсака была любимая девушка, которую звали Хазаш. И она, согласно молве, действительно, была очень красива: с тонким, гибким станом, с тяжелыми, ниспадающими, словно неистовый водопад, косами цвета солнечных лучей, с кожей, как белый снег на вершине горы, и с чистым, как горный родник, взглядом прекрасных глаз, вызывающим у любого жажду и сладостное томление в тесной груди.

Когда Сарсак с любимой встречались у родника, говорят, все селение сторожило, оберегая их покой. И пока они не разойдутся, не только сами не ходили на воду, но и детей туда не пускали.

Их знали в каждом селе.

«Ты Сарсак?», «Ты Хазаш?» – спрашивали у них люди.

Сарсак угонял скот со степей Калмыкии и даже из-за Волги в честь Хазаш и раздавал все в селениях, не оставляя себе ничего.

А родное селение он обеспечивал крупным стадом, которое пасли нанятые пастухи из Дагестана, чтобы сельчанам всегда хватало и дойных коров, и молодых бычков, чтобы забить, если захочется, свежего мяса.

И нищий, непутевый Дибя, не имеющий за душой ничего, что можно было приторочить к седлу, живущий за счет мелких краж (правда, у него была старая мать в селении Пхалча, да и ту после смерти похоронили чужие люди), влюбившись в невесту Сарсака, заманил его обманом в пески Калмыкии, пригласив для набега, так как он якобы считает достойным мужчиной в горах только его, Сарсака, и там коварно убил.

Бросив уже начавшийся разлагаться на жаре труп Сарсака перед его матерью, он в тот же день обратился к Хазаш, предложив ей стать его женой, если она не хочет участи своего жениха.

Хазаш отвергла его предложение.

Хазаш не стала держать траур по погибшему возлюбленному.

Она ничуть не изменилась, была такой же веселой, как тогда, когда за ней ухаживал Сарсак. Ходила все так же с гордой походкой, с ниспадающими солнечными косами. Каждому, кто к ней приходил с предложением выйти замуж, давала обещание, назначая последнее воскресенье второго месяца осени. Это был тот самый вечер, в который она должна была стать женой Сарсака.

В ту осеннюю прохладную ночь Хазаш вывела из хлева старого коня своего

пожилого отца, обняла свою мать, с улыбкой попросив ее не переживать за нее и выбрав самую глубокую пропасть, прыгнула туда вместе с конем.

На следующее утро все селение вышло на поиски девушки. Но ее не нашли.

Когда после обеда они заметили стаю черного воронья, кружащую над узкой расщелиной пропасти, люди поняли, где она.

Они там и нашли ее, а вместе с ней старого коня и узелок со всеми ее пожитками.

И эта смерть стала всеобщей народной болью, рассказывали люди.

Хазаш хоронили всем народом, выкопав могилу рядом с могилой Сарсака, поставив одну на двоих каменную стелу, воздвигнув над их могилами мавзолеей.

Рассказывали, что после молодые клялись у этого мавзолея быть верными друг другу, как были верны Сарсак и Хазаш, это было вплоть до депортации нашего народа советской властью. И союз, скрепленный там, был прочным и счастливым. А когда мавзолеей разрушили солдаты во время депортации, любовь, говорят, оттуда ушла навсегда.

Я не знаю, ушла любовь или нет, но сейчас прямо передо мной сидел человек, ставший проклятьем или причиной этого зла. Сидел неподвижно, как камень, наблюдая за миром с таким видом, словно этот мир он сам и создал, с бесконечным покоем в глазах, в которых не было вопросов, словно все ответы на все вопросы ведал лишь только он.

Я не знал, что я должен ему сказать или спросить и как это сделать.

Ты знал Сарсака? За что ты убил Сарсака? И что тебе сделала Хазаш?

Сначала я подумал, что стоит пойти в село и рассказать людям, кто он, люди сами решат, как с ним поступить.

Но все же остановился, задав себе вопрос: «Почему его, которого знали все, люди забыли настолько, что его никто не узнает?»

Я довольно долго глядел ему в глаза, прежде чем задал ему вопрос, пытаюсь заставить его врасплох, чтобы он не смог уйти от ответа.

– За столь долгую свою жизнь тебе приходилось участвовать в абреческих набегах? – спросил я, начав издали, чтобы не выглядеть слишком неуважительным.

– Я оставил абречество, когда чеченцы вернулись из депортации, – ответил он мне, – понял, что абречество утратило честь: у каждого времени свои герои, – его ответ был быстрым и четким, словно клацанье затвора винтовки.

– Сколько же тебе лет? Чей ты ровесник? – вновь спросил я, чтобы убедиться в своих подозрениях.

– Я не знаю... – задумался он. – Я помню время, когда в горах была эпидемия сыпного тифа.

– А когда это было? Сравни с чем-нибудь... – попытался я помочь ему вспомнить какое-то событие.

– Кажется, это было за тридцать или сорок лет до власти большевиков... Это было время, когда я вполне умел обращаться с оружием и с конем и уже привык к абречеству... – ответил он тихо, не особо затрудняя себя попыткой вспоминать какие-то детали.

Все мои сомнения отпали: это тот самый Дибба (другого и быть не могло), о котором я слышал. Враг Сарсака и Хазаш, проклятие и кровник всего народа, которого имел право убить каждый.

После этого я, без всяких околичностей (я был готов сам совершить правосудие), спросил его, глядя прямо в глаза:

– Поведай мне о Сарсаке, Дибба, и за что ты его убил?

Едва успел он спросить:

– Кто он по национальности? – как я оборвал его:

– Чеченец из селения Пхалчи, которого ты пригласил в набег и убил.

– Я убил всего одного чеченца... Я никогда прежде его не видел и не знаю, как его звали. Я убивал других, из других земель...

На мой вопрос:

– Как и где ты его убил? – он ответил:

– В камышах на берегу Терека... Мы перешли Терек с угнанным табуном, но преследователи не отставали. Я знал несколько путей отхода, неизвестных другим. Когда мы разделились на пять-шесть групп, солдаты и казаки оказались за моей группой. Вместе с ними нас преследовали и чеченцы. Мы не могли от них оторваться. Их проводником был чеченец. Он застрелил подростка из моей группы, которого я взял погонщиком. Я задержался и убил этого человека. Преследователи повернули обратно. Разрезав штанину, я понял, что он был обрзан – убитый был мусульманин и чеченец. В первом же селении я рассказал людям, где искать труп, кто я такой и по какой причине был убит этот человек, чтобы его родственники могли предъявить мне кровную месть, если сочтут это справедливым. Из-за него никто не предъявлял кровной мести. На мне нет крови того, кого ты назвал, – Дибя умолк, готовый ответить на любой вопрос, ничуть не растерявшись и не думая увильнуть.

Он оставался в прежней своей позе, маленький, как потрепанная папаха, внимательно наблюдая за лесом, горами, за всем миром. Изредка он переводил взгляд на небо.

Я совершенно растерялся, не зная, что делать дальше, как его разоблачить.

– Я расскажу тебе о Сарсаке, – сказал я чуть погодя, – слушай теперь меня, – начав рассказ, я осмелел, перешел через грань приличия и продолжил уже с сарказмом, с какой-то издевкой, пытаясь сделать ему больно.

И я поведал ему, как Сарсак в пятнадцать лет отомстил за гибель своего отца грузинскому князю и в доказательство этого принес отрубленную голову князя в свое селение.

Я рассказал, что в горах не было стройней и красивей Сарсака парня, как он пригонял огромные стада из других земель, раздавая все людям, как он был знаменит и любим народом.

Поведал я ему и про Хазаш, о красоте которой слагались легенды, чья неземная красота расцвела еще больше от взаимной любви с Сарсаком. Про Хазаш, в честь которой Сарсак пригонял целые табуны из чужих земель.

Как он, заманив Сарсака в глухую степь, там, где нет свидетелей злодеяния, подло убив его, попытался опорочить его имя, будто Сарсак пал от казацкой пули. Как одинокая, словно росток в камнях, без отца и брата Хазаш предпочла сомнительной чести стать его женой смерть, дождавшись заветной ночи, обещанной Сарсаку, и принесла свою жизнь в жертву своей чистой любви. Поведал о том, как он...

– Наверное, ты рассказываешь о ребенке, воспитанном матерью... не могу вспомнить имя, – и глазом не моргнул он, делая легкую отмашку рукой. Потом, подумав немного, снова заговорил: – Да, возможно, он как раз тот, кого я убил в том набеге. Позже, кажется, умерла одна девушка, вернее, она сбежала с одним немолодым пастухом из Дагестана, которого я нанял для выпаса угоняемого мной скота, и именно ее, наверное, ты и имеешь в виду... кажется, они оба умерли, упав в пропасть... точно не помню, много времени ведь прошло, – он замолк, несколько раз моргнув.

– Я имею в виду не ребенка, – сказал я быстро, – я говорю о Сарсаке, том самом, что принес отрубленную голову грузинского князя, убийцы своего отца...

– Я не слышал, – вздохнул он, – что оттуда принесли чью-то голову, правда, я принес одну, отомстив за гибель своего товарища, да и ее выбросил на окраине первого же селения.

Я растерянно замолк, не зная, что сказать, и не имея доказательств своей правоты.

– А что ты делал со скотом, угоняемым тобой? – задал я новый вопрос, способный, как мне казалось, окончательно его расколоть.

– Да ничего особенного, просто оставлял в горах, на окраинах разных селений, чтобы любой мог им владеть, – отвечая, он даже не взглянул на меня.

– А кто и из каких селений сопровождал тебя в набегах?.. – начал я следующий вопрос, как он перебил меня:

– Со мной никогда и никого не было. Я всегда действовал один. Правда, иногда я брал какого-нибудь подростка в качестве погонщика, да и то лишь по просьбе его родителей...

– А куда делись храбрые и именитые мужчины, разве не было таких?.. Тебя же никто в этом селении не знает!

– Храбрцы были... были, наверное, где-то, жили со своими семьями... Но я таких не встречал.

– А у тебя разве не было семьи? Ты не был женат?

– Женщину всегда можно найти, когда она тебе нужна... А так, женат я не был...

Я не знал, о чем и как, да и по какому праву или причине я могу расспрашивать его дальше.

– А как же ты жил тогда вот так, не имея никакой связи с людьми, когда людей депортировали?..

– Меня не выслали, – прервал он меня вновь, – я всегда оставался на Кавказе, меж двумя морями, не считая коротких периодов отлучки в набег.

– Набеги, набеги... Ведь грех воровать, посягать на чужое...

– А почему на мое посягнули, отняли родину, земли, забрали скот, где тогда мое? – впервые посмотрел он мне в глаза, отвечая вопросом на вопрос. – Мой отец, дед и дядя? Кто их уничтожил?

Его глаза загорелись, еще больше оттеняя их цвет. На шее начала пульсировать артерия.

Я не решился задавать больше вопросов.

Я замолчал.

Он несколько раз глубоко вздохнул.

Потом начал шарить впереди себя руками, будто в поисках чего-то.

Губы задвигались, словно беззвучно произносили чьи-то имена.

Потом замер, оцепенел, не слышно было даже дыхания.

Душа его улетела куда-то.

Потом, когда, казалось, прошла целая вечность, я услышал глухой стон, словно человека только что отпустил приступ мучительной боли.

Показались его овцы и козы, удивленно разглядывающие меня, забыв даже о жвачке.

Он поднялся, оставив меня, будто меня и не было никогда.

Взявшись за середину трости, заложил руки за спину.

Медленно двинулся вперед, не сгибая ноги, как ребенок, делающий первые шаги.

Он казался каким-то одушевленным предметом или же детской игрушкой с механическим приводом.

Когда игрушечный человек отошел далеко, вслед за ним двинулись и его животные, до сих пор удивленно разглядывавшие меня.

Они разворачивались за ним по одному, как солдаты, выступающие в поход за своим командиром.

Последней ушла коза, неодобрительно фыркнув на меня несколько раз.

Придя домой, я первым же делом рассказал о нем отцу.

– Да, конечно, он очень известный молодец, с самого Казахстана просивший

подавания, симулируя сумасшествие... В Семипалатинске у него от голода умерли жена и двое детей. Он, определенно, ненормален, и я запрещаю тебе ходить к нему в дальнейшем, – отчитал меня отец.

Отчитал как-то быстро, гневно, с какой-то душевной болью.

Больше я не встречался с ним.

Помнил, конечно. И никогда не забывал.

В это лето я поехал учиться в Грозный.

И каждый раз, приезжая домой на побывку, я спрашивал о старике.

– Ты об этом ненормальном?

– Да. О нем.

– Он-то продолжает здравствовать! – отвечали мне с громким смехом, удивляясь моему вопросу.

В конце сентября или в начале октября я пошел за околицу селения, чтобы полакомиться созревшими дикими фруктами.

Я заметил у дома старика его животных: три козы с тремя козлятами и две овцы с ягнятами. Они увлеченно паслись, не замечая вокруг ничего.

Калитка во двор была открыта.

Старика нигде не было видно.

Я опустил на траву там же, где стоял.

Отяжелевшее солнце клонилось к закату, то вспыхивая ярко, то печально алея.

Я направился в селение с твердым намерением посетить жилище старика.

«Дом» был удручающе беден. Однокомнатная хижина без побелки, с некрашеным навесом.

Забор был из срубленных стволов молодых деревьев.

Во дворе росла старая дикая груша.

Калитка была приоткрыта, и в проволоке виднелась застрявшая овечья шерсть и козий пух.

Весь двор был очищен от травы. Всю траву начисто съели животные.

Я вошел во двор и окликнул его.

Из дома выскочил кот.

Он подбежал ко мне и начал тереться о мои ноги.

Потом взглянул на меня и тихо, печально мяукнул.

Входная дверь хижины была распахнута.

Я окликнул еще пару раз.

Кот повернулся и пошел к дому, оглядываясь, словно показывая, куда мне идти.

А когда я не сдвинулся с места, присел, попеременно глядя на дверь дома и на меня.

Притолока двери была низкая.

Я сунул в проем двери голову.

Деревянные нары, покрытые войлоком.

Прямо под окном на нарах лежал старик, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди.

«Дремлет», – подумал, останавливаясь у двери.

А потом заметил паутину, тянущуюся от окна к голове старика и от подбородка к груди.

Когда подошел поближе, мне показалось, что взгляд его стал лишь немного мутнее, несмотря на плотно обтягивающую череп иссохшую кожу.

Выделялись коротко стриженная, седая борода и наглухо застегнутый бешмет.

Лежал, словно заснув, рот слегка приоткрыт.

Когда он умер, никто не знал, а когда стали выяснять, оказалось, что люди не видели его уже две недели.

Первая информация о нем появилась в Санкт-Петербургской газете в статье под названием «Разбойник казачьих хуторов» в августе 1887 года. В этой же газете есть и его изображение, сделанное художником со слов очевидцев, где он представлен с молодецкими усами и в казачьей папахе, лихо заломленной набекрень.

Там написано, что его имя Дута и фамилия Элбазов, но пользуется он документом на имя Кондратьева Давида.

После революции его ищет ЧК, утверждая, что он агент турецкой и английской разведок и что он владеет семью языками.

Потом ОГПУ возводит его в ранг полковника белой гвардии.

НКВД объявляет его антисоветчиком и рассказывает о его золоте, хранящемся в антисоветских центрах по всему миру.

КГБ объявляет о его ликвидации, тем не менее не прекращая его поиски до падения советской власти.

Правда, я не знаю, сейчас, когда создали ФСБ, числится ли он у них в списках бандитом.

Он умер в октябре семьдесят второго года в двадцатом столетии.

Не могу рассказать, где похоронен: отец взял с меня слово.

Он более был известен в других краях, чем дома, поскольку большую часть жизни он провел в чужих землях.

Там же он совершал набеги, там же вершил свое правосудие над царскими карателями. Он мстил им неистово и жадно, не насыщаясь кровью.

Лишь один человек во всей Чечне знал его близко: Вуомарг Тушиев из Хильдехароя.

Вуомарг рассказал о нем Цинтиеву Дерказу.

Дерказ – другому.

И таким образом рассказ о нем доходит до Кабиева Мусы. Муса рассказал о нем моему отцу.

Отец рассказал мне о нем лишь зимой 1992-го года, когда советская власть окончательно пала.

Я и сегодня не решаюсь поведать о нем все, он действительно знал пять языков: грузинский, армянский, кабардинский, аварский и русский.

Отца его звали Тудащ, сын Элбазы, а самого его звали Дарта.

Он из общества Зумсой, кровный родственник потомков Дуева Умы. Более конкретно не знает никто.

У себя дома, в Чечне, он был безымянным, и именно оттуда эта страсть людей приписывать себе его заслуги, оттуда же и легенда, созданная людской молвой о Сарсаке.

Детей он так и не завел. Он был последним в роду.

Я начал писать это повествование в последний день 1992-го года и закончил его в 2003 году двадцать четвертого мая в Грозном, недалеко от блокпоста русских солдат.

Уже пятый год продолжается вторая российско-чеченская война, но мне кажется, что война и не прекращалась с тех пор, как Дарта, сын Элбазова Тудаща, стал сиротой, или же еще раньше, когда сиротами стали его дед и прадед и весь чеченский народ.

Перевод с чеченского Михаила ЭЛЬДИЕВА

И доносился собачий лай

Утро было нестерпимо трудным.

Утро не любил.

От утра хотелось убежать и спрятаться куда-то далеко.

Утро казалось пыткой, до вечера длящейся пыткой: тело ломило, неустанно ныло, сломанное, изувеченное тело.

Тело молило о помощи.

Вы тяжело просыпались утром.

Вы долго, длительно вставали, раскачиваясь, вновь присаживаясь, копошась, перебирая какие-то лохмотья, пытаясь что-то найти, не имело значения, что именно, рукавицы, например, чтобы прикрыть руки, завернув их в тряпье, огрубевшие руки, как высохшие корни.

Конвой заливался бранным криком, требуя построения, построения в одну шеренгу. От конвойных исходил пар, пар сытости и довольства.

Вам не хотелось строиться, вам ничего не хотелось, и даже думать, что надо куда-то идти и что-то делать.

Вы собирались медленно, долго возились, роясь в грязи (или в грязных вещах), брали одно, клали другое, заново разгребая, без спешки, пытаясь выкрасть у вечности хотя бы секунду, хотя бы минуту с целого дня.

Под сапогами конвойных оказывался первый подвернувшийся, его валили, били до измождения.

Упавший не мог встать – у него уже не было на это сил. Ему так и хотелось лежать, долго лежать, пока не умрет.

Утро просыпалось холодным, с застывшим морозным туманом, готовым поглотить все вокруг. Мороз был настолько сильным, что закрадывался в душу, леденя твое сердце, чувства, мысли. Обмороженный весь, ты даже не ощущал на себе одежды, тепла ее касания твоей огрубевшей кожи, что напоминала древесную кору. Все тело было покрыто мурашками, как будто насекомые прошлись, оставляя на нем следы.

Вши на какое-то время затихали, до рассвета съедавшие и разъедавшие тело вши, превратившие все тело в кровотокающую рану.

Умирающего невозможно было высвободить из их плена. Вши одерживали над вами победу, и над вами, и над самой смертью.

Мороз тонкий, колючий, переносился с болью, словно тело кусали насекомые, раскаленными иглами обжигая кончики ушей.

Хромая арестантская шеренга медленно начинала трогаться, напоминая стянутую узлами веревку.

Еле волоча ноги, вы входили в лес.

Лес был со всех сторон, кроме леса не было ничего, старый, древний, густой лес, облаченный в тишину.

Вам надо было его валить, становясь по двое, перетягивая на себя пилу.

Пила, уходя на пядь в глубь ствола, останавливалась, сдвинуть ее не было больше сил, сил не оставалось ни на что.

Начинали страшно болеть руки, пытающиеся всеми силами справиться с инструментом.

Деревья были слишком толстые, очень большие, чересчур широкие.

Иногда резко прерывая тишину, раздавался звук, звук треснувшего дерева. Звук коротко обрывался, недолгий, мгновенный звук.

Деревья трескались от мороза, не в силах его больше выдержать.

Они разрывались посередине. Разорванное дерево было похоже на раскрытую пасть животного. Верхушка, напоминая звериные клыки, падала на землю, вторая половина стояла, корнями твердо вцепившись в землю, устремляя в небо свои острые, словно копыя, концы.

Мелкий, похожий на птичьи следы, иней падал с верхушек деревьев на снег. Иней так и оставался лежать на заледенелом снегу белыми звездочками, белыми, сверкающими, серебристыми звездочками.

Густой туман окутал все вокруг, все было во тьме, какой-то тяжелой, давящей тьме, что нельзя было разглядеть дальше ста метров.

Туман закрался в тебя, в твою одежду, в твои глаза и даже в твои мысли.

Добравшись до делянки, старались что-то делать, пытались растянуть время, дотянуть хотя бы до двенадцати часов. После двенадцати силы покидали, и наступало нестерпимое ожидание вечера. Сил не оставалось вообще, сил не было даже стоять на ногах.

– Пять минут перекур! – сразу после этих слов конвоя все прямо на своих местах падали в снег, стараясь как можно больше расслабиться. Не успевали даже выкурить папиросу до конца, выкурить так, чтобы насытиться ею. Папироса приносила блаженство, ни с чем не сравнимое блаженство, не сравнимое ни с едой, ни с питьем.

Если ты на голодный желудок делал большую, глубокую затяжку и затем, задерживая дыхание, долго выпускал дым, исчезали все болезни, голод, усталость, сознание усыплялось, как после обезболивающего укола, делая тебя ко всему равнодушным, безучастным. По всему телу, по венам, по крови пробегала волна наслаждения и сладостной истомы.

Ты не ощущал своего тела, все телесное исчезало, как будто и нет его, одни лишь парящие, ничем не обремененные мысли. Ты не чувствовал себя ни во времени, ни в пространстве. Была какая-то непонятная твоему сознанию легкость во всем, ты даже боялся думать, боялся, что мысли могут спугнуть это состояние, и блаженство исчезнет, и тогда ничего не останется, не останется ничего, ради чего стоит жить.

После, когда действие никотина ослабевало, возникала сосущая боль в желудке, голод подступал еще сильнее, так, что сил на то, чтобы встать, не оставалось вовсе.

Папироса заставляла на время забыть, миражом сменяя реальность, сбивая мысли, унося их вдаль, но когда вдруг ты приходил в себя, становилось тяжелее в стократ.

И все же человек, весь изогнутый голодом, так, бывало, и умирал на снегу, наслаждаясь папиросным дымом.

Папироса убивала человека, сладко убаюкивая, отбирая последние остатки сил.

Некурящих не было вообще, кроме одного.

Его вы увидели вечером, когда пришли с работы. Распластавшись, он лежал на животе на нарах, его ноги свисали далеко вниз.

– Я счас тя... мое место... – подбежавший с намерением скинуть его хозяин койки отскочил как ошпаренный: – Да это же Кривой, Кривой Магаданский! – бормоча самому себе под нос.

Кривой присел, расправив широкие, как орлиные крылья, плечи, наклонив голову вниз.

Разглядеть можно было только глаза, лица не было видно. Лицо было все изуродовано, искромсано, словно плугом прошлись по пашне. Едва заметен был рот, больше похожий на рубец, след чьей-то жестокости, и то, что когда-то было носом.

– Здорово, – еле произнес он, – внизу мерзлота... оклематься надо... потише...

Барак затих, будто все умерли.

Утром поднялась тревога, утром следующего дня. Весь лагерь гудел – от арестантов до начальства.

Урки подняли бунт, требуя, чтобы его увезли из лагеря, иначе весь лагерь не выйдет на работы. Кричали: «Кривой – беззаконник, мы его зарубим!»

Тебе встречались урки, настоящие урки, те, главный костяк которых Сталин после окончания войны приказал уничтожить. Это были бесстрашные, ловкие, почитавшие только свои законы воры. Власть карала всех, кто мог бы стать авторитетом хотя бы для одного человека. Им начали брить головы и в тюрьмах, и на пересылках.

Настоящий урка предпочитал умереть в драке, чем дать побрить свою голову: обрить голову означало сучиться, быть человеком, работающим на тюремщиков. Некоторые после того, как им сбивали волосы, лишали себя жизни: или вешались, или бросались на охранников, чтобы вырвать у них оружие, и все только для того, чтобы те открыли по ним огонь.

Ты сам лично был свидетелем, как один молодой парнишка, которого хотели побрить наголо, не дав себя поймать, со всего разбега ударился головой о бетонную стену, разбрызгав во все стороны мозги.

Многих уничтожили, расстреляли, с двадцатипятилетними сроками отправили на рудники. Они и были настоящие урки, которые обладали властью и управляли заключенными лучше, чем начальники лагерей.

Из таких был Бузулицкий, и этот Кривой, и другие.

Правда, заключенным от них – ни от бывших, ни от нынешних ничтожеств – ничего хорошего не приходилось ожидать, единственно, первые вызывали уважение своим мужеством, готовностью умереть за свою честь.

Они были другие, не из нынешних, называющих себя урками.

А эти ходили в шестерках у тех, настоящих урок, и пытались жить их именем и положением, лагерные стукачи. Они издевались над другими заключенными, над слабыми арестантами, а если оказывалось сопротивление с их стороны, сразу находили повод подружиться.

Они знали, те, что называли себя урками, что Кривой забрел сюда не случайно и что это не пересылка и не транзит, что тот осознавал, в какой лагерь он попал; они догадывались, что для Кривого это был желанный случай, и чтобы попасть сюда, он совершил нарушения в предыдущих лагерях, и все для того, чтобы кое с кем расквитаться за творимый здесь беспредел.

Кара не заставила себя ждать: на тринадцатое утро тот, кто управлял лагерными урками, был найден мертвым в своей постели с перерезанным от уха до уха горлом.

Гостя нашего забрали – несколько человек, скрутив руки, ничком уволокли его, не позволив ни одеться, ни обуться.

Вновь мы его увидели только через неделю, как и в первый раз распластанного на нарах, на нижней койке, без сил взобраться наверх. Лицо было разбито, и лицо, и голова; одежда тоже вся была разорвана, время от времени слышались обрывки фраз: «собаки... собак пустили...»

Голова была опухшая, с заплывшими глазами; за вспухшими, толстыми губами не видно было зубов.

Он весь истекал кровью, кровь была везде: в бараке, на улице, когда его волокли до барака, на белом снегу оставались кровавые следы.

Он не мог есть и даже сделать глоток воды.

Он харкал кровью, вырывал кровавыми ошметками.

Вы его две недели выхаживали, скрутив из коры дерева трубочку, через нее кормили тюремной баландой, чаем и чефиром.

По прошествии двух-трех недель, когда вы спросили про убитого: «Бог не колхозный сторож – он дальше видит», – было все, что он ответил.

Тебе впервые довелось увидеть человека, который обходился столь малым во всем: мало слов, мало сна, мало общения, мало желаний.

«Не знаю», – за весь день или вечер, когда вы вваливались в барак, были его единственными словами и ни звука больше, никаких других контактов.

С прикрытыми глазами, вслушиваясь, лежал он спокойно, невозмутимо, сложив руки на животе. «По что я знаю, когда заберут!» – отвечал он короткой репликой на вопрос, почему не скидывает с себя одежду.

Его никто не любил, только боялись. Нелюбовь питали все: от черпачника с ковшом до начальства лагеря, конвоя и собак.

Работать он так и не стал, сколько бы его ни избивали. Его, привязанного на санях, привозили на работу.

До вечера так и оставляли лежать на санях, не давая обеденного пайка; а вечером – обратно в барак. И на работу и с работы возить его заставляли вас.

Он никогда ни на кого не смотрел прямо в лицо, вперив взгляд в глаза.

Урки его побаивались, а он делал вид, что не замечает их, смотрел сквозь них, как будто они для него не существовали. Те расступались перед ним.

Он называл их прислужницами прислуг предателей, статистами лагерными. Он ненавидел их больше, чем власть, и их, и конвой, и собак, обученных по себе.

Собачьи глаза всегда были нацелены на него, с рычанием и оскалом.

Они чуяли – собаки, – что его не любят их хозяева, хозяева, которые дают им похлебку.

Цена похлебки была очень дорогой, дороже совести, чести, свободы. Дороже похлебки не было ничего на этом свете: за похлебку продавались не только люди, но и звери.

В одно утро, как всегда, он лежал на санях – Кривого в тот день развязали – вас отправили на работу рано утром, как будто случилось какое-то ЧП, в сопровождении собак. Сани, на которых лежал Кривой, остановили рядом с чертой, за которую нельзя было переступать.

Конвой, дымя папиросами, грел руки у костра, с плеч свисали ружья, временами вас окрикивали, чтобы подносили дровишки для огня, и собаки, которых обычно с собой не брали, сновали вокруг.

Если не намечалась комиссия или что-нибудь другое чрезвычайное – побег там или убийство, собак не принято было забирать на работы, да и не нужны они были: конвой всегда был вооружен, а вы знали зону, за которую не разрешалось переходить.

Неугодных убивали, хитростью заставляя переступить черту, стреляя в упор в спину, сначала одного с первого отряда, следующего с другого отряда, и так дальше, поочередно.

Хитрость была основным оружием, заставляющим заключенного переходить за границу дозволенной черты: «принеси», «отнеси», «оттащи» «отложи» – тем самым притупляя сознание арестанта. И тогда стреляли в голову или в спину, в область сердца, чтобы наверняка одним выстрелом попасть, а следом статья – за побег.

– Эй, ты, прямой, кривой или как ты там, горизонтальный! – крикнул один из конвоя. – Вставай, вишь вон сухая ветка от сосны... иди, принеси быстро!

Кривой не тронулся с места.

– Я кому говорю! – крик повторился, и сразу за ним заголосили собаки.

– Сшас, побежал! – ответили с саней.

Собака рванулась, и вслед команда конвойного: «Взять!»

Человек и собака во весь рост предстали друг перед другом, и в ту же секунду, как вихрь, закружились на снегу в цепких объятиях.

В тот миг, когда собака заскулила, человек уже стоял на ногах, отряхивая с себя снег.

Собака извивалась, жалобно издавая визг, дергая, похожими на сломанные крылья, передними ногами: лопатки собаки были вывернуты у основания, разорваны хрящи лап.

Двое конвоиров, с выставленными вперед ружьями, рванулись с места.

Кривой не тронулся, не убежал ни от собак, ни от конвоя.

Кривой раскусил всю хитрость, понял, что от него требовался «побег» – всего лишь несколько шагов, чтобы его застрелить.

Кривой остался жив, но с едва ощутимыми признаками жизни.

Все тело его было черным. Все зубы во рту были вырваны, губы разорваны. Несколько ребер и четыре пальца левой руки были сломаны.

Только к концу второй недели открылся один глаз, черный, с застывшими сгустками крови, узкий, как у калмыка, похожий на затягивающуюся ножевую рану.

Той ночью, когда Кривой вывернул собаке лопатки, вас держали до утра на улице, без ужина, замерзших, как кусок льда, поднесмолкаемый, напоминающий гимн СССР, собачий вой. Потом на рассвете, застрелив раненую собаку, заставили вас ее похоронить, выкопать в мерзлой земле яму, сделав надпись на могильной доске: «Покойся с миром, боевой товарищ Барс! Клянемся помнить и отомстить за тебя врагам советского народа!»

Кривой лежал, как мертвый, не двигая ни рукой, ни ногой. Стонать он вообще не стонал, без всяких жалоб и причитаний: лежал тихо, спокойно, без слов, будто тишина рассказывала ему что-то про него же самого, а он, в плену собственных раздумий, вслушивался в тишину.

Черпачник до того, как Кривой попал в этот лагерь, был главным для заключенных, потому что в его руках была еда, этим он держал над всеми верх, но с того дня, как увидел Кривого, затих, смолк, растерял слова, старался орудовать своим черпаком по справедливости.

Повар, тот, которого вы называли черпачником, был человеком здоровенным, с большим широким лицом, с толстой шеей. Он издевался над арестантами, как ему вздумается: кому доливал баланду, кому нет и, стоило кому-нибудь возразить словом, наотмашь бил черпаком, сваливая того с ног.

Черпачник всем наливал баланду жидкой, густую же похлебку наливал только приближенным лагерному начальству.

Он вершил суд над человеком, наказывая его тюремной баландой и, по воле начальства, мог убить его, за три-четыре месяца уморив голодом. Перед ним унижались, его просили, и все сходило ему с рук: «Вы вчера... не долили мне... седня, прошу, долейте... я, шо хотите...» – с миской в протянутой руке пресмыкались перед ним.

– Пошла вон, псина! – черпачник даже не оглядывался на просителя.

Тот умолкал, размешивая ложкой воду, пытаясь рассмотреть в ней хоть капельку жира. Жира не было, лишь только горький горох, который невозможно было ни поймать ложкой, ни рассмотреть на днище миски.

Кривой не переставал харкать кровью, как будто была разорвана аорта. Это было очень странно, странно для твоего притупленного сознания, что в человеке столько крови. Вы привыкли думать, что человек весь состоит из костей и мяса, мясо давно исчезло, не осталось и следа, остались только кости, слабые, хилые, изнашивающиеся кости.

Он постепенно слабел, весь изможденный, не в силах был подняться и встать на ноги. Видно было, как силы покидали его с каждым днем, лицо впало, вены на шее пульсировали, невидимая болезнь сжигала его и постепенно убивала.

– Шо-то не то... не так шо-то, – бормотал как в бреду, шепелявя беззубыми деснами, – но шо-то есть, есть шо-то.

Однажды вечером – вечером и утром черпачник заносил в барак кастрюлю с баландой, – когда вы зашли с работы, проходящему мимо вас с ковшом в руках черпачнику:

– Не нужен ты мне... не зли душу, – сказал Кривой, протянув свою посуду, в которой плескалось несколько ложек налитой баланды, – не надо!

Тот хотел было остановиться, но отвернулся, сделав вид, что не понял, к кому обращаются, пошел, показав лишь спину в черном бушлате.

Не посмел сказать ни слова, ему не посмел возразить, как другим.

С тех пор прошло три недели, с привычными заботами размеренные недели, без каких-либо событий, но вместе с тем с ощущением нагнетающейся опасности, какого-то взрыва, развязки, натянутой и рвущейся струны.

Что именно должно случиться, не знали, не понимали, что произойдет.

Все были в ожидании.

Вечер наступал, за ним сразу утро.

Черпачник со своим ковшом, то доливая, то не доливая, все так же брызгал в арестантские миски баланду.

Застывшие глаза Кривого останавливались на нем, как у хищника, наблюдающего за жертвой.

Тот избегал встречаться с ним взглядом, старался не смотреть в его сторону, но вместе с тем не отступал от своего – все так же не доливал.

Как собака, держащая след, взгляд Кривого неотступно следовал за ним, пока тот не ушел.

Вконец, когда он исчезал из барака, откидывался лицом вверх, с закрытыми глазами и шевеля губами, бормоча что-то себе под нос: «...где... но где... где же я эту рожу-то...»

Было утро, холодное утро, все готовились к выходу, натягивая на себя одежду.

Черпачник вошел с большой кастрюлей и с половником.

У всех в руках зазвенели тарелки с ложками, каждый был наготове вырвать свою порцию похлебки, наполнить свою тарелку первым.

Звук был короткий, глухой, звук треснувшей кости, и следом слова сквозь зубы: «Сучка лагерная, голодом хотел уморить!»

Когда ты обернулся, черпачник лежал на спине, с топором во лбу... лежал, вытянувшись во весь рост.

Тело трясло, как будто подпрыгивало.

В один момент все застыли.

Опомнившись, несколько человек рванули из барака, без одежды, без шапок, с криками: «Убили! Зарубили!»

Ты медленно вытер тыльной стороной ладони кровь, что забрызгала твое лицо над правым глазом.

Тишина застыла, настороженная, трепетная тишина, пока ее не вспугнула предсмертная агония издыхающего.

Слышны были хрипы, протяжные, длинные хрипы, словно тот пытался втянуть одним разом весь воздух.

– Ну-у, зачем так! – сказал ты, недовольным взглядом окинув Кривого.

– За пайку хлеба! – раздался крик. – За крохи свои, – добавил, затем заметив на твоём лице брызги крови:

– Не сердчай, чечен, что забрызгал тебя... я эту содомскую мразь не сразу признал... а разжирела как Манька Московская! – плюнув со своих нар на умирающего, закончил он.

Затем снова голоса, крики, возникшие со всех сторон одновременно, тяжелый, пронизывающий шум хрустящего под ногами снега: барак, где вы находились, окружили, взяли в кольцо...

...и стал доноситься собачий лай, жаждущий крови собачий лай...

Перевод с чеченского Саламбека АЛИЕВА

Светлана Куразова**Первые стихи**

Чего ты ждешь, незванный гость,
 Купив копеечную книжку,
 Что на одну лишь треть – моя?
 Боясь обрадоваться слишком,
 К себе домой бежала я.
 Туда, где временем полночным
 (Не от бессонниц и обид),
 За строчками бежали строчки,
 Мою судьбу опередив.
 И, первый клейкий лист расправив,
 Со слабодушием в борьбе
 Боялась – вдруг сейчас узнаю
 Неведомое о себе.

Когда вам плохо – все не так!
 Когда душа скулит волчонком,
 Возьмите за руку ребенка
 И с ним гулять пойдите в парк.
 Не суетясь и не спеша,
 Вдруг пережив сто превращений,
 Из лабиринта ощущений
 Больная вырвется душа,
 Шаром воздушным быть учась,
 Не внемля разума советам...
 О, как легко идти по свету,
 За руку детскую держась!

Маленький мальчик растерян –
 Взрослые люди сказали,
 Будто Земля – это шар,
 Кружащий в безмерной Вселенной.
 Он им поверил.
 Сказали, что вечного нет ничего.
 Он, правда, не очень их понял,
 Но все же и в это поверил.
 Сказали, что прошлое снова
 К нам никогда не вернется,
 Он даже в такое поверил!
 И не спросил: «Почему?»
 Но когда этот маленький мальчик
 Рассказал им – взрослым и умным, –
 Как солнечный зайчик,
 зажатый в ладошке,

Щекочет его,
 Они рассмеялись, ему не поверив...
 Разве можно так играть?

Болливуд

Индийский фильм, рыдают в зале:
 О, участь разлученных близнецов!
 Влюбленные друг друга потеряли,
 И скрыл под доброй маской
 враг лицо.
 Гроза и ураган, шантаж, угрозы,
 И танцы – магия манящих тел.
 Сначала все – шипы, уж после –
 розы
 (Не будем обсуждать банальность тем),
 Но... За страдания – награда,
 Мерзавец не найдет пощады,
 Бедняк разбогатеет вскоре,
 А негодяй умрет в позоре.
 Друг из беды спасет неожиданно;
 Воскрес, кто умер (и не странно),
 Наказан тот, кто пролил кровь,
 Всегда любовь найдет любовь.
 Вот фильм закончен, всем домой пора.
 Спасибо, сказка, за урок добра.
 Наивна ты, но это не в упрек,
 Наивность – это, право, не порок.

Дни за днями проходят, и времени
 – меньше и меньше –
 Так и сводятся жизни
 отпущенной клещи.
 Просыпаться пораньше,
 попозже ложиться...
 Может, так это время
 подольше продлится?
 Только мы все еще иногда забываем:
 Не количество времени –
 жизнь проживаем.
 И какой она будет:
 короткою, долгой,
 Разноцветной иль тусклой,
 прекрасной, убогой –
 Все зависит от нас – и, ее создавая,
 Мы границы отпущенного
 раздвигаем.

Смотрю из окна вслед
 Идущему одиноко
 По мокрой аллее.
 Вдруг подумалось: «Это – ты».
 Ты от меня уходишь,
 Подняв воротник плаща.
 И еще нестерпимей стало
 Ожиданье твоих шагов.

Как наилучший вариант,
 Берем чужую жизнь красивую.
 Любовь, по-книжному счастливую,
 В надежде на счастливый фант.

На глаз определив мечту,
 Вразвалочку, без напряжения,
 Почти в порядке одолжения,
 К ней двинемся сквозь суету.

А в тридцать,
 нахлебавшись сложностей,
 Вдруг убедившись –
 не получится,
 Уже уставши дурью мучиться,
 Лишь пробуем свои возможности.

Я родилась на Сахалине,
 Мое созвездие Стрелец
 В ту ночь сияло над Анивой –
 Такой есть город у залива,
 Где географии конец.
 Стрелец – не пони, крут в боках.
 Спина не терпит седока,
 Чужая власть здесь не вольна –
 Стрельцу указка не нужна.
 Он не грозит, он так устроен,
 Он не охотник и не воин.
 Стрелец – стрелок, нет колчана,
 В руках лишь лук, стрела одна,
 Устремлена в небесность,
 В которой бездна, тишина,
 Мечта и неизвестность.

– Прекрасна жизнь, –
 сказать бы мне хотелось,
 Но правда жизни шоры сорвала,
 И, едко осмеяв «мечтаний прелесть»,
 Однажды в неизвестность понесла.
 А до того – легко жилось, как пелось,
 И не мешала мне чужая злость...
 – Жизнь удалась, –
 сказать бы мне хотелось,
 Но что-то все не так, не задалось.
 В далекие края мечта летела,
 Но над судьбою кто имеет власть?
 И все же никогда бы не посмела
 Сказать, что жизнь моя не удалась.
 И где-то, может быть, уже созрела
 Еще невидимая миру связь
 Меж тем, что будет и чего хотела,
 И я успею, жизнь мне удалась!

Мы оба ждали этот вечер,
 И оба на часы глядим.
 Нет ничего короче встречи,
 Когда разлука впереди.
 Но что длиннее ожидания,
 Когда за ним другая встреча?
 Отказываюсь от свиданий,
 С тобою остаюсь навечно!

На добрые слова мы часто скупы.
 То времени в обрез, то растеряли...
 То нежность деловитости уступит,
 То просто так –
 на время – придержали.
 Они звучат все реже год от года,
 И лишь когда пред жизнью
 смерть права,
 То на губах перестоялым медом
 Горчат – уже ненужные – слова.

Романс

Деревня. Лето. Ягод сбор.
 Провинция. Уклад старинный.
 Все то, что было, с неких пор
 Мне кажется уже картинным.
 Пчела усердно сладость вбирает,
 Колочку жаркую тая.
 Вишневой косточкой стреляю
 В нахальнейшего воробья.
 Варенье варим, зной поет,
 И плачется легко кукушка.
 Мне улыбается старушка –
 Года считает – не сочтет.
 О запах меда, тишина,
 Кувшинки в заводи зеленой.
 Всю жизнь хотела
 быть влюбленной,
 Но «я другому отдана».
 И зелень глаз, и рук прохладу,
 И устаревшей серенадой
 Вернется лета благодать.
 И незабвенной серенадой
 Воскреснет лета благодать.

Нет, не жалит тебя ревность,
 И разлуки кратки сроки.
 Но тебе я снюсь, наверно,
 Одинокой, одинокой.

Сеет дождь тоску земную
 И гремит по водостокам.
 Нет, тебя я не ревную,
 Только снишься одиноким.

Мы во снах протянем руки,
 И, как ни были б далеко,
 Никогда с тобой не будем
 Одиноки, одиноки.

Лейла Кусаева**Персиковая невеста**

Рассказ

(Основан на реальных событиях)

«Здравствуй, моя милая Танюша! Как у тебя дела? Как здоровье? Совсем, кажись, немного времени прошло, а я уже так сильно скучаю по моей дочурке. Как твоя учеба? Нравится? Хотя, что я спрашиваю? Ты же с детства мечтала стать врачом. Какая ты, наверно, красивая, Танюш, в белом халате! Вот представила тебя, мое солнышко, и сердце сразу заныло от тоски. Доченька, так хочется от тебя весточку получить. Хоть две строчки. Напиши, мама так скучает по тебе.

К нам в гости недавно дядя Андрей приезжал. Спрашивал про тебя. Очень радовался, что ты поступила в Москву. Гордится. Помог мне огород вскопать. Ох, что бы я без него делала? С тех пор как умер твой отец, он мой единственный помощник. Пожарила пирожки с капустой, пили чай, смотрели наши фотографии. Помнишь тот шерстяной шарф, который я тебе связала в детстве? Ты его обернула вокруг головы, как тюрбан, а мы тебя засняли. Вид у тебя такой важный, прям как у персидского шаха. Мы с Андреем долго смеялись.

Танюш, а какая погода у нас тут хорошая! Дни теплые, погожие. Сегодня встала рано утром, а птички так и заливаются... трень... трень... В нашем саду почки раскрылись на всех деревьях. Так хорошо, светло, просто праздник! Думаю: «Надо Танюше написать, рассказать все». Ты же весну так любишь. Маркиз и то не хочет в дом заходить, лежит целый день на крыльчке, греется. Видела бы ты, какие он бока отъел, не узнала бы. Маркиз шлет тебе большой привет, мурлычет тут под столом, об ноги трется... щекотно, паразит он этакий.

Зина с Гульнаррой заходили, просили дать твой адрес. Рассказывали, как они поступили в наш нефтяной. Оказывается...»

Хеда прервала чтение письма, недовольно рассматривая выпцветшие строки на пожелтевших листочках. Услышав шум, она поняла, что ее муж вернулся с работы и спустилась в комнату.

- Привет.
- Привет, дорогая.
- Как день прошел?
- Нормально.
- У тебя?
- Тоже.

Она разогрела и подала ему ужин. Потом долго и молча смотрела на его кудрявую крупную голову, склонившуюся над тарелкой.

- Малик?
- А?

– Я сегодня убирала чердак и нашла там письмо.

– Ты читаешь чужие письма? Это нехорошо, – Малик шутливо погрозил пальцем.

– Думаю, что автору письма уже все равно, – весело засмеялась Хеда, – это письмо старой хозяйки своей дочери. Она...

Малик протестующе поднял руки:

- Солнышко, давай ты завтра расскажешь? А? Устал очень. День был тяжелый.
- Да. Конечно.

Хеда убрала посуду. Тик-так... мерно пели часы. Черные стрелки показывали половину одиннадцатого. Из гостиной доносился легкий храп мужа. Она разложила листочки письма на блестящей поверхности стола, пытаясь найти следующую строчку, но дальше письмо было безнадежно испорчено. Местами его подпортила влага, местами солнечный свет. Слова превратились в широкие уродливые кляксы либо едва

угадывались в белых просветах. Она смогла разобрать лишь несколько слов: Анзор, свадьба, обещал ждать. Последний абзац письма каким-то чудом сохранился.

«Хожу на почту каждый день. Меня уже все почтальоны знают. Как увидят, так сразу: «Иди домой, мать. Нет письма от твоей Тани. Жди». Ах, не могу ждать, Танюш! Сил больше нет. Хоть в Москву езжай. Я знаю, я понимаю, что у тебя мало времени, ты не успеваешь. Вуз-то медицинский сложный. А все-ж, напиши, как сможешь. Успокой мое сердце. Целую тебя крепко-крепко.

С любовью, мама».

На следующий день Хеда опять забралась на чердак, чтоб вынести и выкинуть годами копившийся хлам. В этот дом они с Маликом переехали недавно, и руки никак не доходили до этого уголка.

«Оказывается, дом хранит секреты. Интересно, найду ли я еще что-нибудь, связанное с прежней семьей?» Она с любопытством рассматривала все предметы, вертела в руках старые стеклянные баллоны, заглядывала в картонные ящики из-под обуви, жестяные коробки. Но все это было абсолютно обыденно. Все эти предметы аккуратно сносились в комнату. Туда же были сложены кипы старых газет, журналов, сломанный радиоприемник, новогодние игрушки, ленты, кнопки и много всякой другой мелочи. В одной из коробок были книги и какие-то бумаги. Хеда бегло просмотрела их и уже хотела выкинуть, как заметила на одной из них стих, написанный размашистым крупным почерком:

Неба синь отдам за твои глаза, моя персиковая невеста,
Гор вершины отдам за твои глаза, моя персиковая невеста,
Воды рек отдам за твои глаза, моя персиковая невеста,
Жизни бег отдам за твои глаза, моя персиковая невеста.

Внизу приписано – Анзор. «Значит, Анзор – это жених Тани», – Хеда умиленно перечитала вновь эти строки. «Как романтично», – грустно вздохнула она. Увы, в ее собственной жизни романтики было мало. С Маликом ее познакомили родственники. С ее стороны это был брак по расчету. Просто время шло, принц на горизонте не появлялся, и она решила, хотя и не любила его. Да, это были уважение, дружба, но не любовь. Она представила себе картину: Татьяна с Анзором стоят на свидании. Она в светлом платье, изящных босоножках, белокурые волосы развеваются на ветру. Рядом он, красивый, статный, в летнем костюме. Смотрят друг на друга. Улыбаются... молодые... счастливые....

«Хорошо, что хоть кто-то женится по любви», – подумала Хеда, спускаясь с книгами в комнату. Вдруг она вспомнила, что ей нужно на почту. Муж написал письмо брату и просил ее отослать. Когда она добралась до отделения почты, был уже полдень. Людей в помещении было немного. Пожилая дородная женщина за стеклянной перегородкой бойко обслуживала посетителей. Когда очередь дошла до Хеды, она наклеила марки на письмо, а потом, внимательно взглянув на нее, спросила:

– Значит, это Вы новая семья, которая поселилась в доме Ахмадовых? Меня зовут Марина, а вас?

– А... наверно... Хеда, – ответила она, смущенно улыбнувшись.

– Вы не удивляйтесь, – Марина важно кольхнула своей высокой прической, – я здесь давно живу, почти всех знаю. Село-то наше небольшое. Про новеньких сразу все узнают.

– А вы, значит, и прежних хозяев, Ахмадовых, знали?

– Конечно. И с Таней, и с мамой ее, Светланой Владимировной, была знакома.

– А давно они из села уехали?

– Нет, нет, – Марина как-то растерянно заморгала глазами. – Вы знаете, что, милая? Подождите меня минут десять. Я оставшихся людей обслужу, и мы с вами поговорим, познакомимся поближе, так сказать, укрепим добрососедские отношения. У меня как раз и обеденный перерыв начинается. Хорошо?

Хеда мило улыбнулась и кивнула головой.

Когда Марина освободилась, они вышли на улицу. Весенний день радовал

обилием красок и нежного солнечного тепла. Из соседнего с почтой школьного двора доносились веселые озорные крики ребятишек. В воздухе плавно летели золотистые мерцающие пушинки одуванчика. Они заняли скамейку рядом с рододендроновым кустом. С минуты две сидели молча. Наконец Марина шумно выдохнула воздух:

– Ох, Хеда, Вы и не знаете, какой красавицей была Татьяна... Высокая, светлая, глаза огромные, синие, сама стройная как березка, а голос... парни за ней табуном ходили...

– И что? – осторожно спросила Хеда.

– Да ничего. Влюбилась она в нашего сельского. Анзор его зовут. Они в школе вместе учились. В старших классах стали встречаться. У них даже место было свое, оговоренное. За школой персиковое дерево было, раскидистое, красивое очень. Вот там их и видели. Три года встречались. Да не судьба.

– То есть Вы хотите сказать, что они не поженились? Но почему?

– Да шут его знает! Говорят – мать парня воспротивилась. Может, посчитали, что без роду, без племени, может, что другое. Отец Танькин хоть и чеченец был, да сирота, помер, когда ей и шести не было, царствие ему небесное. Света сама дочь и воспитывала. Ну так вот, дело уже к свадьбе шло. Он, Анзор то есть, у Таньки слово взял, дату назначил. Танька, поди всем и расскажи, платье свадебное себе купила. Ох, красавица была. А мать его в день свадьбы заставила на другой жениться. Послала своих стариков и привела девушку из семьи знакомых.

– Какой ужас! И что он?

– Он что? Живет, живет голубчик! Дети у него, семья. Слышала, что в Москву переехал прошлым летом.

«Так вот почему она учиться уехала в Москву. Хотела быть подальше от него», – эта мысль острой жалостью сдавила Хеде грудь.

– А что же Татьяна с матерью? Где они сейчас?

– То-то и оно – где?... – Марина беспомощно пожала плечами и уставилась в какую-то точку, будто видела что-то недостижимое для человеческого зрения. – Таньку только на следующий день нашли.

– Нашли?

– Да, возле школы. Она в своем свадебном платье повесилась на том самом персиковом дереве.

– Что-о?! – Хеда отказывалась верить своим ушам.

– То! Повесилась – говорю. Все село ее оплакивало. Глупая! Да разве можно было из-за парня?! Света после ее похорон совсем изменилась. Каждый день к этому треклятому дереву ходила. Сядет рядом, обнимет его, плачет, Танькой называет и говорит, говорит... И что говорит, непонятно. В общем, совсем с ума сошла. Думали, уберем дерево, может, и отпустит ее. Срубили. А она с недельку дома посидела и на почту к нам с письмом: «Мол, отправьте Таньке в Москву. Она учиться уехала». Пытались объяснить ей, что дочки в живых уже нет. А она улыбается и в ответ: «Танька учится. Она будет врачом. Хорошим врачом – вот увидите», – и головой так кивает, будто сама себе. Хотели ее сначала в психбольницу на лечение отправить, да село заступилось. Не буйная же была. Правда, запустилась она совсем после этого. Ни за собой, ни за домом не смотрела. То с ее фотографиями сидит, то на почту к нам посмотреть, не пришло ли письмо от Татьяны. Соседи по очереди к ней ходили, помогали по хозяйству. Так тихо и угасла через два года.

Хеда молчала, оглушенная услышанным. Казалось, прошла вечность, прежде чем Марина заговорила вновь.

– Мой перерыв закончился. Мне пора в контору. Очень приятно было познакомиться с вами, Хеда. Я живу от вас через два двора за левым поворотом. Приходите в гости, – произнесла она бесцветным, будничным голосом.

– Да. Спасибо. И Вы к нам, – устало откликнулась Хеда. Весенний ветерок слегка качал ветви рододендронного куста, и их тени были похожи на безжизненные женские ножки, одиноко раскачивающиеся на желтом асфальте. Хеда вздрогнула и трянула головой, пытаясь сбросить наваждение. После рассказа Марины в голове было пусто. Ни эмоций, ни мыслей – одна пустота. Краски яркого дня поблекли и приобрели нездоровый серый оттенок. «Жизни бег отдам за твои глаза, моя персиковая невеста», – пробормотала Хеда и, грустно усмехнувшись, поспешила домой.

Асламбек Якубов**Река Фортанга**

Весной распутицы разгула
В сырой, промозглый месяц март
С высот оттаявших аула
Я вижу злой стихии старт.

Как зарождается атака
В час полноводия в горах,
Где собирается Фортанга
На плоскости посеять страх.

Ручей стекается, как горстка
Бойцов к условленным местам,
Чтоб превратиться резко в войско,
Примкнув к таким же ручейкам.

Готовясь к дальнему походу,
Рокочет, мечется вода
И, вырываясь на свободу,
Бежит, блестя кусками льда.

Бескомпромиссная Фортанга,
Свивая кольца бурунов,
Бежит развернутой фалангой,
Катая глыбы валунов.

Бежит, окрест весь затопляя
И размывая берега,
Домам соседним угрожая
Ударом резкого броска.

Рыча и шумом оглушая,
Встает и падает поток,
Бурлящей пеною вскипая,
Мешая щебень и песок.

Но лишь распутицы весенней
Спадет накал, растает лед,
Как вдруг размеренным теченьем
Река Фортанга потечет.

Сойдет вода до мелководья,
Укоротив свой буйный нрав,
И вмиг на пойменных угодьях
Заполыхают волны трав.

И не поверится нисколько,
Что этот тихий ручеек
Наверотить всего тут столько
В период паводковый мог.

Жителю Верхнего Наура

Мовсару Баталову посвящается

Мовсар танцует – расступитесь!
Раздайся шире свадьбы круг!
В ладоши хлопайте, дивитесь
Движеньям чудным ног и рук.
Он не танцует – он порхает,
Скользит, парит он над землей,
То горным соколом взмывает,
То снежным барсом рвется в бой.
Он па искусные выводит
С завидной легкостью в ногах
И в мир волшебный нас уводит
С улыбкой светлой на губах.
Он увлекает, он чарует,
Он покоряет, ну а с ним –
Во всю гармоника ликует
Народной музыкой Чечни.
Всей кожей чувствуя мелодий
Все ноты, барабана такт,
Он чудодейственно заводит
Любую свадьбу просто так!
Желанный гость и украшенья
И вечеринок, и торжеств –
И шарм его, и все движенья –
Нам как судьбы хороший жест!

Что наша жизнь?

Что наша жизнь? Отбытие сроков,
 Назначенных для каждого отдельно,
 Несение проблем, забот, оков
 В мечтанье о свободе ежедневно.

Что наша жизнь? Она самообман,
 Уход от истин в сторону химеры,
 Где золотой маячит истукан
 И в жертву жизней требует вне меры.

Что наша жизнь? Она ль не маскарад,
 Где каждый роль на публике играет?
 И тот, кто может образ отстоять,
 Аплодисменты зрителей срывает.

Что наша жизнь? Она как полигон,
 Где каждый испытанию подвержен,
 И где слова «потеря» и «урон»
 Сгибают и расшатывают стержень.

Что наша жизнь, ответь же,
друг ты мой?
 И друг мой отпарировал мгновенно:
 Назвал он жизнь мирскою суетой –
 В чем он, конечно,
прав был, несомненно.

Молчание

Молчание – основа всех основ,
 Оно куда значительней и глубже
 Высокопарных, вылощенных слов,
 Так часто с губ срывающихся всеу.

Все, что в душе
ты вытерпел, сдержал,
 Не обнажив в момент
страстей кипенья,
 Поверь, взведет тебя на пьедестал
 Величия и самоуваженья.

И самоедства боль не изведет
 Тебя, молчун,
за слов поток излишний,
 Недаром с золотом сравнил народ
 Молчание, а слово с серебром лишь,

К чему пустые речи, словеса
 И выраженья ради выражений
 Тех, что сбоят незримые веса
 Нормальных паритетных отношений?

Известно: изреченная мысль – ложь,
 И, как слова ни сотрясали б воздух,
 Воистину, цена им – медный грош,
 Коль в них не посох для души, а обух.

Освоив с самых малых лет язык,
 Молчанию же учимся всю жизнь мы,
 Нутро вскрывая, обнажая лик,
 Порою словоблудьем одержимы.

Зачем молоть словесную труху
 И попадаться за «базары» в сети,
 И отвечать за всяко шелуху
 На этом и на том, грядущем, свете?

Мастеровым...

Мастеровые, мэтры, доки,
 Вам посвящаю эти строки!
 Склоняю голову пред вами,
 И вновь привычными словами
 Воздам Всевышнему по праву
 Я от души хвалу и славу
 За милости Его, щедроты
 И за оказанные льготы:
 Уверен я, что все таланты –
 Ниспосланные свыше гранты.
 Специалисты, профи, асы,
 Вы демонстрируете классы:
 Кипит работа, мысль в полете
 В науке, производстве, спорте;
 Во всем вы трудитесь на зависть,
 Даря всем нам победы радость;
 В наш век в делах заматерелый
 Вы раздвигаете пределы
 Возможностей ума и тела
 Решительно, надежно, смело.
 Умельцы, знатоки, эксперты...
 Народ особой касты, меты,
 Штурмующий высоты дерзко.
 Вы те, чье слово ценно, веско –
 Ему основой служит дело,
 Исполненное сверхумело,

Познав, освоив суть предмета,
Вы разгадали код секрета;
Возносят вас к вершинам славы
Упорство, и талант, и навык!

*По мотивам произведений
А. Солженицына*

Стук вагонных колес
Вперемежку с гитарой...
Долбит дятлом вопрос:
И за что же мне кара?

Мы из шахт Воркуты
И нахрапом, и храпом
Вглубь сибирской руды
Продвигались этапом

В лагеря, лагеря,
В беспросветные дали –
Ни за что и зазря
Постигая печали.

Колыма, Соловки,
Комсомольск-на-Амуре –
Нам пахать не с руки,
Выживали в халтуре.

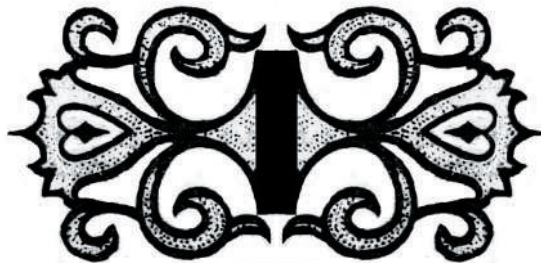
Был на воле я рад,
Ел, гулял и смеялся,
Но костюм на бушлат
Променил, как попался.

Был я там человек
И любим, между прочим.
Ну, а здесь – просто зэк,
И начальству не очень.

Не в чести здесь чины:
И прораб, и ученый –
Все равны и смирны
Пред хозяином зоны.

Ах, отчизна Гулаг!
Эх, кулак, будь не ладен –
И за что ты вот так
Лупишь собственных граждан?

Необъятна страна –
Тянут бульба и ара,
Так за что же она,
Так за что все же кара?..

Фариза Межидова**Комната Артура**

Рассказ

Сегодня первый день похорон, и день этот невероятно тяжел, даже когда приходишь выразить соболезнование по поводу смерти незнакомого тебе человека. Что уж говорить о том, когда умирает близкий тебе человек, очень близкий...

Моя бабушка, я ее очень любила... Судьба ее сложилась тяжело. Жизненные испытания наложили свой отпечаток на характер бабушки и поэтому, хоть она и была человеком доброй души, имела крутой нрав. Она рано потеряла мужа – моего дедушку. Со слов родственников, я слышала, что она очень любила его, а после его смерти долго не могла поверить в случившееся. Только то, что на тот момент на руках у нее было четверо детей, спасло ее. Горевать было некогда – мало того, что она должна была поднимать детей, еще нужно было заканчивать некогда начатое ею с мужем строительство дома. Худо-бедно, при помощи родственников, бабушка достроила дом. Конечно, он получился далеко не таким, каким они с дедушкой планировали. «Когда сыновья подрастут, построим во дворе еще один дом или даже не один, а два, – говорила бабушка, – будем жить все вместе в одном дворе». А сыновей у бабушки было ни много ни мало – четверо! Старшим был мой отец – Дукхваха. После его рождения на свет появились двойняшки – Хасан и Хусейн. Самым младшим был Артур. Отец мой, будучи старшим, еще ребенком был серьезным, ведь на нем лежала огромная ответственность – он был всем братьям вместо отца. Двойняшки росли спокойными и хорошими детьми, бабушка не знала с ними хлопот. Она часто говорила, что воспитывать троих старших мальчиков было проще, чем младшего – Артура, который был оторвой и хулиганом. Однако его она любила больше всех. Внешне Артур был точной копией своего отца – видела своими глазами на фотографиях. Высокого роста, с выразительными глазами и правильными чертами лица – настоящий красавец! Он был всеобщим любимчиком – в семье, в школе, в нашей округе...

Но я не помню братьев своего отца. До начала войны бабушка отправила моего отца учиться в Саратов. Отец окончил школу с отличием, затем училище, и она очень хотела, чтобы он получил образование за пределами нашей республики, хотя это стоило ей немалых затрат. В один из своих приездов на каникулы бабушка настояла на том, чтобы отец женился. Таким образом, летом 94-го года отец женился на моей матери. Я появилась на свет спустя год, а спустя еще год, во время военных действий, мы все спасались от бомбардировок, прячась в подвале. Все, кроме моего отца, которого не было дома. Как-то Хасан поднялся наверх за водой и не вернулся... Его тело обнаружил Артур недалеко от нашего двора. Хусейн в сыром холодном подвале заболел пневмонией. Спустя несколько дней не стало и его. Им было по 16 лет. Они пришли в этот мир вместе, и ушли с разницей только в несколько дней. Говорят, моя бабушка сильно изменилась после их смерти – постарела сразу на несколько лет. А

спустя еще четыре года ушел Артур. Просто ушел из дома. Поговаривали, что в горы, воевать... С тех пор больше никто его не видел. Вот почему я не помню братьев своего отца.

...люди приходят и уходят... на их место приходят другие... и так три дня... Сегодня день первый... Все что-то говорят... у меня нестерпимо болит голова, болят глаза, но я словно не чувствую боли... я ничего не слышу... только отвечаю каждому одними и теми же фразами...

В нашем доме было четыре комнаты. Просторный зал и три спальни. В одной жила бабушка, в другой – трое старших братьев, третья была комнатой Артура. Старшие братья были недовольны, но так распределила бабушка, она объясняла свое решение тем, что Артур занимается музыкой (он играл на гитаре) и тем самым мешает братьям, а они мешают ему. Позже, когда отец уехал учиться, разногласий по этому поводу стало меньше. Но так было только до того момента, пока отец не женился. После его женитьбы бабушка переселилась в небольшую комнату во дворе, в которой она жила со своим мужем еще до начала строительства дома. Это помещение было старым и плохо отапливаемым, требовало ремонта. Все были недовольны тем, что бабушка ушла жить туда, уговаривали ее вернуться в дом. Но бабушка была непреклонна. Мотивировала она это тем, что там она вспоминает свою молодость и ей там хорошо так, как ни в каком другом месте. После смерти Хасана и Хусейна их комната стала детской – в ней жили я и мои младшие братья. Комната же Артура после его ухода стала тщательно оберегаться бабушкой. Бабушка так и не вернулась жить в дом, но ежедневно заходила в эту комнату, перебирала вещи Артура и даже сама убиралась там, не позволяя делать это моей матери. Бабушка твердо верила, что Артур вернется в один прекрасный день. Ее вера была настолько непоколебима, что, казалось, покажи ей могилу сына – она бы не поверила. Каждое утро она выходила из своей каморки во дворе и заходила в дом, держа в руках только один предмет – ключ. Ключ от комнаты Артура. Его она держала всегда при себе и, хотя и оставляла комнату иногда открытой, не любила, когда кто-то входил туда, а уж нам, детям, тем более запрещалось там играть – особенно это касалось моих братьев. И так каждое утро она открывала его комнату, перебирала его вещи, вытирала пыль, рассматривала фотографию в рамке на столе. И единственным человеком, которому было разрешено присутствовать при этом, была я. «Смотри, Диана, – говорила она мне, – это гитара Артура... на ней он играл... как же он красиво играл... как часто его друзья собирались здесь. Он играл и пел песни Тимура Муцураева, а я стояла за дверью и слушала, затаив дыхание. Все его любили, все. Вот он вернется, а здесь, в его комнате, все по-прежнему, вот же он обрадуется... Как только он вернется, мы устроим такое торжество, что ты запомнишь его на всю жизнь», – и тут бабушка улыбалась. Каждый раз ее разговор заканчивался этими словами: «вот когда он вернется»...

Между моей бабушкой и мамой, как часто между свекровью и невесткой, случались разногласия. Но когда я была маленькой, не понимала, почему это происходит. Ведь мама хорошая, бабушка тоже хорошая – отчего же иногда они ссорятся? Помню, как-то бабушка с мамой договорились покрасить ворота, цвет выбрали не традиционный в то время зеленый, а модный бордовый. Но краску не купили. Позже бабушка поехала в гости, а мама решила устроить к ее возвращению сюрприз, покрасив ворота. Когда она уже выходила из дому, я крикнула:

– Мама, я хочу с тобой!

Мама обернулась, улыбнулась и ласково сказала:

– Ну, что же, пойдем тогда вместе.

Хозяйственный магазин располагался неподалеку, в нашем поселке. Как сейчас помню запах лакокрасочных изделий, который мне почему-то нравился, стоящие в ряд разноцветные краски, различные нужные в хозяйстве принадлежности... Мама была знакома с продавщицей, ее звали Яха. Это была упитанная женщина средних лет. Во время войны ее контузило, и поэтому она плохо слышала. Яха помогла маме выбрать краску, а мне дала конфет.

Как только мы вернулись из магазина, мама принялась красить.

– Мама, ну, пожалуйста, можно и я покрашу, – просила я.

– Не надо, иди лучше за братьями присмотри, а здесь мало от тебя пользы, – не разрешала мама.

Я убежала смотреть за братьями, но непременно возвращалась.

– Мама, там Элиза за ними присматривает, ну можно я покрашу! – не отставала я.

Но мама была неумолима.

Я ушла, но спустя некоторое время вернулась уже с Элизой, соседской девочкой – моей ровесницей.

Теперь уже мы обе просили маму:

– Дети спят, можно мы тоже покрасим!

– Нет, нельзя! Вот, возьмите деньги, идите в магазин и купите себе чего-нибудь сладкого, – и она протянула нам деньги, оставшиеся после покупки краски.

– Ура! Пойдем же! – радостно закричала Элиза.

А я смотрела на маму, на ее хрупкие руки и мне было жаль ее, видно было, что она устала и запах краски ей совсем не нравится.

Вечером маме стало плохо. Она лежала в постели и ворочалась, на лбу ее проступали капельки пота.

– Диана, пойди принеси молока из холодильника, кажется, я надышалась краской, – попросила она меня.

Молока в холодильнике не было, и я пошла к соседям. Всю ночь мама не спала, ей стало лучше только наутро.

А чуть позже вернулась бабушка. Видно было, что она не в духе. Только переступив порог, она сразу же начала кричать:

– Что это за безобразие?! Что за ужасный цвет?! Кто?! Кто покрасил ворота?!

Конечно, она прекрасно знала, что это сделала мама.

Мама побледнела вся и пролепетала:

– Это... это я. Мы же договаривались покрасить в этот цвет, ты не помнишь?

– Что?! Нет! Я бы никогда такого не сделала! Это же просто ужас! Все соседи смеются над нами!

– Но, мама, я хотела сделать тебе приятное...

Но бабушка перебила ее:

– Приятно?! Амина, ты вечно делаешь все по-своему и никогда не советуешься со мной! Ты это специально сделала, назло мне! А теперь прикидываешься тут ангелочком, приятное она хотела сделать!

Мама заплакала и убежала в свою комнату.

– Бабушка... мама вчера весь день трудилась... и даже мне не разрешила помочь ей, говорила, я испорчу только, она так хотела порадовать тебя, – сказала я, подойдя к бабушке.

Бабушка смерила меня холодным взглядом и только произнесла сквозь губы:

– Уйди, тоже мне защитница!

И удалилась в комнату Артура.

Люди приходят и уходят. Приходят – и уходят. Все разные, но все на одно лицо. Выражают свои соболезнования и уходят. И каждый остается наедине со своей болью.

Шли годы, а в комнате Артура все было по-прежнему. Несмотря на уговоры моих родителей, бабушка не разрешала делать там ремонт. Не разрешала менять и даже переставлять мебель. Она заходила туда каждое утро и проверяла, все ли на своем месте. И, не дай бог, какой-то предмет был не там, где его оставил когда-то Артур.

– Диана, – как-то обратилась ко мне бабушка, – я чувствую, он вернется этой весной... сердце чувствует... он рядом... он скучает по мне не меньше, чем я по нему, – тут она взглянула на меня, – как же он удивится, увидев, как ты вымахала!

И она принялась убирать в комнате. Бабушка, несмотря на пережитые невзгоды и немолодые уже годы, обладала отменным здоровьем. Я не помню, чтобы она когда-нибудь болела. Даже ставшую протекать крышу в комнате Артура она заделала сама, боясь, что, если это сделает кто-нибудь другой, священный порядок в этой комнате нарушится.

Сегодня второй день. Люди приходят и уходят... Приходят, оплакивают и возвращаются к своей жизни, к своим радостям, печалям и заботам. А что остается мне? Только воспоминания...

Мама любила цветы. А бабушка – нет. По этой причине маме нельзя было выращивать их дома, и как-то она посадила рассаду во дворе. Когда однажды весной там расцвели яркие желтые цветы, мы, дети, аж завизжали от восторга. Но мы не срывали их, а просто ходили кругами и восхищались.

– Бабушка! – крикнула я. – Глянь-ка на эту красоту!

– Цветы? Некрасивые! Это вообще плохие цветы, они несут проблемы в дом, забыла их название. Кто посадил их?

Мама, к тому времени уже немного свыкнувшаяся с бабушкиным нравом, спокойно ответила:

– Я.

– Зря! Зря! Хочешь конфликтов в этом доме? Ты разве не знаешь, что этот цветок несет в дом разногласия! Надо убрать, убрать их немедленно!

И бабушка принялась срывать цветы.

Мама тут же бросилась к ней.

– Дай я... я сама... я сама все уберу...

Она аккуратно срывала цветы и по ее щекам катились крупные слезы.

Какое-то время бабушка молча смотрела на нее, потом остановила ее, обняла и проговорила:

– Не надо... оставь... оставь, раз тебе нравится. Ты же знаешь, я люблю тебя, как родную. У меня нет дочери, а у тебя матери. Как же нам не любить друг друга?

Но мама продолжала беззвучно плакать.

– Любишь? – сказала она. – Если любишь, живи с нами, а не в этой развалине. Почему с момента, как я пришла в этот дом, ты покинула его. Все думают, что

это моя вина, что я выжила тебя... Живи же с нами, если любишь нас!

– В комнате Артура? Нет! – бабушка снова сменила милость на гнев: – Мы тысячу раз говорили об этом с тобой и Дукхвахой. Эту комнату нельзя трогать! Потому что он скоро вернется! Не этой весной, так следующей! А насчет себя не переживай, все знают, что твоей вины нет в том, что я не живу в доме! Все прекрасно знают, что ты ангел, смиренно переносящий капризы сварливой старухи!

– Нет... нет... необязательно в ней... – мама плакала, вытирая слезы, – ну почему ты так упрямисься? Мы ведь любим тебя...

Но бабушка была зла. Сжав губы и громко топая, она ушла в комнату Артура.

Больше мама никогда не сажала цветы.

Второй день продолжается... Господи, поскорее бы это все закончилось... как же тяжело это все. Но я знаю, что, как только эти три дня закончатся, легче не станет... Люди приходят, все новые и новые лица появляются передо мной и вновь исчезают после слез и коротких слов...

Мой отец редко бывал дома. После войны дома было трудно найти работу, а ведь на нем лежала ответственность за материальное обеспечение нашей семьи. Он работал, как и учился, за пределами республики. Так хотела бабушка, ведь оставаться в послевоенной республике было опасно. Потеряв троих сыновей, бабушка очень боялась потерять и моего отца. Она считала, что, живи он здесь, его постигнет печальная участь братьев. Но отец все же приезжал, в лучшем случае раз в месяц на пару дней. Однажды, когда отец приехал домой, он привез в подарок бабушке путевку в санаторий.

– Тебе нужно поправить свое здоровье, – сказал он.

– У меня ничего не болит, – отрезала она.

Тут вмешалась мама:

– Есть еще одна путевка, ты можешь взять с собой кого хочешь. Ты, мало того, что подлечишься, но еще и отдохнешь, развеешься.

Бабушка помолчала и ответила:

– Я возьму с собой Диану.

Так мы с бабушкой поехали в санаторий. Там мы провели долгих три недели. Бабушка постоянно ворчала, что ее отправили сюда, чтобы избавиться, однако, я видела, что ей тут нравится. Я же сильно тосковала по маме. Каждый день я писала ей письма, но не отправляла. Эти письма я читала сама и плакала. Даже когда вернулась домой, я не показала их ей. Бабушке я их тоже не показывала – мне казалось, ей это не понравится. Как же я была счастлива, когда смогла вернуться домой и обнять маму. Вот только мне было обидно оттого, что мама, как мне показалось, больше соскучилась по бабушке, чем по мне.

Спустя некоторое время после нашего с бабушкой возвращения к нам во двор приехал грузовик. Подтянулись соседи и стали разгружать мебель. Как выяснилось, ее заказали мои родители во время нашего отсутствия. Бабушка на тот момент была у соседки. Когда она вернулась, то сразу недовольным голосом спросила маму:

– Это что? Зачем нам это?

– Мебель, мама. Тебе не нравится?

– Я полагаю, вы хотите поставить ее в комнату Артура? Это твой коварный план! Вот зачем меня отправили в санаторий!

– Мы поставим ее, куда ты хочешь... – тихо ответила мама.

– Куда я хочу?! Здесь уже давно ничего не делается так, как хочу я! Оставьте

в покое хотя бы одну комнату! Я разве прошу большего? Когда Артур вернется...

– Он не вернется! – крикнула мама. – Он не вернется никогда!

– А ты откуда знаешь?! С каких пор ты у нас ясновидящая?

– Он не вернется, потому что его нет в живых, и это знают все, кроме тебя!

Я впервые видела маму такой. Все это было так не похоже на нее. Зачем она так говорит? Ведь бабушка всегда говорила, что Артур вернется.

– Что?! Что ты сказала, повтори! Что за чушь ты сейчас произнесла?! Ты что, видела его труп?

– Да...

– Ты опознала его??

– Нет... твой сын...

Бабушка повернулась к окну и некоторое время молчала. Затем обернулась и сказала очень тихо:

– Никто не смог бы опознать его... никто... кроме меня... так что, он жив... Хотя... Я спрошу у сына...

– Нет! Нет! Не говори ему!! Господи, что же я наделала! Это неправда, неправда! Я совсем сошла с ума, что это я говорю!

Мама зарыдала, как обычно, беззвучно, только крупные, частые слезы лились по ее лицу. Бабушка подошла к ней и тихо произнесла:

– Я не скажу... Я вообще ничего не скажу ему...

И ушла в комнату Артура.

Кто это плачет вместе со мной? Десятки женщин плачут вместе со мной. Таковы правила. Плачут, плачут, а потом говорят. Говорят, говорят, а потом уходят... И приходят другие...

С того дня бабушка и стала угасать. Моя здоровая, никогда не болевшая, только что вернувшаяся из санатория бабушка, вдруг слегла с непонятной болезнью. С каждым днем ее шаги становились все медленнее, но она упрямо каждое утро заходила в комнату и пыталась что-то там делать. Но потом у нее не осталось сил и на это. Гитара Артура и другие вещи в его комнате запылились, но бабушка не хотела, чтобы кто-то их трогал.

Постепенно она слегла. Под подушкой она держала фотографию Артура, каждый день доставала ее и разглядывала. Моя мама в эти дни стала неузнаваема. Казалось, ей было еще хуже, чем бабушке. Я часто заставляла ее беззвучно плачущей у себя в комнате и не могла успокоить. Она никогда не рассказывала о причинах своих слез.

Мой отец оставил работу и жил теперь с нами. Как-то, когда я сидела возле бабушкиной кровати, она попросила меня:

– Иди, позови отца.

Когда отец пришел, бабушка говорила с ним тихо, медленно, ей было уже трудно говорить.

– Скоро и твои сыновья подрастут... постройте здесь дом... Во дворе... еще один... Мы всегда мечтали об этом... А эту комнату оставьте... Когда Артур вернется, он обрадуется.

Отец держал бабушку крепко за руку и в глазах его стояли слезы.

Бабушки не стало спустя три дня. Наш дом вдруг стал пустым и словно чужим.

– Я так мало жил со своей матерью... так мало уделял ей внимания... Многое я бы я отдал, чтобы еще хотя бы день побыть рядом с ней... Лучшее время

нашей жизни – это время, проведенное с матерью, – говорил мне отец. Он был убит и раздавлен ее смертью.

Но более всех смерть бабушки потрясла маму. Я никогда не видела маму такой подавленной. Пожалуй, никогда она не была так несчастна, как тогда. Целыми днями она плакала, иногда мне казалось, что она сходит с ума. Как-то я застала ее в комнате Артура. В руках она держала ту самую его фотографию.

Когда я вошла, она спросила меня:

– Как ты думаешь, она простила меня?

– Кто?

– Она, – и мама показала на фото.

Я отпрянула.

– Мама, но это фотография Артура!

– Да? – мама вытерла слезы. – А, ну да, ты права... я совсем рассудком помешалась...

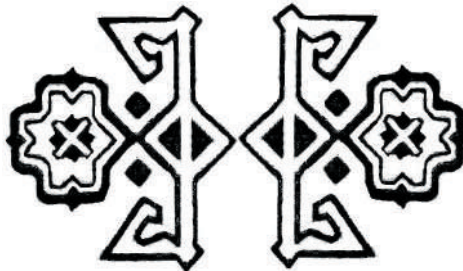
Спустя некоторое время мои родители развелись. Мама ушла от нас.

Я не знаю, кто из нас переживал сильнее – мы, дети, отец или мама. Шли годы, мы росли, а мама не хотела к нам возвращаться. Несмотря на то, что мама больше не жила с нами, я часто приходила к ней. Она изменилась, и с каждым разом менялась все сильнее.

– Я была ангелом в глазах людей, – сказала она мне как-то, – а она якобы плохой. Но на самом деле все было наоборот, ведь ангел пал в тот момент, когда я рассказала ей правду, которую ни в коем случае нельзя было говорить. Но она не выдала меня... И никто до сих пор не знает этого. Не знает, что это я убила ее своими словами... Я никогда, никогда не прощу себя за это.

И она опустила голову мне на колени и заплакала. Не тихо, беззвучно, как обычно, а громко, навзрыд, размазывая слезы по постаревшему лицу.

Третий день... третий день со дня смерти моей матери... она умерла внезапно... Я не успела ни поухаживать за ней, ни попрощаться, ни даже показать те старые письма. Люди приходят и уходят... приходят и уходят... и каждый остается наедине со своей болью...

Бечуркаев Тарби**Перпиньянехъ**

Сан доттаг1 Хьусаейн кест-кестта, аьлча а, х1ора аьхка вьодура шен доьзалца Перпиньяне. И г1ала ю Испанин дозанна гена йоцуш. Атлантически океан бу цигахъ. Оцу меттиган хазалла к1орда ца деш юьйцура доттаг1чо. Иштта 2010-чу шеран августан юьххьехъ со а вахара сада1а Хьусайнаца.

Ас вог1ур ву а, я вог1ур вац аьлла, дош ца луш, дикка хан елира. Цуьнан бахьана могошалла дика ца хилар а, 900 б1е километр нехъ бан б1о ца болар дара сан. Аьрру аг1ор болчу жим чохъ ши т1улг гучубаьллера УЗИ яьккхича, иштта сканеро а гайтинера 8 миллиметр, 9,5 миллиметр ши т1улг.

Ши шо хьалха аьтто жим чуьра т1улг лазер це йолчу методца цхьа а хало а йоцуш 10 минотехъ йинчу операцино г1ум йина д1абаккхинера сан. Бакьду, цул хьалха массийтта шарахъ ан ду бохуш леллера, амма шозза приступ а хилла Монтегеми г1алахъ йолчу госпиталехъ лазар д1адоккхура капельницаш а х1иттайой. Ялх-ворх1 сахьт даккха дезаш хуьлура цигахъ. Амма, таллам бича х1умма а ца карадора льбрашна. Кхозлаг1а приступ а хилла цу госпитале кхаьчча, лазар д1а айдина, цхьацца анализаш д1алуш, цара шашь дийнахъ бинчу белхан жам1 деш д1адолура де. Т1аьхьара цхьа зудий, стаггий дара жаннашна УЗИ йоккхуш. Цара деш долчу къамеле ла а доьг1уш, компьюторан экран т1е а хььожуш 1уьллуш вара со. И зудий, майрий ший а лор хиллера. Иза т1аьхьа хиира суна. Зудчо эли майрачуьнга шайн французийн магтахъ: «Гегег1де, г1егег1де, калькуль!» И бохург: «Хьажахьа, хьажахьа, т1улг». Т1аккха соьга сьха а хьаьжна: «Гой хьуна?»

Цул т1аьхьа льбраша эли соьга: «Цхьа ши де даьлча кху госпитале вола, оха клиникера говзанча кхойкхура ву и хьан т1улг д1абаккха». Цара ма-баххара, веара со цига. Рандеву кхайкхина вара 1арбийн къомах волу лор-говзанча. Цхьана пхийтта минотехъ къамел хилира тхойшиннан. Со цо французийн магтахъ дуйцучух дерригенах а кхийтира. Цо схьадийцарехъ цхьа а суна сингаттам а боцуш т1улг д1абоккхур бу лазерца, операции д1аг1ур ю 10 минотехъ. Со сайн 25 шо кхаьчначу к1антаца льбро билгалдинчу дийнахъ вахара цо болх бечу клинике. Ма баххара чекхьелира операции. УЗИ-но гайтира т1улг, ата а белла, г1ум а хилла арабалар.

Цхьа хан яьлча изза хьал х1оьттира суна аьрру аг1ор болчу жимна: 8 мм болу т1улг гучубелира. Сайн доьзалан льбре элира аса: «Дика уролог вуй кхузахъ?» Цо жоп делира: «Аджадж бохуш кхузахъ дика це йоккхуш цхьаь ву».

Воккха хабарча хиллера иза. Сихха, хьалха кхечу льбро санна лазерца кхочушдан дезаш долу х1ума, дахдеш, масийтгаза анализаш д1айолуьйтуш, цхьана кхаа к1иране даьккхира цо и г1уллакх.

Ас лазерца баккхяхьара и т1улг д1а алар тергал а ца деш цо элира: «Т1улг уьлтразвукан методца д1абоккхур бу». Кхунна дика хуур ду-кх дика лор хиларе терра, аьлла со 1ад1йра.

Операцин де билгалдаьккхира. Ша хир ву цигахъ элира цо. Клинике д1акхавьча суна бухахъ сайн лор-уролог хир ву моьгтура, амма иза аьттехьа а ца хилира.

Цхьацца кехаташ яз деш, куьйгаш теладойтуш дикка хан яьллачул т1аьхьа, анестезиологна т1е ваха дийзира. Соьга аьллера 30 минутехъ бен яхлур яц операци, цу ханна лур ю наркоз.

Палати чуьра йиь ч1ург т1ехъ йиначу носилкаш т1е а виллина д1авигира со. Сан йо1, Макка, палати чохъ йисира, профессиональни лицей чекхьяьккхина хиларе терра, французийн мотг ч1ог1а дика хьара цунна. Суо ца кхетачунна гочдан

йигнера ас иза сайца. Лаьгташ цхьа йоккха установка яра цхьана чохь, клайн халаташ а дуьйхина лаьгташ масех лор а вара. Со цу установки тле охьа а виллина, аьрро аглор жим болчу метте цхьа хлума а хьаькхна, наркоз а елла, длаболийра лобраша шайн болх. Длаели 30 минот – операции чекхьялаза ю. Наркоз длаялча со члогла лазава. Кхин ткьа минот а длаели. Гишлош еш, сваяш четташ дуьйлучу татанех тера хьал ду чохь хлоьгтинарг. «Мусье, тхе малад!» – бохуш мохь хьоькху ас, со лазавойла длахоуьйтуш. «Патьептег!» – олий вист хуьлу лобрех цхьаь. «Сагоха» бохург хиллера иза. Сан лазар тлеттла алсамдуьйлтура, ас мохь беттара, амма со тергалвеш цхьа а вацара. Оцу тлера охьа а воьссина, водучу хьола тле ваьллера со. Длаелира 120 минот, варзап етташ санна долу тата дладелира. Чохь тийналла хлоьгтира. Эххар а цхьана лобро элира: «Фини». Ас хаттар дира цуьнга: «Мусье, калькуль касе?» Амма лобро суна жоп ца делира. Тлаккха со кхийтира тлулг бохийна цахиларх.

Таламат члогла, са ца тохалуш, лазар хлоьгтира аьрро аглор жим болчу меттеш. Цхьа 16 кийла гийра оьллича санна, язъелира и агло.

Хлусамнанна цкъа мацах букь лазабаьлча язйина хилла «парацетомол» таблетка елира суна. И длаемелла цхьа пхи минот яьлча, лазар дладелира. Телефон туьйхира лобре. Иза суна операции йинчу «Вивьен» цле йолчу клиникехь хиллера. Кхо сахьт даьлча Лани цле йолчу, ша болх бечу метте вола элира цо соьга. Кхо сахьт даьлча, йоллий, сой цуьнан кабинета чохь дара. Цо бинчу балхана реза ца хилар длахайтира ас, дийцира сайна цлий изхарх лаьчна а. Цо и шадерг а иштта хила дезаш ду элира. Цхьана баттахь хи а мийлий суна тле вола, тлулгах глум хир ю, тлаккха и проблема длаер ю аьлла, тешийра со шех.

Юххехь йолчу центре телефон туьйхира цо: «Сихха сканер яккха, ас цхьа стаг воуьйту шуна тле».

Сканер яккхира, цхьана сохьтеш и яллалц хьоьжуш тен дийзира. Даьккхинчу суьрташца юххехь кехат дара йоккхачу конверта чу диллина. Жимах долчу хьолах лаьчна яздина дара цу кехат тлехь. Тлаьхьара алам бийшира ас, члогла къаьбсташ язбина болу: «Аьрру аглорчу жимах боллуш 8 мм, 8,5 мм тлулгаш ду».

Лобрана оьглазвахаран доза дацара. Цо суна бинарг тешнабехк бара. Операци ша йийр ю, ткье итт минотеш бен ях а лур яц, лаза а вийр вац, масане дара уьш. Амма царах цхьа а кхочуш ца хилира. Ультразвукан метод дика ца хиллера. Интернет чохь дукха ду цунах лаьчна яздина. Уггар дикох метод лазерца сингаттам длабакхар магийна дара, иштта халкьо шерашкахь бецашца лелош дерг а дикачу аглор хьахадора.

Бутт длабелира операци йинчул тлаьхьа. Лобро сайга бохург а деш, цлахь гийра со. Йиллинчу хенахь йолаца цунна тлевахара. Тлулг дла ца баьллийла суна хаьара, хлунда аьлча хаалуш бара иза, цхьанаэшшара жим лазош сагатдарца. Лобро сканер а яккхий хлинццехь тлевола шена элира. Сканер а яккхина тлевахара со. Ас хьалххехь дешнера жамл: тлулг ша ма-барра, бохаза бара. Тлаккха кхин изьх а ца хеташ цо соьга боху: «Шозлагла операци ян еза, оццу методца».

Ас йоле боху: «Ала цуьнга, аш опыташ ян со кролик а яц, шашь яхь лазерца е, ца яхь – лодика йойла шун».

Йола цхьаь дийци цуьнга, амма ас ма-аллара дла ца аьллий суна хиира – цара аьлларг Дала аьлча санна ду цунна.

Дерригенех а кхетча, кхин глуллакх хир доцийла а хууш лобре, сайна хуучу французийн «итт» дашах пайда а оьцуш, эли: «Мусье, же па лапан, же па идио, пугл ке ву расе экспери́мо». «Со пхьагал а яц, я ловдал а вац сайна тлехь шуьга эксперименташ яйта».

Йола сецаво со: «Дада, ладлехьа, ма хилахьа сел клоршаме, хлуьттаренна ма ца дина цара иза».

Ас боху йоле: «Хьажахьа, суна шайна санна и мотт бийца ца хиича, шуна ма ловдал хета со. И клант балхахь ца хиллехь ас хьо кхуза сайца ялор а яцара. Оцу

суна операци йинчу установки тлехь болх беш масех стаг ву. Французаша ца йойту оцу методца шайна операци. Ткъа со санна берш царна атта бу, уьш хьовсабо, ле а бой, оцу установки тлехь болчарна болх хилийтархьама...» Иштта, оцу дика вуйцуш хиллачу лъоре сайна хуучу магтаца со реза цахилар хоуьйтуш, яппарш а йина длавахара со.

Цул тлаьхьа сайна и магийначу лъорана а лийра со. Тлул длабоккху бохуш, сан жим хлаллак бина аш бохуш.

Парижехь вуйцуш цхьа дика лор-урологна рандаву ийцира ас цул тлехь. Бакьду, цхьана баттахь сов хьежа везаш-м вара цуьнга.

Иштта хлоьгтина хьал а долуш, сан хьоме ешархо, новкъа вели со хлорда тле сада ла Перпиньян цле йолчу глала. Хьалха и глала испанцийн хилла ю боху.

Токкапошт (электричка) дайолаели делкъал тлаьхьа цхьа сахьт ткъа минот ялча. Тхойшиь – соьца цхьана сан накьост Хьусайн, берхлитталгачу вагон чу нисвели. Танкъаьлла йогтина ю вагон, дукха пассажираш го лаьтгаш, охьаховша меттигаш йоцуш. Уьш бу схьагарехь, сада ларан сезон даялале, хлорда тле сада ла боьлхуш.

Корехула арахьаьжча го: хьабкхначу клен аренашкахь дежаш долу клайн-лаьржа бос болу бежанаш, лаьтгаш долу хи, фермийн глешлош. И шадерг а блаьргашна ган самукъане а, хаза а, куьцехь а ду. Цхьа а хлума ца го адаман куьг тлехкачаза: куьцехь дина цленош, нийса некъаш, лергина дитгаш. Тесна дитина хлумма а ца го кхузахь. Таккха ойланаш кхоллало: «Хлунда дац сан къам иштта тлаам болуш, шен мехкан доладеш, вовшийн хлорш санна гиллакхе, кледа-мерза?»

Корах арахьобжучохь висна сой, Хьусайнний. Цкъа а тхойшинна ганза хазна ю схьагуш ерг: лохачу кемсийн, туьркийн, кхечу стоьмийн дитгаш, шайна тлехь бохкуш стоьмаш а болуш. Перпиньяне схьакхача цхьа сахьт диссинчу хенахь сеци тоькапошт. Иштта тхо лаьтгаш цхьа сахьт хан ели. Радиочухула цхьа хаамаш бо. Амма дуйцуш долчунах кхеташ цхьа а вац. Хьусайна соьга хоту: «Хлун боху цара?» «Французаш а ца кхеташ хилча, со муха кхета цо дуйцучух, ва Хьусайн?» – олу ас.

Хилларг схьа ца олуш, оцу довхачу дийнахь пхеа сохьтехь лаьтта тоькапошт. Хлора вагонан неларх чохьха йохуш, охьайохку цхьа коробкаш, юьхьанца цу чохь ерг хлун ю ца хаьа цхьанна а. Эххар а цхьана французо олу: «Хлокху коробкаш чохь вайна яийтина яахлума ю, шашь бехке болу дела, шайна обьшучул схьаиэца!»

Со, ши пакет схьа а обьций, сайн накьост волчу воьду. Пакет схьайиллина чухьаьжча, цу чохь ду жимчу шишан чохь хи, бларийн тлармарш, бакьийначу стоьмийн аьхкаш, лайг, урс, худар, шоколад. Иштта дла кхин а.

Ас олу: «Хьусайн, хлокху чохь йоцуш-м хлума яц, ша оцу Блаьчин-юьртгарчу Кьудусан яйна ши бугла йоцург».

«Шайгара яьллачу ледарлонна пассажирашна луш презент ю хлара, делахь кхунах клелхьара бевр бу мьбгтуш вац со хлорш», – олу Хьусайна.

Цул тлаьхьа тхойшинна хиира тхо латтаран бахьана: вехна бомж француз тоькапоштана клела а вахна, валар хиллера. И хаам бира суна ас французийн магтахь юххехь сайна лаш йолчу негритянке, «кескес спас?» аьлла хаттар динчул тлаьхьа.

Цул тлаьхьа цхьана сохьтехь некъ бича, длакхечи тхойшиь Перпиньяне. Тхойшинна духьал веана хиллера везаш волчу парглат кепара охьатохарх латархочун, Тунгаев Бекьханан, жимах волу клант. Барсик олура цунах массара а. Цуьнан бакьйоьлу цле, цигахь итт де доккхуш суна хаа а ца хиира. Шен да санна лекхачу деглаьхь, воьгтина вича санна вара клант.

Буьйсанна сахьт даьлча тхаьшна хьалххелаяьцначу квартире длакхечира тхойшиь. Неьл схьайиллина, догланаш схьа а делла, шен телефонан номер дла а язъяитина длавахара клант: «Обьшучунна со мичча хенахь а кийча ву шуна», – аьлла.

Керлачу хлусамехь буьйса длаелира. Малх схьакхетале хьала а глаеттина,

Гуйра ламазаш а дина, юха а охъавижира тхойшиь. Делкъана ши сахът даьлча, хIорда тIе ваха новкъа велира. Арагон цIе йолчу майданара йоьдура цига автобус. Ах сохътехь некъ бан безаш хиллера автобус тIехь хIордана тIе дIакхача.

Куьцехь дина цIенош дара, некъан аьгто а, аьрро а агIор гуш. Дукха хьолахь ши гIат долуш дара цIенош.

Эххар а дIакхечира хIорда йисте. БIаьрго ма-лоццу хин йистерчу гIамарш тIехь Iохкуш адамаш дара. Цъхаберш луйьчуш, вуьйш пляжни волейболах ловзуш гора.

Кхузткъе пхийтта километр хиллера пляжан йохалла. Садолуш болчарна юккъехь тайп-тайпанчу къаьмнех нах бара: немцой, полякаш, оьрсий, украинцаш, голландцаш, Iарбой, иштта кхиберш а.

Хьусайна, дIакхоччушехь доккха зонт гIамарх дIа а доьллина, тIера хIума дIа а яьккхина цу кIела охъавижира, ткъа со сайна тIера хIумнаш сихха охъа а кхисина, ведда хIорда чу кхийтира. Духъхъара шийла хетара хи, амма пхи минот дIаяьллачул тIаьхъа дегI дола а доьлла, шело ца хаалора. Цъхана ткъа минотехь лийчинчул тIаьхъа, хъала а ваьлла, дегI дага ца дайта, цъха мазь хъаькхира ас дегIа тIе.

Делкъалц хIорда йистехь, делкъал тIаьхъа тхайн хъешаца, Бекъханца, хан йоккхура оха, доьдучу хин йистехь чIерий лобцуш. Бекъхан говза чIаралацархо хиллера. Ши-кхо хъаьжкIа мIеран бухъхе а юьллий цъха мIара хи чу кхуссура, кускусах бинчу бедах кегий, горга цуьргаш а йохий, мIеран бухъхе и цуьрг а лагайой важа а гена боццуш чу кхуссура, ткъа кхозлагIниг бухъхе нIаьна а буьллий гена дIакхуссура, дIабобгIначу шина мIерана юккъе. Даккхий чIерий лобцура, пхи кила хиллал долу.

Бекъхан чIогIа самукъане стаг хиллера. «Кхузткъа шо кхаьчна сан, сол воккха цъха а стаг вац кху Перпиньянехь Iаш болчу нохчийн ткъе бархI доьзална юккъехь. Массо а белхаш беш бу, цу тIехь аьгто хилла тхан. Воккханиг хиларе терра, сайна тIехь жопалла хета суна диканехь а, вонехь а гIо-накъосталла дарна а, куьйгалла дарна а тIехь. Барт а бу тхан. Бакъду, хIинцца дукха хан йоццуш цъха Iаббаз веара кхуза шен гергарчу нахана тIе. Нах вовшахкхеттачохь къамел дора цо: Аса-м бийр бац хIокхарна Iаьржа болх, малхе а воттуьйтуш дийнахь сарралца 80-100 еврона. ЛадугIуш болчара олура цуьнга: «Далла хастам бу хIара болх кхузахь болуш, рицкъа даккха аьгто болуш. Кхечу меттигашкахь яц кхузахь санна Iен а, сом даккха а меттиг». Цул тIаьхъа йоккха хан ялале йохк-иэцар лело волавелира и къонах, кхузарчу бакъонийн норманаш кIоршаме талха а еш. Иштта луларчу жимчу пачхьалкхера, Андорера, сигаьркаш кхехъа волавелира иза. Кхузахь кхо-бий мах сов лора царах. Цул тIаьхъа кира кхохьбу машен а эцна и кхехъа волавелира. Цъханнах а вешаш вацара, кура къамелаш дора вайнах гулбелчохь.

Воккха хиларе терра Бекхана олуш хилла цуьнга: «Хъаштдоцург ма леладахъара ахь, цъха сингаттам баккха карзахваьлла ву хьо. Кхузахь Iачеран а, хъайн а гIуллакх талхор ду ахь, нагахь и харц некъ ца битахь».

Иштта эцна водителски праваш гучаяьлла хиллера цуьнан кхузахь.

«ХIоькхуьнан уьш гучуяларан бахъана долуш, нохчийн бакъйолу праваш а бакъ ца еш, духъьал елира полици», – бохуш дуйьцу Бекхана: «Сан а, хийца дIаелла праваш схъа а ца луш сацийна кхара. Иштта вай вийца ваьккхина Iаббаз хилла шен накъостаца Андорера машен юьззина сигаьркаш яхъаш вогIуш. Эххар а шайн тIаьхъа полицейски «цIога» хааделла кхарна. Машен цъхана заправкехь сацийна. Дукха хан ялале полицейски машенаша го лаьцна. Машен йоьгтина яхъаш йолу сигаьркаш схъаяхна. Доккха гIуда тоьхна хилла. Иза дIатекхначул тIаьхъа чуволла хъийзош а ву иза. И зуламе стаг бахъана долуш кхузахь болчу нохчех ца теша кхузара Iедал. Мичча метта нисвелча а, цъха харц Iаббаз нисло-кх гуттара а», – дуйьцу Бекъхана.

«Хьуна ма-гарра, дуьненчохь Iаш боллушехь ялсаманехь санна Iаш бу хIорш.

Бусулба бацахь а кхаьргахь ду г1иллакх, ю комаьршалла, адамалла. Вай а дац вон 1аш. Дукхах берш ша долу хьелаш чохь а долуш ши г1ат йолчу х1усамашкахь 1аш бу, мотт хууш берш белхаш беш бу, боцурш пособиш оьцуш бу. Берашна луш ахча ду, садикаш ю вайн цахь санна рог1ехь латта а ца дезаш, деша аьтто бу. Кегий нах белхаш беш а, университеташкахь доьшуш бу, х1ораннан шен долахь машен ю. Делахь а вайн мохк бац х1ара, ойла гутгар а Нохчийчохь дагаохуьйтуш ю, гергарчарна сагатдо. Сайн доьзал бахьана долуш веана со, иштта шуь шиь вуйла а хаьа суна», – аьлла соцунг1а хилира Бекхан.

Цул т1аьхьа юха а кьамел д1адолийра.

«Деллахь, ма ца оьшур-кх вайна х1ара Франци, кхузахь мел дика делахь а. Т1амо д1асакхийси вайн халкъ. Вай-м вешан махкахь дика 1аш ма дара. Делан а, халкъан а мостаг1аша кхачийна-кх вай кхуза. Делахь а т1ех1оьттинарг д1а ца кхехьча а ца долу. Цхьана х1уманна сингаттаме ву массо а, вай дерриш а: нохчийн мотт, вайнехан г1иллакхаш ца хаьа берашна. Г1айг1ане т1аьхье хир ю царех: я нохчий а, я французаш а хир бац царех...»

Хьусайн а велира кьамеле (историк ву иза, ишколехь 30 шарахь сов болх бина цо): «Шен «плюсаш» а ду кхуза вай нисдаларан. Дукха кегийрхой бу лобрийн, инженерийн, г1ишлошгьярхочуьнан, меттанаш 1аморан говзаллаш кераерзош. Уьш дешна бевлча царех дика говзанчаш хир бу. – Хьусайнан воккхах волу к1ант юристан болх беш ву, жимах волу Изновр летни училищехь кхиамца доьшуш ву. – Жима а, я воккха а цхьа а вац ц1а вахаран ойла ца еш. Диканна г1аьттина хила еза массеран а ойла. Ледара хила мегар дац. Дала декьалдойла нохчийн кьам а, Нохчийчохь а!»

Цхьанна а х1уманых самукьа ца долура сан, жим чохь т1улгаш хиларо сингаттам лагтабора. Иштта тхойшиь ц1а веана масех бутт д1абелира. Халкъан методашца дарбанийн бецех пайдаэца хьаьжира со. Амма г1уллакх ца хуьлура суна цу лелочу дарбанех.

Цкъа Хьусайна телефон туйхи соьга: «Хьенех, Морозова фамили а йолуш, цхьа йоккха стаг ю хьуна Парижехь лобран болх беш, цунна т1е а вахана хьайн проблема цуьнга д1айийца, нохчашна ч1ог1а г1о деш ю хьуна иза».

Сайн кехаташ а эцна Морозова йолчу вахара со. Ас дуьйцучуьнга тидаме ла а доьг1на, соьгара кехаташ схьа а эцна, цхьана 20 минотехь цхьа кехат а яздина и кехат конверт чу а диллина, Парижски урологически центре хьажийра цо со цхьана г1араваьллачу профессорна т1е. Профессор 1арбийн кьомах хиллера, массара а оцу центрахь болчу лобраша а, лазархоша кест-кеста йоккхура цуьнан ц1е – профессор Гани.

Профессора дика т1ейцира со. Со 1арбийн кьомах ву моьтгуш, шайн маттахь вистхилира иза. Ас французийн маттахь жоп делира: «Жемапель 1арби, же сви чечен». (Сан ц1е 1арби ю, со нохчо ву.)

Парижехь операци йира суна ультразвуковой методца. Наркоз луш хиллачу лобро лере а веана хаам бира – машено т1улг лахар а хаййтира, 25 минотехь йина чакхьялла операции а. Со вистхилла валале лобро элира соьга: «Калькуль касе!» (Т1улг аьтта д1абаккхина). Сан самукьадаларан доза дацара.

Х1ара дийцар яздаран бахьана цхьаь ду: «Ойла а ца еш динарг, бала а боцуш, ца доьрзу».

Оцунна т1е тидам бахийтинарг дохко вер вац.

Муьлхха а цхьа х1ума дале, я цхьана х1уманан сацам бале, дика ойла яр доьху аса сайн махкахошка.

Ильмади Цоккуев**Доггучохъ**

Теха а делла вай,
Дегнашна маршо лахъ х1инца,
Кхул т1аьхъа хир ду лай
Лохачу,
Дорахчу ирсан.

Ша цхъамма ца яккхарх б1аьсте,
Ч1ег1ардиго,
Кхоаца дог-ойла хьостий,
Виекхаво цо.

Йо1 йобду, хан кхаьчча,
Ден-ненан кхерч тосий,
Шен маь1на кхочушдан... анна.
Йо1а, шен ирс хеташ,
Юьхьаралаьцна некъ
Раз-пурх ма тедалахъ, нана!

Хьомсаршка

Самукъа,
Сан тахна даьлла,
Шун саг1адойла!
мар-мара хъаьвдачохъ
голаш а яьжна
вай юхагойла!

Ши х1усам – цхъа мерза 1азап

Сан безам ахбели тахна,
Кхул т1аьхъа бехар бу ах-ах:
Ши лазам,
Амма цхъа дарба.
Ши кадам,
Амма цхъа тезет.
Ши хаттар,
Цхъа жобпийн синтем.
Ши декхар,
Цхъа такхам, харжен.
Ши ахар,
Цхъа дуьхекхачар.
Ши изг1ар,
Цхъа бертадахкар.
Ши марзуо,
Цхъа д1аьвшах кхерам.
Ши кхайкхар,
Цхъа орцахкхачар.
Ши къахьюо,
Цхъа чомах тиекъам...

Дагардан уьш-м кхин а хир ду;
Тоуьйту,
К1ордаварх ларлуш.

Ала дашна...

Х1уманарх х1ума дича х1ума хуьлу. Ткъа ца дича,
х1ума долу х1ума а х1умма доцу х1ума хуьлий дуьсу.
Х1ума долу х1ума х1умма доцчу даккха а,
х1ума доцу х1ума х1уманан дарже даккха а, Дала
пурба ма лойла вайна.

Х1унда?..

Вольхучуьнга
Йовлакх кховдадай а,
Дикадарах юха ма кхиета.
АДАМ санна, зиерех
Хью чекхваларх,
Хъайна мидал йоглуш а ма хиета.

Цхъана бахъанина

Сан метта стихаш ма
Язьехъа, редактор,
Хъайн коч ма юхахъа
Берана сан.
Айхъа ца хаьржинехъ
Къахъегна дог датlor,
Хийца ма г1ертахъа
Ас тоьхна лан.

И ц1ера ваьлча
Юьрт юьрт а йоцуш,
К1ант хилла
Вайн х1ора юьртахъ...
«КАВКАЗ ма кавказ яц
Чохъ НОХЧИЙ боцург», –
Шолоховс аьлча,
Сталинан коьртах
Иэхъан лаьхъа хъаьрчирий-те?
Миекхийн бустам биегирий-те?
Рожах воьхна хъаьвзирий-те?
Сина к1амдар 1аьткьирий-те?

Ца хиллехъ и, –
Х 1 У Н Д А???

Антон Чехов**Хирурги**

Клоштан больница. Зудаяло воеду аьлла, вахана лорбалхахь цахиларна, цомгашниш тлеобуш ву фельдшер Курятин, шовзткьа шо хенара, дикка тлехь лелийна стоммачу дарин коч а, хьекхийна гатанан хеча а тлеюьйхина стаг. Цуьнан юьхь тлехь гуш бу шен белхан жопалла хааран а, догдикаллин а синхаам. Аьрру куьйган хьажо а, юккьерчу а шина пелга юкьялаьчна – гондхьа боьха хьожо дласаяржо сигара.

Уча волу мозглар Вонмигласов, лекха, буточу деглахь, мокха оба йобхна, шуйра тлаьрсиган доькка дихкина воккха стаг. Аьтту бляьрга тлехь клай ду, и ах длахьаббелла бу, мера тлехь, геннара хьаьжча боккха моза хеталуш, чинт ю. Цхьана секундехь соцунгла йо мозглара, бляьргашца икона лобхуш, ишттаниг кхин шена ца карийча, коча дарба чохь долчу шишанна тле а вьорзий, куьйган ишарца ламаз до, тлаккха, цлечу йовлакх юкьяра клайн бепиг схьа а достий, суждане вьодуш, и фельдшерна хьалха охьадуьллу.

– А-а-а... сан лерам хьуна! – бага глиттайо фельдшера. – Хлун глуплакх дохьуш веана?

– Иса-Пайхамар вуссур волчу денца, Сергей Кузьмич... Кьинхетамечу хьуна тле... Бакьдолуш а, нийса а аьлла ду Забурехь, бехк ма биллалахь: «Айса дламолуш дерг белхарца иэдина». Хьастаха йоккхачу стагца чай мала охьахийи со, амма – Делан цле яккхарх, цхьа тладам, цхьа кьурд а, хьо вала длакарчарх а... Клезиг длаемелин – берриге а ницкь длаболу-кх! Ткьа цул сов, еккьа цхьана церга чохь хилла ца ла, хлара агло мел ю... Иштта лазар детта-кх, иштта лазар! Лерга чу а кхочу, бехк ма биллалахь, цу чохь хьостам я кхин хлума йоллуш санна: иштта ов детта-кх, иштта ов детта-кх! Сан кьиношна ду-кха и, Сергей Кузьмич, сан кьиношна! Дадас иерейс доланаш ас дешначул тлаьхьа, бехкаш доху: «Мотт тийсабала боьлла хьан, Ефим, глам-глим дан а воьлла. Мукьамехь ала глерга хьо, амма ахь дуйцучух кхета-м цакхета». Ткьа кхузахь, кьинтлера валалахь, хлун мукьам балур бу, бага схьаелла йиш ца хилча, ерриге а йистина ю, бехк ма биллалахь, буса сахиллалц наб цайина...

– Хлаьа... Охьахаал... Бага глаттайо!

Вонмигласов охьахуу, бага глаттайо.

Курятинна кхоьлина юьхь йо, бага хьобжу, тлаккха замано а, томкано а мажйинчу цергашна юкьяхь хара хиларца кьаьсташ цхьа церг го.

– Дада диакона члаьла тоьхна кьаьркьа тледила аьллера – гло цахилира. Гликерия Анисимовна, Дала могошалла лойла цунна, Афонан лам тлера гай делира куьйга тлехь лело, мела шура бага кхарза а элира, ткьа ас, ма-дарра дийчича, тай-м дладихкира, ткьа шурица дерг кхочуш ца дира: Делах кхоьру, мархийн бутт...

– Эрна хабарш... (соцунгла). Даяккха еза и, Ефим Михеич!

– Хьуна дика хуур ду-кх, Сергей Кузьмич. Цунна ламийна маду шу, хлокху глуплакхах ша ма-дарра кхета, хлун даяккха еза, ткьа молханащца я кхечуьнца хлун а... Цунна аьлла, кьинхетамениш, длахлиттийна а маду шу, Дала шуна могошалла лойла, оха дийнахь-буса а шуна доланаш..., тхан хьомсарниш... тхашь коша чу дийшшалц...

– Кладбоцуруш... – иьхьхеташ боху фельдшера, ишкапна тле а вьодуш, глирсаиш а кегош. – Хирурги-м клад боцург дара... Кху тлехь оьшург – баллах воьлла хилар, куьг онда хилар а... Туй кхоссар санна... Хьастаха, иштта хьо санна, больнице воглу-кх хьолада Александр Иванович Египетский... Иза а веанера церг йохьуш... Дешна стаг ву, дерригенах а лаьчна хьотту, мел долчун а бала бу, муха я мича кепара бохуш. Сан куьг схьалоцу, царца цхьаьна ден цле а йоккху... Петарбухехь ворхл шарахь ваьхна, берриге профессорш а бевза... Дикка Гийра тхойша кху чохь... Христос-Делан царях доьху: даяккхяхьа сан хлар, Сергей Кузьмич! Дла стенна ца йоккхуш ю ткьа? Даяккха мегар ду... Амма кхузахь кхеташ хила веза, кхеташ вацахь – мегар дац... Цергаш тайп-тайпана ма хуьлу. Цхьаь морзахца длайоккху, важа – аьчкан когаца, кхоалгланиг – догланца... Хлора а шен-шен кепара.

Фельдшера аьчкан ког схьаоьцу, хаттарца цунна тлевоглавелла ла минотехь, тлаккха и охьабуьллу, морзах схьаоьцу.

– Хла-хлане, бага шуйрра длаеллал... – боху цо, морзах буйнахь мозгларна

тле а воглуш. – Вай цунна хлинца... иштта... Туй кхуссучу юкьана... Довла хадийчахьана... тракци йичахьана лакхара охьанехьа... тлаккха чекхдолу... (довла хададо), тлаккха чекхдолу...

– Тхоч кьинхетам бийриш ду-кх шу... Тхуна-м, ловдалшна, хууш хлумма а ма даций, ткьа шуна кхетам белла-кх Дала...

– Хьайн бага глатгийн а йолуш кьамелаш ма де... Хлара-м атта схьяккхалур яра, деккьа цлена орамаш бен ца диснарш а хуьлу... Хлара-м – туй кхуссучу юкьана... (морзах тлехьо). Собарде, ветта ма ло... (довла хададо). Коьртаниг, буххера схьалацар ду (озайо)... тлехулара каг цаярхьама...

– Вай, дада... Сийлахь-еза нана... Ввв...

– И ма де... и ма де... муха дара и? Куьйгашца ка ма етта! Длахеца ши куьг! (озайо). Хлинца... Иштта, иштта... Атта болх ма бац хлара...

– Сан дада... кьинхетамениш... (мохь болу). Маликийн орца! Охло-хло... Озай валахьа, озай! Шарал стенна вахвелла?

– Хлара гуллакх-м... хирургии... Дла катохна мегар ма дац... Иштта, иштта...

Вонмигласов шен когийн голаш куьйгийн голашна тлехкхачалц хьала ойу, пелгаш меттахьедо, ши блярг хье тле боккху, хедош садоблу... Цуьнан да санна цийеллачу юьхьа тле хьацар туху, бляргаш чу хиш хлуьтту. Курятина мара ийзабо, дякана хьалха дласахьийза, церг озайо... Балане ахминот йолу – тлаккха морзах церга тлера хецало. Дьяк хьалаоьккху, тлаккха шен бага пелгаш дохуьйту. Ша хьалха хиллачохь карайо церг.

– Оза-м йира! – боху цо доьлхучу, цуьнца цхьана цавашаречу а озаца. – Эхартахь иштта длаозавойла хьо! Хьуна муьтлахь хиларца баркалла! Хьайна длааккха хууш цахилча, тле а хлунда лоцу! Хлара маьлхан дуьне а цаго-кх суна...

– Ткьа ахь куьйгашца ка стенна етта? – оьглазьобху фельдшер. – Со ийзош воллу, ткьа ахь сан куьг длатоьтту, цхьацца сонта дешнаш а... ловдал!

– ловдал хьову хьуна!

– Хьуна, муьжги, церг длааккха атта ду муьтту? Хьо хьуо хьажал хлетта! Килса тле хьала а ваьлла, горгалешца вота тохар санна ма дац хлара! (литтарш йо). «Ца хаьа хьуна, ца хаьа хьуна!» Хьажахьа, ма нисвелла хьехамча а ву. Ма ван а ву... Господин Египетскийн, Александр Иванычан, а длааккхина, ткьа цо а хлумма ца бах, цхьа дош а... Хьол а уьнах цлена стаг ву, куьйгашца ка-м ца еттара... Охьахаа! Охьахаа, ма боху ас!

– Бляргийн нур дайна... Саметта вайтахьа... Ох! (охьаху). Тлех вах а цалуш, сихха длааккхьа. Ийза ма ехьа, длааккхьа... Цкьа катохий!

– Хуучунна ма хьехал ахь! Сан Дела, иштта кхетам боцуш халкь ду-кх хлара! Ишттачарна юкьахь дуьне даа а деза... корта тилкхаз-м боккхур бу! Глаттае бага (морзах тлехьо). Хирургии, ваша, забар ма яц... Килсехь хьехамаш бар ма дац хлара... (довла хададо). Ветта ма ло... Церг, схьагарехь, ширьелла ю, орамаш клорга охьахецна... (озайо). Меттах ма хье... Иштта... иштта... Меттах ма хье... хлай-хлай, хлай-хланн... (кьарш деш хеза). Суна хаа-м хаьара!

Вонмигласов минотехь ла меттах ца хьовш, кхетамчуьра ваьлча санна. Иза воьхна-ладийна ву... Цуьнан аьрта хьажар цхьанхьа-м тледоладелла ла, босбаьхначу юьхьа тлехь хьацар ду.

– Аьккан когаца озо езаш хиллера ас... – бур-бур до фельдшера. – Ма дагахьдоцург а хили!

Кхетамчу веанчу дяка бага пелгаш дохуьйту, лозуш хиллачу церган меттана хьалаглоьртина ши юьхк хаало.

– Чамбоцу шайтла... – хазадо цо. – Шу, пирлунаш, тхуна бале довла ховшийна-кх кху чу.

– Багалеян хлотта хьо хлинца кху чохь... – глам-гим до фельдшера, морзах ишкап чу а буьллуш. – Дунда... Килсехь гуллакхдан ламочу хенахь цулла-серий клеизиг дитгина хьуна... Господин Египетский, Александр Иваныч, ворхл шарахь Петарбухехь ваьхна... Гилма хууш... цхьана костоман мах итт туьма бу... иза а вацар-кха дов деш... Ткьа хьо хлун ялсаманин олхазар ду! Хлумма а хир дац хьуна, хьайн садаларна-м ца кхоьру!

Дьяка стоьла тлера шен клайн бепиг схьаоьцу, куьйга бесни а лоций, чуьра арагасало...

Оьрсийн маттера гочдинаре БурчаевХьаьлим

Дебют**Тамара Джамалдинова**

Джамалдинова Тамара йина 1966 шарахь ТӀехьа-Мартанан кӀоштан Котар-юртахь. 1994 шарахь чекхъяккхина Серноводски техникум. Иаш-ехаиш ТӀехьа-МартантӀехь ю. «Вайнах» журналехь дуьххьара зорбане йолуш ю Джамалдинова Тамара.

Нохчийчоь

Сан деган мерз бу хьо, сан деган шовкъ ю хьо,
Дахаран некъашкахь серлонан чиркх бу хьо.
Дог доьхна йобжначохь со гӀатто ницкъ бу хьан,
Сан Нана-Нохчийчоь, сан мерза са ду хьо.

ГорхӀуттуш доьху хьоь, хӀай Нана-Нохчийчоь,
КъинтӀера ялалахь хьайх къаьсташ яхарна!
Дуй буу, тешалахь, сан хьоме Нохчийчоь,
Даьккхина хӀора де кхоьруш хьо цагарна.

ГӀо оьшуш йисначохь, цӀе яьлла йогучохь,
Хьо цхьалха йитина со пана яларна.
Гечделахь, Нохчийчоь, йитарна йоблхучохь,
Дог доьлхуш яхар со, ца яхча ца йолуш.

Делахь а, Нана-мохк, хьо цхьалха ца биси,
Яхь йолчу кӀенташа дешица кхо кхели.
Хьан дуьхьа хийламмо деззашехь са дели –
Дай баьхна Нохчийчоь хьо серлаели.

ДуьнентӀехь мел еха хьан сий деш ехар ю,
Сан дагчохь даима хьан амат лаьттар ду.
Нагахь цкъа тӀекхача йиш йоцуш со йиссахь,
Ойланца дог кхарстош хьоь дагар дуьйцуш ду.

Кагделла чудуьйжи бераллин тӀай,
Цкъа мацах тайнигах тиллина вай.
Хьо – дехьа, со – сехьа диси-кха вай,
Ма елха, ма тийжа бералла, хӀай.

Хьо дехьа ловзуш ю мохь бетташ: «ХӀай..!»,
Суна а каради йоккхалла сайн.
Амма хьо тешалахь бералла, хӀай,
Хьо даим ас дагчохь лелор ю сайн.

Д1айижа бералла, ма елха, х1ай,
Г1енаха бог1ур бу и дашо сай.
Салазаш хохкур ю шийлачу 1ай,
Ма елха, ма тийжа бералла, х1ай.

Дагадог1у, дара и шийлачу 1ай,
Со корехь лаьттара ойлаеш вайн.
Суна-м хьо кхечарна елалуш яй,
Ма елха, ма тийжа со 1ехош, х1ай.

Хьох яьлла ирс локхуш лелар ю сайн,
Кхечара туьллур ду бераллин т1ай.
Кхин цкъа а кхетар дац вовшеха вай,
1одика йойла хьан, бералла, х1ай!

Нана

Буйсанна наб йохийна хила а тарло ас,
Дог 1овжош дош аьлла хила а тарло ас.
Делахь а, доьху ас, хьомсара нана,
Даггара кьинт1ера хьо суна яла.

Хьан деган йовхоно сан дахар хаздина,
Мерзачу хабаро бала д1аайбина.
Г1ийлачу узамо сан г1енаш лардина,
Нана, хьо хиларо х1ар дуьне хаздина.

Со берахь хьистина хьан хаза к1айн куьйгаш,
Эсала йобхь-сибат, хьан кьобжа месаш.
Замано каьтташ, г1елдина г1ора,
Сан даге лацало ойла еш д1ора.

Нана, ас доьху хьобь, хьо суна яха,
Сан деган зезагаш ахь серладаха.
Сох эгна г1алаташ ахь кьайладаха,
Нана, ас доьху хьобь, хьо сунна яха.

Хьо йоцуш 1уьйренаш ца оьшу суна,
Хьо йоцуш суьйренаш ца оьшу суна.
Хьо йоцуш х1ар дуьне ца оьшу суна,
Нана, ас доьху хьобь, яхалахь тхуна.

Шаран Дашаев**Кутал**

Рассказ

Это громадное четвероногое существо одним только своим видом на всех селян нагоняло какой-то непонятный, в то же время ничем не обоснованный страх и ужас. Все дело было в непомерно огромном росте этого настоящего волкодава. Даже бывалые мужики и те как-то старались обойти стороной не только двор, но и целый квартал, где проживал со своим другом и стражем двора старый Мухаммад. Но парадокс: никто не мог бы вспомнить случай, чтобы это чудо природы кому-то чем-то навредило. Вот только вид один...

Это был огромный зверь, которому трудно было бы в природе отыскать аналога. Поговаривали, что старик привез его щенком откуда-то с гор.

Как правило, эта собака большую часть времени проводила в спячке на цепи возле своего под стать такого же большого, нет, не конуры, а дома, в котором могла бы разместиться даже иная семья. Только заслышав посторонние шаги, она лениво и сонно открывала крупные, словно налитые кровью, ярко-красные, злые глаза, от которых людей бросало в дрожь.

Единственный человек в нашем крупном районном селе, который не страшился этого чудища, была наша сноха – Кутал. Откуда у нее это странное прозвище, или это ее действительное имя – мне до сих пор неизвестно. Как бы там ни было, все – и взрослые, и дети – так звали ее – Кутал. И действительно, было что-то общее между этим именем и всем обликом этой женщины: здоровой, крепкой, от природы простой, незлобивой. «Ей бы мужиком родиться», – считали односельчане, имея в виду при этом, что женского начала в ней было совсем мало: выглядела она внешне как-то угловато, была немногословна, рассудительна, с тяжелой, в развалку, медвежьей походкой. Такая грузность заставляла делать ошибочный вывод относительно ее возраста: она казалась намного старше своих тридцати лет.

Но, к всеобщему удивлению, она обладала не только физической силой, но и недюжинным умом. А раз так, то с нею по-особому считались и нередко прибегали к ее разумным советам.

– Этот зверь больше подошел бы ко двору Кутал, – нередко подмечали сельчане при упоминании о собаке старика Мухаммада, хилого да костлявого, который давно уже не решался прогуливать своего питомца. Случилось это после того, как собака однажды во время ночной прогулки (выводил он ее поздно ночью, когда все вокруг засыпало) затаскала его волоком с привязанным к руке поводком. Да и вообще, это огромное чудище никак не сочеталось с немощной наружностью старого Мухаммада. На самом деле, как нельзя лучше, друг к другу подходили Борз и Кутал. Что-то у них было общее: вялость, массивность, неповоротливость и еще что-то такое, чему трудно было придумать название.

Кутал, как и Борз, вела малоподвижный образ жизни. Все, что она ни делала, делала без излишней суетливости, но зато основательно, добротнo. На ее приусадебном участке никогда не было ни одной лишней соринки, хотя и эту трудоемкую работу она выполняла, сидя на низком деревянном стульчике, сколоченном собственными руками. Все вокруг диву давались: когда это она справляется со своим большим хозяйством?

Конечно же, в отличие от Кутал, Борз просто был большим лентяем и

поднимался на ноги лишь для того, чтобы подступиться к миске, которую, кстати, ему подносил строго сам хозяин, другие члены семьи Мухаммада побаивались пса.

Про таких, как Кутал, в народе говорили: «Ударит ногой – вода ручьем пойдет». К самой себе Кутал была строга, выдержана, никогда ни на что не жаловалась. Никто не видел, чтобы она проронила слезу даже на похоронах, где обычно женщины оплакивают покойника. И здесь она, как правило, выступала больше утешителем, не теряя обычное при этом свое главенство над женским сообществом.

Окончательное мнение о том, что Кутал и Борз как нельзя лучше подходят друг к другу, закрепилось в селе после одного случая: как-то летом женщины возвращались с прополки. Во главе, как всегда, шествовала Кутал – привыкли уступать ей дорогу, а заодно, как сказано выше, и первенство. Приближаясь к дому старика Мухаммада, заметив, что женщины не прочь были бы следовать окружным путем, Кутал решительно скомандовала: «Следуйте за мной!»

В самом деле, не отправлять же ее одну в пасть волкодава? И все же, чем ближе к дому, тем больше женщины стали тесниться к противоположной стороне улицы, Кутал же напрямик направилась во двор старика, а оттуда прямо в логово домашнего зверя. А тот даже не шевельнулся, не то чтобы бросился или зарычал по обыкновению. Ничего подобного не произошло. В следующее мгновение женщина взяла его одной рукой за холку, оторвала от земли, потрянула так, что с него пыль посыпалась, и бросила на место, приговаривая: «Подумаешь, собака!»

Борз даже не огрызнулся, трусливо поджал хвост и скрылся в своем убежище.

С тех пор каждый раз при появлении Кутал эта зверюга забиралась в свое деревянное логово и долго оттуда не показывалась.

Но окончательный авторитет и почитание за Кутал укрепил другой эпизод.

В те времена сбор черемши был в основном уделом женщин. Они забирались далеко в горы, рыли там землянки или строили шалаши для ночлежек, жгли костры и после дневного праведного труда коротали длинные, холодные ночи.

В одну из таких ночей, когда утомленных женщин одолел крепкий сон, в шалаше, где спали женщины, раздался отчаянный крик: «Ва, устаз!» Одни повыскакивали, ничего не понимая и ничего не соображая в кромешной тьме, другие же забились в углы, со страхом наблюдая за странным предметом, провисшим в дымоходной трубе, чертя круги по воздуху.

Только одна Кутал не сдвинулась с места. Еще не успев до конца справиться со сном, она обеими руками вцепилась в незнакомый предмет.

– Ты кто? Ну-ка, признавайся! Кто ты? – она готова была оторвать, как оказалось, воровскую руку.

– Ради бога, Кутал, отпусти, мне понадобился мешок... я Маци, Маци я, – взмолился тот, кто находился наверху и таким способом решил выкрасть мешки у женщин.

Действительно, воришкой оказался сосед Кутал, человек по имени Маци.

Изобличенный в краже мужчина, просил женщину не рассказывать о случившемся, не позорить его перед односельчанами. Кутал пообещала ему хранить молчание.

Здесь бы поставить точку во всей этой истории, но она имеет свое продолжение, которое еще больше и окончательно закрепило за Кутал общее признание.

Время шло, отсчитывая дни, месяцы. Никто в селе о той истории не проронил ни слова. Казалось, она давно забыта. Но самого Маци постоянно терзало такое молчание, ходил, как мешком ушибленный. Особенно его тяготило молчание Джабраила, с которым он встречался почти каждый день. «Как так? – размышлял он. – Не могла женщина не поделиться с мужем. Но тогда почему этот молчит, даже не заикнется... Значит, жди какого-нибудь подвоха... А что, если он меня просто ни во что не ставит?»

Этот последний вопрос еще больше распалаял задетое чувство неудачливого воришки, и однажды он не выдержал: сам выложил все, как было.

Джабраил на самом деле ничего об этом не знал. И, придя домой, на всякий случай, решил попрекнуть жену.

– Оказывается, жена, у тебя свои секреты. Это о чем только что Маци вел со мной разговор? – спросил он.

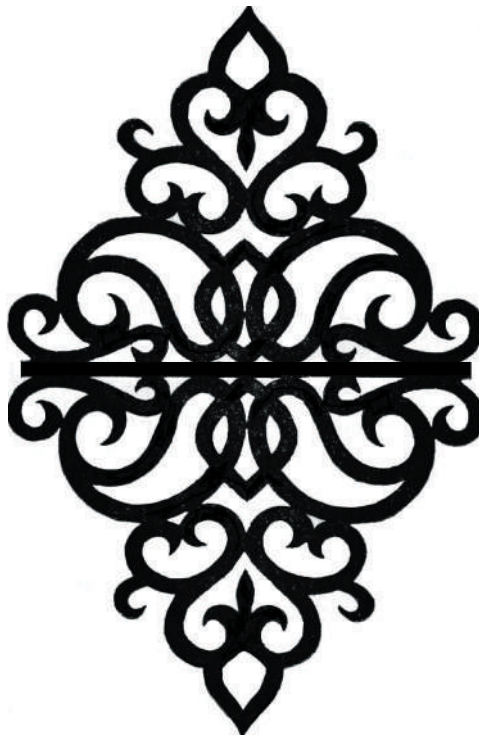
– Сам признался? – вопросом на вопрос ответила Кутал. – Значит, ты все знаешь, и рассказывать тут не о чем.

Джабраил призадумался и заключил:

– И впредь, жена, никогда не выдавай тайны.

Поразмыслив, добавил:

– Не многим такое дано...

Шамсуддин Макалов**Соседи**

Рассказ

Это было давно. О распаде СССР никто не думал, не гадал. Власть Политбюро была еще сильна. Хотя нас и покачивали винные градусы, но мы упорно шли к коммунизму. «Без работы – ни дня, без работы – ни мгновения, ни покоя, ни сна ни уму, ни душе», – так слагали стихи в ту пору советские поэты.

Я в те годы наконец получил долгожданную квартиру в новом микрорайоне и едва был знаком с соседями.

Моим соседом по этажу оказался Буни, помощник оператора химического завода. В один чудный весенний вечер он пригласил меня и соседа с верхнего этажа в гости, предварительно отправив семью в село. Как он сам выразился, «чтоб была свобода через край». Соседа с верхнего этажа звали Дени.

Буни обмывал машину. Точнее, не машину еще, а только выигрышный лотерейный билет на «Жигули», что лежал тут же на газете вместе с официальной таблицей. Не пылесос какой-нибудь, не холодильник, а самые настоящие «Жигули» за пять тысяч рублей!

– Слава Аллаху! Его милость не знает границ. Повезло мне, – наполняя рюмки, возбужденно говорил Буни. Нервозность, вызванная радостью, у него пока не прошла, хоть узнал он про выигрыш еще вчера в обед, когда купил в киоске газету.

– Два месяца носил «Жигули» в кармане и как пить дать мог бы запросто кинуть в мусорный ящик, валлахи-биллахи. Аж сердце замирает, не хотел его покупать. Инженер, мой начальник смены, навязал. Вот же проклятая жадность! Не хотел же поначалу брать, хоть и мелочь тридцать копеек, не хотел отдавать за эту бумажку.

– Мелочь мелочью, а зато легковушка, – сказал Дени.

Не знаю, завидовал он ему или нет. Лично я никогда и никому не завидовал. Такой уж я человек. Есть – хорошо, нет – ну и ладно. Помню, будучи студентом, на пятьдесят копеек мог жить, на хлебе да на кашах или на чае с бутербродами.

Выпили еще по рюмке, а потом еще. По лицу Буни разлился густой румянец, он говорил и говорил.

Однако через полчаса, когда вторая бутылка была почти выпита, у Буни растаяло все настроение. От последней рюмки он как-то обмяк, согнулся под столом, голова вдруг потяжелела. Я задумчиво смотрел в окно. Дени курил. Разговор не клеился. Оно и понятно, друзьями мы не были, только соседями.

– Вы в судьбу верите? – вдруг неожиданно спросил Буни.

– Я верю, но она довольно шаловлива, – улыбнулся Дени.

– Она не для всех справедлива, – сказал я, – к одному передом встанет, а другому и спину покажет.

– А ко мне всю жизнь была боком, но я не унываю, – опять улыбнулся Дени.

– Эх! Сколько помню, за счастьем, как кот за мышью, гонялся, а оно подразнит, подразнит и с носом оставит.

– Но у меня все наполовину, – стукнул по столу кулаком Буни.

Дени усмехнулся и, показав головой на лотерейный билет, сказал:

– Что, «Волгу» хотел хапнуть?

Буни равнодушно махнул рукой.

– Я не про то. Ты вот лучше скажи: ты хоть раз в жизни имел то, чего очень хотелось?

– На нашу зарплату? – спросил я.

– Мы живем не в Америке, – ответил Дени. – И черт его знает, какого цвета счастье это. У меня от этих дум голова никогда не болела. Живу, кажется, неплохо – живу, как живется. За чужие спины не прячусь, другим под ноги палки не кидаю, злость не держу ни на кого. За богатством не гоняюсь. Чего быть, того не миновать.

– А радость была? – спросил я.

– А вот радость была! – весело воскликнул Дени. – Дело было в Казахстане. Рассказать кому – не поверят...

– У человека горе, а тебе, никудышный ты человек, – пробубнил хмельной Буни, перебив Дени.

– Буни, ты послушай. Все из-за одной девушки, которая почти стала моей женой. Азман ее зовут. Жили мы тогда на одной улице. Азман была моя первая и последняя любовь. Была она не очень-то смазлива, но я все равно ее очень любил. Все говорили, что я на деньги ее отца позарился. А отец ее был на хорошей должности, хлеб-соль водил с нужными людьми. Жил по тем временам припеваючи. Даже собственную «Победу» имел. Многие ему завидовали. Приданое единственной дочке приготовил такое, что диву давались. А между тем, по мне многие девушки вздыхали: «Какой парень ладный, а берет некрасивую и нескладную Азман с большими деньгами». Встречались мы с Азман часто. Азман слушала меня, а глаза печальные-печальные. Не верила она в искренность моей любви. Больно было смотреть, когда твоя любимая изнутри гибнет.

Я ценил в ней чистоту, нежность, скромность. Однажды я ей сказал о том, что уверен, что она считает себя некрасивой, а на самом-то деле она очень красива. Нужно только взглянуть в себя, а еще лучше – в глаза человека, который тебя любит.

– Такого нет, – сдавленно сказала она.

– А я? Ты не веришь мне? Ты не видишь, как я по тебе сохну? Мне не нужна расписная красота. Я ищу поскромнее да подушевное.

От моих слов она только вздыхала. Не мне, мол, эти слова, а отцовскому кошельку. Отец и мать ее думали то же самое. Одним словом, не получалось взаимного притяжения. Однажды летом, в самую жару, у них все сгорело. Кто-то из-за зависти поджег. Есть просто завистники, есть и злодеи, никогда не знаешь, чего от людей ожидать.

– Не ты ли случайно? – улыбнулся я.

– Что ты? Как можно, сосед? Я же вам говорил, что никогда не завидовал богатым. Слушайте дальше. Сгорел большой дом и даже сундук Азман. Я был тогда в Чимкенте. Вернулся домой, собрал своих друзей, наточили топоры и пошли к отцу Азман. Работал с друзьями почти три месяца. До холодов перешла семья в новый дом, который был не хуже сгоревшего. После этого я заслал сватов. Свадьбу сыграли. Теща мне тогда сказала: «Мы думали, что ты нашу дочь за деньги берешь, а ты вот какой». А Азман стала разом счастливая. Она стала и хорошей женой, и крепким другом. Родила мне трех сыновей. Она и сейчас кажется молодой.

– Сберег, значит, не разлюбил? – лукаво прищурился я.

– Видно, порода такая, – улыбнулся Дени. – Да, я редко выхожу из себя.

– Я тоже не люблю богатство, – сказал вдруг Буни. – Видите, как я живу. А теперь вот этот билет. На что он мне? Куда я машину поставлю? У меня даже гаража нет. Что ни говори, Дени, ты счастливый. У тебя три сына, а у меня девочки. Я же говорил, что у меня все наполовину.

– А ты посади жену, дочерей в новую машину, съезди на море! На курорт. А чего? Будь лиричней, Буни, – сказал я.

У Буни дергается бровь, он потирает лоб.

– Что ты говоришь? У меня нет прав, и я не умею водить машину. И билет этот к черту!

– Значит, не нужен он тебе, – покосился на него Дени. – Ну, коли так, я его...

– Дени неожиданно сгреб со стола билет, скомкал его и сунул в рот. Раз-другой стиснул зубами и проглотил. Взял со стола огурец.

– Хоть и «Жигули», все равно невкусно, закусывать надо.

– А-а-а-а! Что ты сделал?! Моя машина! Гад! – Ругань с матом обрушились на Дени.

И вслед за этим дикая сила бросила Буни вперед на соседа, пальцы схватили что-то со стола – кухонный нож. Я едва удержал в руках его жилистую руку. Дени испугался так, что отскочил к двери.

– Что ты, Буни? Разве так можно? – упрекнул я. – Ножом своего соседа!

– Гы, гы... – трясся Буни.

– Буни, как тебе не стыдно, – сказал Дени, – из-за какой-то машины хочешь меня ножом зарезать... я же твой сосед!

– Твари!

– На! Вот оно, твое бумажное счастье! Это я свой билет съел. Я испытывал тебя. Не хлопай глазами... твой... твой билет. Теперь я знаю, какой у меня сосед.

Нож свалился на пол. Бледный, с выпученными глазами, Буни вырвал из рук Дени билет, схватил газету и начал сверять номер.

– Вон! – дрожащим голосом крикнул он через некоторое время.

– Буни, это не по-соседски, – сказал я.

– Уходите. Или я... – кричал Буни.

Через неделю Буни получил машину, но ему не повезло. Родственник, который находился за рулем, сделал аварию и сбил пешехода. А сам Буни очутился в больнице. Мы с Дени навестили его, было видно, что ему неудобно за свой поступок.

– Это водка виновата. Больше пить не буду.

Затем он обратился к Дени.

– Ты прости меня. Если бы в этот день ты действительно съел этот проклятый билет, я сейчас не лежал бы в больнице.

– Зато я лежал бы в могиле, – улыбнулся Дени.

После выздоровления Буни отремонтировал свою машину, а Дени научил его водить. В погожие дни мы часто втроем выезжаем на природу, став добрыми соседями.

Саид-Альви Лулуев

Потерянная любовь

Рассказ

Хвалить любивших — не мой удел.
Любви не знавших — я жалел.

Р. Гамзатов

Март. Начало весны очередного года.

В одном из концертных залов Грозного шел концерт великой певицы чеченского народа и его любимицы Тамары Дадашевой. Среди множества других зрителей находился и давний ее поклонник Самад Агамиров. С репертуаром песен этой певицы у него связаны теплые и незабываемые воспоминания. На этот раз в свою программу певица включила новую песню, которую она исполнила из глубины души и которая не оставила равнодушным никого из присутствовавших, а также доказала, что она действительно является царицей чеченской песни, звездой ее эстрады самой яркой величины.

*Веза сан йиши йоцу везар,
Хила сан йиши йоцу безам,
Дагна лечкьо мел хала ду,
Киѳрахь сецо мел кѳиза ду?
Хьо воцург суна ца везча
Со лохуши хьо сайна вайчи
Бѳарзе хила мел хала ду
Хьо виц ва ницкѳ мичара хир бу?
Дийцарх кхетар вац цхѳаа-а
Аларх хетар дац баккѳа-а
Са дѳега и беца бала-а
Бекѳа стаг ма вац цхѳанхѳа,
Балхо стаг ма вац цхѳанхѳа,
Ма вац цхѳанхѳа...*

Протяжно и грустно пела певица. Подстрочный перевод выглядит так:

*Любимого, которого нельзя мне любить,
Любовь, которую не могу я иметь,
Сердцу скрывать нелегко.
А держать это взаперти так жестоко...
Слов не поймет никто,
Рассказу не поверит никто,
Безмерна в душе моей боль
И не с кем мне ее делить,
И некому мне ее объяснить,
Когда, кроме тебя, никого не люблю.
Когда вижу, что ищешь меня,
Слепою как трудно мне быть...
И где найти силы тебя мне забыть?..*

Это было не просто классическое исполнение развлекательной песни, слова и обращения которой носят риторический характер. Это был крик души, израненной

болью несчастной любви. Певица жалобным тоном, по-женски нежно взывала к зрителям с просьбой человеческого понимания ее несбыточной, необъяснимой любви. Неописанные и неизвестные обстоятельства расставили влюбленных по разным берегам человеческой судьбы. А сколько тепла, скорби и надежды в этой песне? Она задевала самые дальние и тонкие струны человеческой души. Каждому казалось, что слова песни обращены к нему или идут от него. Сидящим в зале слышалось в грустной песне певицы что-то родное, близкое, знакомое.

Самада эта песня заставила погрузиться в воспоминания далекого прошлого, в воспоминания своей юности, когда его душа наполнилась чувством первой любви, но он не был готов ни понять это, ни сделать адекватных и должных шагов. Именно из-за этого он прошел мимо своего счастья.

В настоящее время Самад – мужчина средних лет. После окончания строительного факультета работал в разных строительных организациях республики и сейчас продолжает трудиться по восстановлению разрушенных боевыми действиями объектов народного хозяйства.

Когда после средней школы стоял вопрос о выборе профессии, на семейном совете отец сказал ему: «Настаивать на выборе не буду, но скажу, что предпочтительнее строительного факультета сейчас нет. Он выпускает настоящих специалистов своего дела. Когда вокруг тысячи разрушителей, эта профессия всегда будет востребованной».

Две военные кампании подтвердили правоту отца, да и сам Самад полюбил эту профессию и не жалеет, что в далекой юности избрал факультет ПГС.

Он приехал в Грозный семнадцатилетним юношей и впервые видел столицу республики. Ему казалось, что здесь люди не такие открытые и доброжелательные, как у них в горах. Во всяком случае, здесь, на равнине, люди отличались от тех, привычных ему жителей горной местности, говором, одеждой, привычками, соблюдением вайнахской этики и их традиций. Он любовался архитектурной красотой города, его улицами и достопримечательностями, утопающими в буйной зелени и лучах южного солнца. Удовлетворяя свое любопытство, он спешил ближе познакомиться с городом, который был в сотни раз крупнее его родного села и имел многочисленные заводы и учреждения. Он прогулялся от проспекта Революции до моста через реку Сунжу в центральной части города недалеко от здания Совета министров ЧИАССР и дальше по проспекту Ленина, по которому тогда еще ходили троллейбусы, до площади Минутка. Выйдя на площади им. Ленина, он увидел памятник вождю пролетариата и основателю страны Советов в окружении цветочных клумб. За спиной памятника Ленина – сквер с фонтаном и газетными вывесками различных изданий. Напротив – кафе-мороженое «Родничок», магазин «Книготорг». А в глубине – бирюзовое здание Дворца пионеров и школьников рядом с Домом просвещения (сейчас здание перделали и в нем находится мэрия города). Площадь имени Ленина замыкало красивейшее здание Грозного с колоннами и арочными окнами, окрашенными в персиковый цвет. В нем размещался областной комитет партии. В конце улицы Орджоникидзе (ныне Исаева) при пересечении улицы Красных фронтовиков (Лорсанова) находилась филармония, рядом – площадь, напротив – здание Нефтяного института им. М.Д. Миллионщикова. А недалеко, в восточном направлении, в окружении зеленого сквера располагалась сказочно красивая библиотека им. А. Чехова с белоснежными колоннами. Заней – кинотеатр «Космос». А сам проспект Ленина начинался от моста через реку Сунжу. Позади оставались Архивное управление, ресторан «Кавказ», солидное угловое здание Совета министров и Президиума Верховного Совета ЧИАССР, доходящее до площади Ленина. Далее за мостом, слева – набережная Сунжи с аллеей и буйной зеленью. Напротив – гостиница «Чайка». Поодаль – большой стеклянный магазин «Океан». Люди пожилого возраста говорили, что рядом когда-то было здание «Абубакаран ценош». Недалеко, слева от проспекта Ленина, – Дом радио и сквер. По Ленина самой востребованной остановкой был кинотеатр «Родина». После тоннеля, под железной дорогой у площади Минутка, от главной улицы города начиналась улица Сайханова и тянулась трамвайная

линия до поселка Черноречье. Как и сейчас, с Минутки отправлялись маршрутные автобусы восточного и юго-восточных направлений.

В школе Самад учился хорошо, успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен студентом в институт. Как иногороднего, его определили в общежитие, где с ним в одной комнате жили еще три студента. Один из них, Умар из Урус-Мартана, однажды попросил составить ему компанию, когда собирался навестить одну девушку. Самад согласился, и они вдвоем поехали в Черноречье, в школу, где училась эта девушка. Ее звали Белана, ей было пятнадцать лет. Однако она выглядела взрослее и не по годам была развита, умна и рассудительна. Длинные каштановые волосы, открытое, светлое, доброе лицо с синеватыми глазами, мягкий, нежный, с оттенком грусти, тонкий девичий голос, средний рост, красивый стан выделяли ее среди других ровесниц. Хоть и приветливо встретила она их, по глазам и внутреннему ее настрою чувствовалось, что она не рада приходу молодых людей. В последующем еще несколько раз Самад и Умар посещали школу, встречались с Беланой и вели беседы с соблюдением традиционного вайнахского этикета. Но каждый раз Белана стала показывать свое нежелание иметь дружеские, тем более романтические отношения с Умаром. Самад, как мог, старался помочь своему товарищу и, по мере сил и умения, успокаивал его. Мол, на свете есть много красивых и хороших девушек и среди них он найдет ту, которая украсит его жизнь. Но чем сильнее становилась пропасть между ним и Беланой, тем больше Умар тянулся к ней, говоря, что сердцу не прикажешь. Эта тяга и ее неприемлемость для юной Беланы привели к грубому разрыву их отношений. Умар обвинил в этом Самада, разругался с ним, поспорил и назвал Самада предателем, хитростью и коварством отбившим у него любимую девушку. Самад пытался оправдаться. Ему не поверили. Вскоре Умар бросил институт и его забрали в армию. Об этом Самад узнал, когда получил письмо от него с фотографией в армейской форме. После Умар и Самад не встречались никогда.

Тем временем Самад продолжал учиться, заводить собственную семью думал только после окончания института.

Самад родился в Казахстане, рос и учился в мусульманской среде, воспитывался в традиционных кавказских представлениях о жизни и о ее смысле. Он не мог допустить малодушия, предательства, забыть о долге и о чести. Он без страха за собственную душу готов был идти на помощь тому, кто нуждался в этом. Он хотел учиться, учиться и жить не по лжи.

После оскорбительного укора Умара Самад не вообще хотел не видеться с Беланой. Однажды девушка сама пришла к общежитию и вызвала Самада. Они поговорили немного и расстались. Девушка пришла через неделю снова, и опять Самад как-то скованно и холодно пообщался с ней. Белана стала приходить каждый день, они ежедневно гуляли подолгу в городе. Эти встречи стали привычным делом, и это не было секретом для тех, кто их знал. Все считали их влюбленной и достойной парой. Но Самад не относился к ней как к своей девушке. Это лишь дружба, считал он. Он вообще не верил в любовь. Однако частые встречи с Беланой, ее обаяние, простота и доверчивость, умение выслушивать и принимать смелые и своевременные решения все же заставили сердце парня биться чаще. Он потерял сон, ждал утра – скорей бы на занятия. Он плохо слушал лекции – думал о Белане. Они беседовали на разные темы: кино, история, литература. Такие встречи не могли не пустить корни любви, хотя это была единственная тема, которую они не затрагивали. «Если в жизни нет любви и счастья, почему мне так сильно хочется ее видеть, а встретившись с ней, почему я ощущаю себя счастливым?» – думал Самад.

Когда Самад перешел на второй курс, их свидания внезапно прекратились – Белана перестала приходить к нему. Исчезла. А впрочем, почему она должна была приходить к Самаду? Он кто ей? Самад и сам не мог ответить на эти вопросы, но ждал тех теплых встреч. Теперь, когда она исчезла, Самад понял, как дорога его сердцу девушка с самым красивым именем Белана, и считал ее самой лучшей на свете.

Он искал ее по городу, на улицах и в многолюдных местах, спрашивал по месту жительства. Их семья получила новую квартиру и переехала куда-то, а куда именно – никто не знал. Так прошел год. Самада призвали в армию. Отслужив три года во флоте, он вернулся в институт и продолжил учебу. Все эти годы он не забывал Белану, рассказывал о ней друзьям. Она была для него идеалом девушки, его первой любовью. Он то жалел, что не сумел ей в этом признаться, то был рад, так как не смогли они объединить свои судьбы для совместной и счастливой жизни, а значит, чужие друг другу. Но так ли это? В душе Самада всегда было беспокойство и желание найти ее. Однажды на Зеленом рынке Грозного у центрального входа с улицы Мира Самад услышал незнакомую песню. В студии звукозаписи продавалась пластинка с этой песней. Никто не мог объяснить ему, кто исполнительница, что привлекала всех своим красивым голосом:

*Ма ала безамо:
Багор бац кийра,
Ю цуьнан шен зама
Хилалахь кийча...*

Пела девушка юным голосом. Она зажигала всех и притягивала силой магнитного притяжения. Позже Самад узнал, что это поет молодая чеченская певица Тамара Дадашева на стихи Адиза Кусаева. В то время было мало исполнительниц песен, всех их знали и любили. Тогда петь не учили, пели те, кто умел, а не те, кто хотел. Тамара была начинающей и делала первые шаги на чеченской эстраде. Песня запала в душу Самада, ему казалось, что певица поет для него. Он долго слушал ее и снова впал в уныние, потерял сон. Он понял, что его душа обожглась первой любовью, а он не был готов к ней и не сумел в тот раз понять до конца, что это и есть настоящая в его жизни любовь.

Шли дни. Самад продолжал учебу. При виде симпатичных девушек он сравнивал их с Беланой, но Белана затмевала их всех. Он не мог забыть ее нежный голос с оттенком грусти. Он не знал, где она и как ее найти. Неужели он потерял ее навсегда?

Но однажды... Самад не поверил своим глазам. В вестибюле своего общежития он увидел до боли родное лицо Беланы. Радость и страх охватили его. Он радовался неожиданной встрече и боялся услышать, узнать что-то, что еще дальше отдалит их судьбы. Оказывается, вахтером общежития была ее бабушка. Надо же, целый год она работала здесь, а Самад об этом не знал. Белана с бабушкой о чем-то пошептала, поговорила и вышла. Самад незаметно пошел за ней по улице. Белана чувствовала это, замедлила шаг и завернула за угол. Когда они поравнялись, Самад с волнением, радостно приветствовал девушку. Белана была все той же красавицей, чуть подтянувшейся, повзрослевшей. Видно было, что это сложившаяся и готовая невеста на выданье. Она ответила приветливо, ее глаза светились по-прежнему, на лице была улыбка. Самад решил воспользоваться этим и сразу спросил, не замужем ли она? Услышав отрицательный ответ, Самад обрадовался и первый раз в своей жизни сделал очень важное для жизни и значимое для их взаимоотношений заявление:

– Белана, я люблю тебя! Я пять лет назад должен был это сказать, но уверяю тебя, что все это время я ждал этого момента, чтобы открыть тебе свои чувства. Мы с тобой достаточно взрослые люди... И я, невзирая ни на что, прошу согласиться выйти за меня замуж.

Даже после пяти лет разлуки эти слова не были неожиданностью для Беланы. Они были для нее всегда желанны, и она спокойно и рассудительно ответила:

– Самад! Я хорошо помню нашу первую встречу, когда ты приходил с Умаром. Я была тогда школьницей, начинающей думать об избраннике и строить свои планы о встрече с ним. Умара ко мне направила моя тетя из Урус-Мартана. Вы несколько раз приходили на свидание, и я поняла, что он не тот, о ком я мечтаю. Я не была рада знакомству с ним, но мои мечты о будущем заполнил твой образ.

Мои подруги тоже заметили грубоватый характер Умара и несоответствие между нами. Они также отметили предпочтительность дружбы с тобой. Соблюдая этикет, я дала знать Умару, что между нами не может быть серьезных отношений. Но он не признавал мое право на выбор и не отставал от меня. Тем больше я чувствовала разницу между вами, а в моей душе проснулось первое чувство любви. Я понимала обстоятельства нашего знакомства, в связи с которыми этикет вайнахов не позволял заменить жениха его другом. Однако сердцу не прикажешь: я полюбила того, кого нельзя было любить. Я хотела видеть тебя, я искала встреч с тобой и приходила каждый день. Ты стал моим учителем, и я доверяла тебе. Это было прекрасное время, я благодарна тебе за него. Благодарна за то, что ты был в моей жизни. Ты так хорошо относился ко мне, подарил так много тепла и надежд. Затем наступило время, когда нам надо было осмыслить свои поступки. Видя твою нерешительность, я не хотела обременять тебя настойчивостью. В результате я ушла, но душа тянулась к тебе. Я не знала, как смогу жить без тебя, не знала также и о твоём решении относительно наших взаимоотношений. Ко мне присылались много раз сваты, я всем отказывала. Но пойми, пять последних лет прошли не в пользу наших взаимоотношений. Если бы наша встреча состоялась неделю назад, может быть, я говорила бы по-другому. А сейчас я вынуждена повторить слова пушкинской Татьяны: «Но я другому отдана, и буду век ему верна...» Завтра за мной приедут родственники жениха, и я должна подчиниться своему долгу...

Та прямота, открытость и хладнокровие, с которыми Белана говорила это, свидетельствовали, что в ее груди уже не горит то пламя любви к Самаду, что зажглось и горело когда-то, но она не потеряла уважения к нему и ценит все то прекрасное, что у них было. Самад понял, что мелодия его любви прервана. Это обстоятельство делало их чужими, и не было смысла стараться изменить начертанное по воле Аллаха. Самад хорошо знал диамат, истмат, сопромат, высшую математику, но понял: сохранить и эффективно использовать формулу любви, которую они с Беланой вывели, не сумел. А позиции в жизни, как в шахматах, не повторяются. Он проводил Белану до угла следующей улицы, поблагодарил и, пожелав в жизни счастья и удачи, расстался с ней, шагнув в неизвестность дальнейшей жизни.

Был июньский жаркий день, но душа Самада покрылась холодом. Он понимал значимость своей потери, и то, что ему опять предстоят бессонные и тяжелые ночи, которые терпеливо и благодарно надо принять.

Жизнь продолжалась...

Проза**Муса Бакаров**

2008 шарахь Яхъяев Хъасамбин «Маргала хатта» цле йолчу дийцаран гулар йолош, вайн махкахь цле яхна волчу яздархочо Бексултанов Мусас яздо: «Нохчийчохь дуьххъара шен къаьсттина мотт болу прозаик Окуев Шима ву-кх моттаделира суна цкъа, цуьнан «Лай тIехь цIен зезагаи» роман ешча, Бакаров Мусан «Зеламхех дийцарш» боху киншика еишалац. Мусан мотт (йозанан мотт) массерчух а къаьстаи бара, ткъобсналгIачу бIешерера болуш санна. Ас цуьнан меттан дуьхъа масеххаза йийшира и киншика, юха-юха а йоьгуши».

Иитта лакхара мах хадабо Бексултанов Мусас Бакаровн Мусан «Обарг Зеламхех дагалецамаш» цле йолчу книгин. Ян а ю, и книга, Бексултановс ма язъярра «массерачух а къаьсттина йоза» долуш, шена чохь вуьйцург цIена нохчийн мотт а болуш, шена чохь лелаи дерг цIена нохчийн гIиллакх а долуш, шена чохь вуьйцург вайн къоман бакъ волу къонах а волуш.

«Обарг Зеламхех дагалецамаш» жайни тIера дакъа довъзуйту оха лахахь.

Зеламха

И дара 1940-чу шеран апрель баттахь. Шкоলেখь каникулаш а йолуш, ас тхайн дега дийхира со Соьлжа-гIала Шерипов Зоврбек волчу хьошалгIа вахийтар. Уьш хиллера вайн республикан мохкбозаран музейна уллохь Iаш. Шен мукъачу дийнахь сан самукъа даккха оцу музее вигира со Зоврбека. Цу чохь сан уггаре а тидам тIе бахнарг говрахь а волуш, шен дерриге а герзашца кечвелла, турмалца генна дIа а хьобжуш, дийнна дегIаца диллина сурт а, цунна бухахь охьабехкина Зеламхин тIеман гIирсаш а, нуьйр а, таьлсаш а, ша лела некъаш юханехъа гойтуш долу цо лелийна говрана туху ленаш а, кхин дуккха а хIуманаш а яра.

Цул тIаьхъа ткъа шо гергга хан – Сийлахь-боккхачу Даймехкан тIеман а, нохчийн бехк боцуш махках баьхна шераш а – елира сан цига юха ваха йиш ца хуьлуш. Вайн махка цIа а дирзина, Нохч-ГIалгIайн республика юха кхоьллича дукха хан ялале вахара со оцу музее. Амма суна хьалха гина сурт дацара – Зеламхин хIуманаш йоцуш яра цу чохь. Ас деллачу хаттарна жоп луш, музейн белхачо элира, Зеламхин портрет а, кхиболу гIирсаш а кхузара дIабаьхна аьлла. Мухха делахь а, 1960-чу шарахь юха а цига вахана, музейн завхозе ас хаьттича, цо жоп делира и ерриге а хIумнаш Гуьржехара схьаеана, амма складехь Iохкуш ю, уьш музей чу дIахIитторан гIуллакх къастоза ду, аьлла. Цул тIаьхъа къаьсттина хаа лиира суна, мила хилла Зеламха, хIун баьхана ду республика метта хIоттийначул тIаьхъа цуьнан истори тIе нехаш хьаькхна йитар?

Оцу – 1960-1961 – шерашкахь суна хиира, мел лерам беш хилла Зеламхин вайн республикехь 1944-гIа шо тIекхачалц, вуьшта аьлча, вайн республика дIайохаяллалц. Суна хиира Зеламхин цIарах Шелан районехь колхоз а, Гумсехь урам а хилла хилар. Зеламхех лаьцна якккхина фильм хилла хилар а. Ткъа радиочухула декаш хилла цунах лаьцна исбаьхъа халкъан иллеш: «Вицлур вац Зеламха нохч-ГIалгIайн кIенташна, дицлур дац, Зеламха, ахь дииа гIуллакхаш...».

Оцу турпалчу стагах дерг толлуш, хоьттуш со лелачу хенахь цхьацца волчуьнгара хезара: «Витахъа и Зеламха, зуламхо хилла волчу цунах ахь хIун до?» ТIаккха цу хенахь (1961-чу шарахь) 75 шо хан йолчу тхайн дега (шу марша, хIинца вац иза) Бакаров Iусмане хаьттира ас: Зеламхех цхьацца волчо зуламхо а ма олу, нийсонца дерг муха карор дара-те сунна, аьлла. ТIаккха цо дийцира:

Октябрьски кӀотарахь шен бӀе шо сов хан а йолуш, уггаре а дика Зеламахер дерг хаа а хууш, бакъдерг бен дуьйцур а доцуш цхьа воккха стаг ву, и волчу гӀур ву вайшиь, аьлла. «Цул совнаха, – тӀетуьйхира тхан дас, – Зелама тӀеэцна аьлла, шен доьзалца чувовьллина кхо шо хан яккхина а ву и СаьӀид».

Май беттан деза денош долуш (оццу 1961-чу шарахь) вахара тхойшиь и воккха стаг Тумхаджиев СаьӀид волчу. Тхойшинца МахкатӀера Чолтаев Мохьмад а веара. Воккха стаг дика са гуш вацара, меттахь Ӏуьллура, ткъа цуьнан хӀусамнана – къена йоккхастаг – дикачу доьналлехь яра. Могаш-паргӀат хаьттина девлча, тхан дас долийра:

– СаьӀид, ахь хьайн доьзалца Сибрех кхо ша даьккхина ма боху Зелама бахьанехь. Ткъа цу Зеламина цхьацца волчо, ша саннарг кхин хир воцуш, бакъо езаш къонаха вара а ма олу, цхьацца волчо зуламхочун цӀе а ма туьллу цунна. Ахьа бакъдерг бен дуьйцур доций хаьара суна, дийцахьа хьайна цуьнах хуург.

Иштта къамел долийра тӀаккха СаьӀида:

– И дара Ӏаьнан чиллан хенахь. Зеламина дуьнен тӀехь яккха йисина хан кхо шо бен а ца хиллера. Суьйранна говр-сту Ӏалашдеш воллуш вара со: «СаьӀид, кетӀа валахь», – аьлла мохь тоьхча. Ши говр а, цхьа бере а гира суна. Говрашна тӀера, дохк санна, хьацарх Ӏе гӀиттаро кхетийра со и бере лаа цахиларх. Ков схьа а доьллуш араваьлча, суна вевзира Хорачара Закин Ӏела.

– Хьо лаа вуй? – аьлла динчу хаттарна иштта жоп делира цо:

– Вац. Тахана кхоалгӀа де ду Зелама лаьцна кхаалха гуо болуш, вайн ломарчу хьехахь и волу. Цу хьехана чу ваха ваьхьаш стаг вац цигахь. Хорачойн коьрта нах паччахьан инарлас лецна лагтош бу. Царна юкьахь ву Кибин Ӏабдул-Хьаьжи а, Понукьин Зайпулла-Хьаьжа а, Аласхин Атабай а, иштта кхиберш а. Цу тӀе инарлина хьйна Зеламина хьол тешаме стаг хорачойх воций. Цундела, хьо соьца ца вагӀахь а, инарлин бӀоне хьо цига вигазу вуьтур вац.

Ас, оьгӀаз а вахана, элира:

– Мотт социйла со вийцинчун, мотт тоьхначун!

Кхин чу ца воьдуш, сайна тӀехь йолчу божли чу лелачу хормица цу беречо ялийначу говрахь со лома вахара. Эскар дӀаса а теттина, йоккхачу цӀарна юххехь ал тӀе тесначу верган тӀехь кетарх хьаьрчина Ӏан инарла хьала а гӀеттина, соьга куьг а делла, уллохь волчу талмаже гоч а дойтуш, къамел дан волавелира:

– ХӀара тахана сан «кисаныхь» волу паччахьан мостагӀа обарг Зелама хьох бен цхьана а хорачочух ца тешар хьйна суна. Ахь хӀинца, цу хьеха чу а гӀой, цуьнга дӀадийца кхузахь долу хьал. ДӀахьажа цу хьехана кхаалха лаьцна лаьтгачу гоне, дӀоо долчу мехкадаьттанан шина чермане (цу хьеха чу кӀур бан кечдина хиллера уьш). Эзар салтичух эскар долуш ду, тховса кхин а оццул кхочур ду аьлла бина хаам а бу сардалера. ХӀара хьал ма-дарра дӀа а дийций, шех соьга кескаш ца йойтуш, дийна каравола ала цу хьайн гергарчу стаге.

ТӀехдаьккхина цуьнга хӀума дуьйцийла яцара, делахь а сайн юьртахошна, цара со вийциний сайна хууш хилар хаийта, ас инарле элира: «Сайн дегӀ хьеран тӀулгаца аьхьча а, со мотт тухур боцуш вуй хаьа цу Зеламина а, кху хьуна гонаха лаьтгачу сан юьртахошна а. Хуучара шайна маршонна, я хьан дикане сатесна вийцина кхара со хьоьга. Даза ца долу ахь бохург. Со кийча ву». «Идите», – аьлла, цкъа со, букъа юккье куьг тухуш, дӀа а теттина, юха а: «Стой!» – вухаверзаве элира цо талмаже. ТӀаккха: «Вало, цунна хьалха а валий, дӀагайта вайн берриге а ницкъ», – аьлла, дӀахьажийра тхойша инарлас. Талмажа, эскаран бӀо а, кхиболу кечамаш а суна гойттушехь, шеггара тӀетуьйхира: «Кхара, цхьогал санна, кӀур а бина, хьехьа чохь вен а вийна, такхийна аравоккхур ву иза. Цул дийна каравола ала ахь цуьнга, и хьох дозуш ду!» – аьлла.

Ца догӀучу дагца хьехьа чу вуьйлира со: «Во Зелама! Во Зелама!» – бохуш, бетташ мохь а болуш. Лобман санна, аз делира чуьра схьа:

– Юхавала, мила ву хьо?!

– Со СаьИд ву, Тумхьаьжин кIант! – Жоп делира ас.

– Схьавола, схьавола, – аьлла, суна дуьхьал а веана, берте биллинчуьра кьожан цIов дIа а баьккхина, сов хазаетта чу вигира со. Чохь охьабиллина бара бакьийна дума а, баьпган юьхьиг а, цхьана туьтан чохь жимма хи а, тIеман гIирс а, тIетосуш лелош Iаьржа верта а, гIевлинга юьллуш цхьа дечган гуьйриг а яра. Шена уггаре а духхавеза хьаша ву хьо, бохура Зеламхас, дийцал айхьа деанарг.

– Дера бу, Зеламха, ас беанарг кху дуьнен чохь кхин хила йиш йоцуш кьаьхьа кхаь. Кху хьехана лаьцна лаьтта салтийн кхаалха го, тахана кхоалгIа де ду боху инарлас ша и го лаьцна. Со хIинцца валийна хьан уггаре а тешаме, гергара стаг ву аьлла, мотг сацаро мотг а бина. Цу хьеха хьалха ду ши салаз ча а, ши черма мехкадаьтта а. Цул совнаха, хьан мостагIех кхо стаг а ву цигахь, шайн герз кечдина лаьтташ. Тховса тIекхиа безаш бу кхин а эзар салтичух лаьтта цхьа бIо а.

Дукха паргIат соьга хеттарш до Зеламхас, докьаран биста кхаччалц. Таьхьара а хойтту, Iаббаз воккхахиллий, иза а, хIусамнана а могаш дуй олий. Мотгтар дара со и волчу леррина хьошалгIа веана. ЧIогIа цецвелира со оццул меттахь дог долуш, воьхна воцуш, иштта паргIат и хиларх.

– СаьИд, – боху цо соьга: – Хьуна ас хIун дича бакьахьа хета?

Соьца царна тIеволахьа аьлла, дехар дира ас цуьнга. Цо доцца жоп делира: «Ахь хIун алий оцу инарле? Суна Тифлисерчу воккхачу сардалан куьг а, мухар а тIехь долу кехат да алахь кху хьеха чу. И схьакхаччалц со кху чохь Iийр ву, и схьакхачча тIе а воьгIур ву. Цу тIехь яздина хила деза со бахьанехь, сан накьостий бахьанехь а мел лаьцна адам Iедалан буйнара дIахьоьцу, аьлла чIагIо. ШолгIа цу тIехь хила деза хьоладай а, мисканиш а цхьатерра бакьонаш йолуш бу, аьлла чIагIдар а. ТIаккха со а, сан накьостий а кийча бу цара бохург дан».

И кьамел шега дIакхачча чуьравелира инарла. Омра до: чехкка юха а верзий, доцца ала цуьнга, хьо сан кисанахь ву, цхьогалан кIорни санна, ас хьо лоцур ву, я и мокхазан берд цу стиглан Iаьршашка бохуйтур бу, бохуш. ЦIенна гуш дара и дийна каравалийча инарлех воккха хьаьким виьр волуш хилар а, и цуьнга сатуьйсусх хилар а.

Ша и дийна лоцур ву бохуш, пачхьалкхан дийна ахча а дара цунна дагахь.

Цхьа дог ца догIуш юха а хьеха чу ваха дийзира сан. Инарлас бохург чIогIа дайдеш дIадийцира ас Зеламхе, дий-пхи шо хьуна хан а тоьхна, хьо дийна вуьтур ву боху, цхьана а тайпа ницкь а биьр бац боху, аьлла. «И кехат лой цо?» – хотту вукхо. Ца ло, вайна дош ло цо, ас аьлча: «И дешнаш вайна дукха хезна, СаьИд, мецачу барзо уьстагIана лучу дешнех тера хуьлу уьш дерриш. ХIинцца кхин ма дийца ца хиндерг», – олий, хададо Зеламхас.

ТIаккха цхьа чIогIа вела а лой вистхуьлу Зеламха: «СаьИд, ахь цу инарле хIун алий? ХIокху Россехь мел долу эскар цо дIахIотторах, цунна со лацалур вац, ас сайх ларло боху алахьа. Кхоазза дехар дира ас цул хьалха суна тIаьхьаваьлла леллачу эпсаре, и нах ма хьийзабе, даккхий хабарш а ма дийца, ас вуьйр ву хьо аьлла. Цо ца дира ас бохург. Сан и вен дийзира. Кхин сан го лацахь ас вуьйр ву и».

Юха а тIевирзира со цунна, хIаллак ма хилахьара хьо, карагIахьара, сан а, вайн гергарчу нехан а цхьа эзар сов уьстагI бу, бIе сов бежан ду, уьш дерриге дIадоьхкина а, хьуна кIезиг бен хан тухуьйтур яцара вай, бохуш.

– Делахь дика ду, СаьИд, – элира цо, – со цара вен а ца вуьйш, Iуьйран ламаз Макажойн а, вайн а дозанахь долчу шийлачу хи тIехь а деш, дIавахча тоьий хьуна? Со араволуш ас шозза мажар кхуссур ю. Цуьнан тата оцу инарлина а девза хьуна. Цул тIаьхьа цо дукха хан ялале и дерриге а адам шел ца деш дIадохуьйтур ду. Кхин цхьа хIума ду. Бехк сан белахь а, бацахь а, цу ахь буйьцучу сан мостагIашна юкьахь Хьаьжа велахь, ас бохура алий, иштта дешнаш ала

цуьнга: «Хъаьжа, хлара де гуш ву-кха хьо». Ткъа инарлица ас цуьнан шен чохь къамел дийр ду, я Гуьржех боьдучу новкъахь цунна дуьхьалкхета хьожур ву.

Глаьхъара а дуй а кхуллуш дехар до ас, йийцахъа, сан ваша, хл окху балех хьо вер ву боху хъайн деган йовхо.

– Дера, СаьИид, со шайх а ма вац, – вистхуьлу Зеламха, – хьуна ма-хаъара. Дохъхъара буса, кху чу со веьний хъанна хаъа аьлла, члогла кладвелла а волуш, длатевжина, наб озийнера суна. Пенан кхоьллахь суна тле и хлуттий, тхан дас, Гушмацлас, олу соьга: «Клант, воха-м ца воьхна хьо, ца хаъа хьуна хъайна лаьцна го буй?» – олий. Цеххашха самаволий, хьехан берте а воьдий, доьазза мажар кхуссу ас жларах. Суна дуьхьал тлом болало. Циггахь хиир-кха суна. Нагахь кху бахъанина сан хан кхаьчнехь, волийла дац. Цкъа лийриг хиларан шеко яц, ткъа доьхна а долуш делча, вайн берашна наха тлехдеттар ду иза, – бохуш, сан сатедан глерта Зеламха.

– Да а, ши ваша а вийна, тешаме доттаглий хлаллакбина, масех блано го лаьцчча а клелхъаравуьйлуш хьо леллий хаъа суна, Зеламха, – боху аса. – Хинца кху хьеха чохь висинчу кепара вон деаний хьоьга цкъа а? – хотту ас.

– Дера, – дуйцу цо, – нийсса батгахь ца вуьжуш, набахтехь пена клел луьрг даьккхиа со араваьллачу буса а, Соьлжехь дийнна юьртана го лаьцна, оцу юьрта чохь висинчу буса а, да, ваша, доттагла вийначу дийнахь а, шашь байа длабуьгу аьлла, доьзал Глалглайчу лома длабуьгуш а холчу хлонттина ма вац со, цхъана дийнахь Маьлхистойн хьуьна юккхех чекхволуш сайна йоьлхуш дуьхьал еанчу жимчу зудчун дехар сайн дуьззина кхочушдан ца нисделлачу дийнахь санна. Накьосташкара пурба а дехна, дуьхьал новкъа сихха вахана воьгур-кха со аьлла, Глалглайчу доьзал хлун деш бу хъажа со воьдуш дуьхьалкхийтира шийлачу маьхъарца йоглу цхъа жима зуда. Соьга бехк ца биллар а дехна, шена вашалла дар дийхира цо, шен карара даккхина пхи- ялх бутт кхаьчна божабер а эцна, длога басех чу воьдуш ву ши стаг, цаьргара и схьадаккха хъажахъара хьо, аьлла. Говраца цигах чувахалур а ца хилла, цуьнга сайн говр дла а лацийтина, лайн клац хиларна къаьсташ йолчу лорах чу хъаьдира со, цхъана жимчу ирзех дехъаволуш тле а кхира цаьршинна. «Хлей, ши стаг, и бер охъа а диллий, длавала кхузара», – ас аьлча: «Хъан хлун бала бу?» – аьлла, вон вистхилира соьга царех цхъаь. Ас сайга цу зудчо дина дехар дийцича а шек ца велира. Кхоазза дуй кхуллуш а дийхира ас. Цул глаьхъа делаца члагло йира, бер охъа ца диллахь, вуьйр ма ву шу шиь аьлла. И шиь, ваша а ца вешаш, цхъаммо бер, буьрка санна, ирх а кхоьссина, вукхо шаьлта тоьхна цуьнах ши дакъа а дина, длаведира. Ас эццахь ший а тоьхна, вийра. И ши ах дина беран дакъа сайн башлакхан тломахь цу зудчунна тлехьочу дийнахь санна холчах лонттина вац-кха со, СаьИид, цкъа а, – чекхдаьккхира шен дийцар Зеламхас, сан хаттарна жоп луш.

Эпсарш бен цларна улло а ца кхочуш, арахь шийла долу хьал сайна доьзарна, со башха сиха а вацара хьеха чуьра аравала. Зеламха а, дагахь хлуьа хиллехь а, со аравала башха лууш волчух тера а дацара. Иштта къамелаш деш буьйса юккьал телхъаьлча, Зеламхас элира:

– СаьИид, хьошалгла варна хьуна баркалла, хлннца хьо парглат хила, со жимма сада ла воллу. Нагахь, дукха хлунда лара хьо аьлла, инарлас хъайга хаттар дахь, ас сацийна, ара ца волуьйтуш лийнера алалахь. Бакьду, Зеламхас шех кхидла йолчу хенахь ларло бохура ала...

Тесна кхерам инарле ма-барра длабийца со ца ваьхъира (и бакьдерг-м хиллера). Дийна а волуш, тлевоьгуш вац и аьлла, дийцира ас. Сахила йиснарг а яцара дукха хан а, амма милла леш лаьтгара со а, гонаха долу адамаш а.

Суна дагадеара Зеламхас Хъаьжега длаала аьлла дина кост. Ас тле а вахана, Хъаьжега: «Зеламхас хьога дла ала бохура: «Хъаьжа, хьо гуш ву-кха хлара де». И дешнаш ас дла аьлча, Хъаьжа хъала а глеттина: «Вало, ши клант, дладели хлара.

Дала аьтто бойла хьан, Зеламха!» – аьлла, д1авахара, шен ши накьост а вуьгуш.

Цул т1аьхьа сатосу хан герга кхочуш, хьехачура шозза мажар елира, ткьа салташа берриге а ломан арц бекош дуьхьал т1ом болиьра. Оццу минотехь хьехан бертехула чувовжна, ломан т1улгаш т1е ветталуш чувовдуш стаг хаавелира юьйлучу тоьпийн серлонгахь. Инарлас мохь беттара: «Ура-а! Бе-ей!» – бохуш.

Шашь вийначун докье хьажа вочу басехула чу хьаьдда вахана инарла, дог вон а хилла, салташа айвина вохьуш вара. И цара т1е тоьпаш йиттинарг, юкьахь гуьйриг а йолуш долу Зеламхин верта хиллера. Гуллакх иштта дирзина боккха синкьерам хиллера бехк боцуш хьийзочарна а, гуш дара дукках болчу салташна цунах там хилла хилар а.

Цхьацца дарбанаш лелийначул т1аьхьа меттавеара инарла. Т1аккха велха х1обьтира, зуда санна. Бехк а бацара, вилхича а. Сардал хила сихвеллачу х1окхо кхоь телеграмма елла хиллера Бурит1е а, Тифлисе а, Петербухе а, Зеламха шен карахь ву аьлла. Х1инца шен чин дужург хилар а, Зеламхас ша саннарг х1аллаквой а хууш вара иза. Бакьду, Зеламха д1авахана лар ц1енна гуш йоллушехь, суьйлийн эпсар Муртаз-1елис а, оьрсийчо Вербицкийс а цунна т1аьхьа лар-м ца яхьира.

И Зеламха оцу буса шайн карара валар сан бехк болуш санна, сайн доьзалца араваьккхина Сибрехь вахийтира со, даиманна а аьлла. Амма кхо шо сов зама яьллачул т1аьхьа Зеламха цуьнан «гергарчу наха» тешнабехкаца д1овш малийна вийра, ткьа тхо д1ахийцира...

Жимма соцунг1а а хилла, кхид1а а дуьйцу Саь1ида:

– Доьзалца Сибрех а вахийтина, ас бала хьегнехь а, и гуш вац со. Суна х1ун го хьуна аьлча, вайн Нохч-Г1алг1айчохь 1едало, вайнехан пурстопийн, юьртдайн гамонаш а нисьеш, г1ийлачу адаманна беш болу ницкь Зеламхина д1ахийча шайн чекхбер боций а хууш, и дийна мел ву, цуьнан бекхамах кхоьруш сацийна хилар. И ц1енна хаьара суна. Иштта суна дика дагадог1у Соьлжа-г1ала шайн миска пал (даьтта, к1алд, кхин тайпа сурсаташ) бохка базара бахана нохчийн, г1алг1айн зударий, баккхий нах могог1ара базарахь хевшина 1аш, «уьш муха ле гайта ас шуна» аьлла, цхьана инарлас, т1е пулемет а хьовзийна, царех вуьрх1ийтта вийча, и инарла шен накьосташца Г1изларе вьодуш дуьхьал а ваьлла, ц1ерпошт саца а йина, цу т1ера и инарла юкьахь а волуш вуьрх1ийтта эпсар охьа а воссийна, Зеламхас церан дакьощ охьадахкар. Кхин а дагадог1у суна, Зеламха набахтера веддачу шолг1ачу шарахь дуьйна вайн ярташкахь ницкьаца, хьолаца тоьллачара г1ийлачарна, мискачарна шашь х1инццалц бина луьра ницкьаш совцийна хилла хилар а...

– Ванах, Саь1ид, жимастаг волчу хенахь шун юьртахь ша тайпа кьаьсташ х1ума долуш билгал варий Зеламха? – хоьтту тхан дас 1усмана.

– Г1иллакх-оьздангалла шегара цхьаммо а доккхур доцуш жимастаг вара иза. Цхьана а юьртахоьчуьнца цуьнан дар-дацар хилла боху меттиг хааелла яцара, – дуьйцу Саь1ида. – Юьртахь жимчо а, воккхачо а олура: «Зеламхас бахахь, бакь ду шуна», – олий. Амма Зелемхан да, Гушмац1а, чехка (сиха) стаг а вар-кх хьуна. Зеламханан воккхах волчу вашас цхьацца х1уманна т1ехь юхаозавора и: «Дада, собар дехьа, сихо дика яцар-кха х1уман т1ехь», олий. Бакьду, цхьацца нехан меттанаша, цуьнан шен цхьана а тайпана бехк а боцуш, цхьа болчу нахаца 1иттаделлачу гуллакхаша дезийтира Зеламхин шен оцу новкьа х1отта. Юха т1аьхььара а ойла елахь хьайна: массо а ша бечу т1амехь Зеламхин толам хилла хиларо а гойту хьуна и даима а бакьлуьйш хилар. Амма ша к1орггера тешаш, шен дегайовхо йолуш хиллачу адамийн тешнабехкана дуьхьал дарба ца хилла-кх цуьнан...

Саламбек Алиев**Муса Бакаров: сердце на месте***(О человеке и книге)*

Книга – это, как известно всем, такая вещь, сделанная из бумаги, в форме прямоугольника (или квадрата, ну уж точно четырехугольника – никогда не видел книг в форме эллипса или треугольника), со страницами текста (бывает с рисунками или с фотографиями), с обложкой – на обложке имя автора... Ну и, конечно, название самой книги (не видел книг без названия). Не открою Америку или Европу (книжную), если скажу, что книги бывают разные. Как и люди – ведь они их и пишут. Есть книги, где много слов, но нет не то чтобы свежей мысли, а мысли вообще, нет абсолютно никакого ряда – ни образного, ни эмоционального, ни информационного... Просто человек занимается бессмысленным и бесполезным плетением слов так, будто Аллах доверил ему ключи от сундука с надписью «Слово». Чувства, испытываемые в адрес такого автора, не однозначны – от ненависти до сострадания. И вернее всего разумному человеку все-таки придерживаться последнего, ибо это беспроектный вариант – вполне допустимо, что автор, хоть и глупый, но добрый.

Но есть книги, которые занимают и в жизни вообще (т.е. в истории), и в жизни читателя особое место. В чеченской литературе тоже есть такие книги. Правда, их немного, но они есть. В далеком 1990 году, когда «страну рвало – она, согнувшись пополам, искала помощи» и не за горами был тот день, когда танки будут допавать не только лотки и овощи, но и людей, в Чечено-Ингушском издательско-полиграфическом объединении «Книга» скромненьким тиражом (это сейчас 3000 экземпляров считается солидным выпуском), облаченная в тоненькую, мягкую обложку, которая от частого «ношения», то бишь перечитывания, превращалась в лохмотья, выходит одна из таких книг – «Обарг Зеламхех дагалецамаш» («Воспоминания об абреке Зелимхане»). Автор – Муса Бакаров.

Книга эта в читательских кругах нашей республики вызвала (и до сих пор вызывает) живой интерес. Во-первых, впервые в истории чеченского народа один из лучших его сыновей показан не со страниц литературно-художественного произведения и не в сказаниях народного эпоса, в коих вымысел порой преобладает над правдой: Зелимхан Харачоевский предстает перед читателем во всей той исторической достоверности, что донесла до Бакарова память людей, которых ему посчастливилось интервьюировать и которые знали народного героя лично. Во-вторых, оставаясь книгой-документом, «Воспоминания об абреке Зелимхане» демонстрируют безупречный чеченский язык, где гибкое сочетание простых слов вызывает абсолютно физическое восприятие повествования, тем самым превращая речь рассказчиков в факт высокой литературы. И, как мне кажется, впервые в нашей словесности стиль и язык книги Бакарова вырывается за «красные флажки» языка литературы социалистического реализма, сознательно наложенного или бессознательно заимствованного чеченскими писателями. И все это, в совокупности, есть тот редкий случай, когда автору удается в своей книге выходить за рамки собственных намерений.

В 1990 году у меня за плечами был зачитанный буквально до дыр роман Магомед Мамакаева «Зелимхан», с известным и ставшим в наши дни крылатой фразой первым предложением (неким аналогом французскому «шерше ля фам» – «ищите женщину»): «Дерриге а доладелира Харачуьра Хушаллин хаза йо1 Зезаг

бахъна долуш» («Все началось из-за дочери Хушаллы из Харочоя – красавицы Зезаг»). Были еще пара или об абреке из Харачоя, вычитанных в фольклорных сборниках. Временами попадались газетные статьи, в которых, собственно, ничего нового и не было, лишь изредка встречалось странное словосочетание – «благородный разбойник». Задавался вопросом: неужели это все, чем мы располагаем о Зелимхане? Неужели ничего больше (и более) подлинного не дано узнать о жизни и трагической судьбе этого человека? Неужели факты кончились, полностью предоставив поле деятельности воображению?..

Век старый уходил – до его кончины оставалось совсем немного. Век старый умирал – никто не догадывался, что закат одного века и рассвет нового будет обогрен кровью чеченского народа. Никто не догадывался, что век, длившийся для чеченского народа целую вечность, не собирается сбавлять свою кровавую поступь и в последней агонии изрыгнет столбы красного огня... Никто не догадывался. Шел 1990 год. В Чечено-Ингушском издательско-полиграфическом объединении «Книга» выходит книга «Обарг Зеламхех дагалецамаш» («Воспоминания об абреке Зелимхане»). Последняя чеченская книга XX века. Автор – Муса Бакаров.

Бакаров Муса родился в 1924 году в горном селении Махкеты Веденского района. Заканчивает семь классов Сельмен-Таузенской средней школы... До выселения работает почтальоном... В годы ссылки меняет множество профессий: был заведующим магазином, аппаратчиком на заводе города Алта Актюбинской области Казахской ССР, заготовителем... С 1957 по 1959 годы – председатель колхоза им. Орджоникидзе, затем – инспектор райфинотдела... По возвращении на родину с 1966 вплоть до 1989 года работает начальником районной станции защиты растений Веденского района... Имеет незаконченное высшее образование по специальности «агроном»... Награждается юбилейными медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг», почетными и похвальными грамотами... Избирается народным депутатом Махкетинского сельского совета... Многие годы является внештатным корреспондентом газеты «Колхозная жизнь»... Публикуется в республиканской печати...

...Вот так пишется книжно-газетно-журнальная биография, где за холодным и расчетливым порядком букв, слов и цифр теряется подлинная человеческая жизнь с ее частыми печалью и редкими радостями. А вместе с тем, Мусе не было и года, когда его отец, Усман, разошелся с его матерью Умидат. У малыша было несколько кормилиц, каждую из которых впоследствии взрослый Муса будет любить и уважать, как родную мать, а детей их считать братьями и сестрами.

После развода с матерью Мусы отец Усман женится еще несколько раз, и не всегда отношения пасынка с мачехами складываются удачно. С восьми лет он воспитывается дедом Бакаром, человеком поистине большого ума, чести и справедливости. Бакар был другом известного на всю Чечню ученого-богослова Суайпа Гайсумова и, будучи неординарной личностью, не смог спастись от жерновов сталинских репрессий: в начале тридцатых годов прошлого века его в должности председателя сельского совета села Сельментаузен арестовывают за то, что он не проводит на местах политику раскулачивания, повторный арест заканчивается трагически – в 1939 году Ильясов Бакар был расстрелян в Грозненской тюрьме (реабилитирован в 1990 году).

Юному Мусе на тот момент четырнадцать лет, но он уже смотрит на мир глазами взрослого человека. Уже в этом возрасте прекрасно разбирается в людях, оценивает человека не по богатству и привилегиям, а только по нравственным качествам, терпеть не может лжи, лицемерия, высокомерия и трусости. В детские и юношеские годы ему приходится вступать в частые драки со своими сверстниками, защищая слабых детей. Характер парня, закаленный в трудностях

и лишениях, проявляет себя с лучшей стороны: так как со словами «тяжелый физический труд» Муса знаком не понаслышке, с 13-14 лет ему приходится «выходить в люди», с огромной любовью изучает он историю своей родины, слушает и собирает предания и легенды о национальных героях. Главной «страстью» Мусы Бакарова становится сбор фактов из жизни Зелимхана Гушмазукаева из Харачоя. Хотя Муса и начал интересоваться и расспрашивать о Зелимхане еще в раннем возрасте, но официально «точкой отсчета» принято считать 1940-й год – год, когда Муса, несмотря на феноменальную память, начинает записывать свои беседы на бумагу. Одним из первых его рассказчиков был старейшина из села Махкеты – Шабаз, сын Суайпа. Шабаз был женат на матери Мусы Умидат Хаджимурадовой – в марте 1944 года они оба погибают от голода в казахстанской ссылке.

Книга длиною в жизнь... Вряд ли пятнадцатилетний Муса, когда он только-только начинал записывать свои беседы с людьми, знавшими Зелимхана и о Зелимхане, думал о том, что в будущем его труды выльются в отдельную книгу. А с годами, поставив перед собой твердую задачу сдать рукопись в типографию, Бакаров начинает сомневаться в реализации этого проекта – советская идеологическая система в только что возрожденной Чечено-Ингушской АССР предпочитает замалчивать о Зелимхане, а в некоторых случаях даже очернять. По этому поводу в 1965 году Бакаров пишет письма в разные правительственные инстанции. Первое письмо было направлено в Верховный Совет ЧИАССР, а через год на имя первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС тов. Титова и второго секретаря обкома тов. Чахкиева. Бакаров пишет: «В начале 1957 года Чечено-Ингушская республика восстановлена в таких же правах, как и все остальные автономные республики СССР. Каждая нация имеет право гордиться своими национальными героями, несмотря на давность их подвигов...». Бакаров обращает внимание партийных чиновников на лживый пасквиль, опубликованный в газете «Красное Знамя» за № 41 от 4 апреля 1965 года под заголовком «Конец жизни Зелимхана».

Бакарова возмущает и то, что после возвращения чеченцев на родину из краеведческого музея республики исчезли экспонаты, связанные с Зелимханом, которые там находились до февраля 1944 года. В частности, это был большой портрет абрека, где он изображался в полный рост, и его военные снаряжения. И даже после того, как некоторые экспонаты чеченского музея были возвращены из сопредельных республик обратно в Грозный, «коллекция Зелимхана» долго еще пылилась на складе – кто-то очень не хотел выставлять это на всеобщее обозрение.

Язык книги (и снова язык) – живой и яркий, звучит без всякой натуги – живописно, но, вместе с тем, без излишней живописности, предельно кратко, афористично. Ощущение такое, как будто читатель присутствует и слышит речь стариков-рассказчиков, так как в их словах нет ни одного или почти ни одного лишнего слова – отжимают жир, оставляя одни лишь мышцы. Такое впечатление, как будто именно перед тобой сидит Саид Тумхаджиев и, протирая старческие слепые глаза, рассказывает о том, как он входит в пещеру, где находится Зелимхан, окруженную со всех сторон бесчисленным количеством царских солдат, в числе которых есть предатели и доносчики чеченской национальности. Живой картиной встает перед глазами сцена диалога Зелимхана с Саидом, где нас, читателей, словно бы ставших очевидцами, поражает мужество и спокойствие человека, обреченность которого не вызывает сомнения – вход в ущелье (он же и выход) держат под прицелом ружей сотни и сотни солдат. Саида засылают в пещеру с ультиматумом от русского офицера:

– Говорят, что этот враг государства, бандит Зелимхан, который уже сидит в моем

«кармане», из всех харачоевцев больше всех доверяет тебе. Ты сейчас зайдешь в пещеру и расскажешь ему все, что ты здесь видишь: скажи, что пещера взята в тройное кольцо, скажи, что стоят две цистерны с керосином, чтобы его оттуда выкурить, также скажи, что на рассвете подоспеют еще войска. Как есть расскажи ему все, и пусть он сдастся живым, иначе я разорву его на мелкие кусочки.

Грустный и удрученный, Саид, проклиная того, кто донес на него как «на человека, которому Зелимхан доверяет больше, чем кому-либо из харачоевцев», направляется в

сторону пещеры. Зелимхан встречает его с распростертыми объятиями. Саид рассказывает все, что ему пришлось увидеть за пределами каменных и сырых стен. Зелимхан начинает расспрашивать Саида... Расспрашивает о том, как тот справляется с хозяйством, удалось ли приготовить на зиму сена, расспрашивает о здоровье жены и о многом другом, вплоть до того, что интересуется младшим сыном своего незваного гостя: «Вырос ли Аббаз?»

Саид, даже через пятьдесят лет после тех событий, в беседе с Мусой Бакаровым не перестает удивляться стойкости духа человека, за которым долгие годы петляла смерть и которая, кажется, сейчас настигла окончательно.

– Можно было подумать, что я пришел к нему в гости совсем при других обстоятельствах, – рассказывает Саид Тумхаджиев, – так, как обычно приходят в гости. Я был поражен его безмятежностью, его спокойствием, тем, что он нисколько не был потерян или растерян...

Говоря о языке книги «Воспоминания об абреке Зелимхане», о том, что это яркий, живой, колоритный, краткий и афористичный язык, в котором рассказчики вылущивают золотые слова-зерна, отбрасывая кочерыжки, в доказательство всему этому можно привести хотя бы переведенные мной последние слова из рассказа старика Саида. В чеченском тексте вместо этих «безмятежностей», «спокойствий», «нерастерянностей» и «непотерянностей» старец приводит одно емкое словосочетание – «дог меттахь». В буквальном переводе это звучит, как «сердце на месте». Да, действительно, только человек, у которого сердце на месте, мог расспрашивать про будничные и хозяйственные заботы своего несчастного собрата, пытаясь тем самым успокоить его, хотя над ним самим в эти часы кружила смерть. Только человек, у которого «сердце на месте», мог, провожая в эту ночь своего гостя, попросить того передать чеченцу Хаджи, находящемуся в русском стане, «запомнить этот день». Только человек, у которого «сердце на месте», мог на рассвете уйти из пещеры, из которой невозможно было практически выйти, оставив с носом такое огромное количество войск. А ровно через три года после той ночи, 26 сентября 1913 года, старый (не по количеству прожитых лет – ему только-только перевалил четвертый десяток, а по состоянию души), немощный и больной, похоронивший за столь долгие тринадцать лет абречества убитыми отца, двух братьев, самых верных своих друзей и товарищей, потерявший родной кров и лишенный всякой возможности мирной и спокойной жизни, с неизбежной

Муса Бакаров. Эссенцуки. 1974 год

тоской по своей семье – жене, двум сыновьям и двум дочерям, покинутый всеми и оставшийся в полном одиночестве, Зелимхан, сын Гушмазуки из Харачоя, читая самому себе отходную молитву – суру «Ясин», вступит в свой последний бой...

В книге Мусы Бакарова приведены уникальные факты из жизни абрека. Бакаров имеет беседы с Бехо из Ачхой-Мартана, с Дики из Малых Атагов, с Башировым Ахмадом из Аксая, с немцем Адольфом Миллером из Моздока, с дочерью Зелимхана – Медни, с аварцем Али... Старец Исал из селения Малые Атаги делится с Бакаровым доселе неизвестной историей о скандальной встрече Зелимхана с нефтяным магнатом Тапой Чермоевым. А случай, рассказанный самим Зелимханом Саиду Тумхаджиеву о своем «противостоянии» с другим Зелимханом – смелым и горячим джигитом из Гелдагана – фантастическая история отчаянной храбрости и человеческой мудрости.

Речи Зелимхана завораживают. В них столько философии, юмора, тонких и острых житейских наблюдений, что на ум приходят слова поэта в перефразированном виде: если не был бы он абреком, то, наверно, был...

«Доблесть, смелость, отвага – вещи приходящие-уходящие, мой друг. А хочешь знать, в чем заключается мой секрет храбрости – я никогда не вступаю в заведомо обреченную схватку».

«Сколько бы ты ни советовался с учеными и мудрецами, это тебе не поможет, если у самого нет ума».

«Угостивший тем, чем богат – щедрый; ударивший противника тем, что подвернется под руку – храбрый».

«Если знающие люди будут говорить на чистом чеченском языке, не может не наступить перемирия между враждующими сторонами».

«Знай же, что час твоей смерти не оттянуть ни на день вперед, ни на день назад – от предначертанного не уйти».

Книга длиною в жизнь – это не метафора. Муса Бакаров, действительно, писал ее всю жизнь. Сбор и компоновка материалов для будущей книги заключались не только в том, чтобы искать и находить людей, знавших Зелимхана лично, но и во многих случаях носили этический характер – собеседники Мусы были людьми преклонного возраста, что порой после многочасовой беседы, когда, казалось, все исчерпывающе сказано и рассказано, Муса обязательно вспоминал, что забыл спросить что-то, что для него было очень важным. И только своим природным обаянием и порядочностью ему удавалось зажигать каждый раз слабо тлеющие огарки старческой памяти.

В 1990 году книга наконец увидела свет. Если применить модное сейчас слово «бестселлер», то о «Воспоминаниях об абреке Зелимхане» вполне можно сказать как о книге-бестселлере, второй после «Долгих ночей» Абузара Айдамирова.

В скором времени на просторах некогда всесильной коммунистической державы заговорили о парадах суверенитетов. Затем развал СССР. Революционные настроения в Чеченской Республике. Первая военная кампания в Чечне.

Эта война стала для Мусы Бакарова той болью, которой так и не суждено было зажить в его душе. 25 октября 1995 года гражданский автомобиль, в котором находился Муса и его товарищ, в упор расстреливается с вертолета федеральных сил. Муса, нисколько не думая о себе, читает молитву над своим умирающим товарищем, и только подоспевшие к месту трагедии другие чеченцы обращают внимание, что сам он истекает кровью. Первый населенный пункт по дороге – это Шали. В мчащейся на полной скорости машине слышно, как Муса шепчет аяты из суры «Ясин». Он абсолютно спокоен и хладнокровен, и только на больничной каталке шалинской больницы успеваешь дочитать последние аяты «Ясина». И вслед за этим отходит – сердце на месте, просто оно перестает биться.

Гилани Индербаев

Жизнь, продолжающаяся в преданиях и легендах...

*К 100-летию со дня гибели Зелимхана Харачоевского,
известного на Северном Кавказе абрека*

Если бы вдруг я
Горе излил,
Если б на луг я
Слезу обронил,
Знаю, печаль моя землю сожгла бы,
И на равнине трава не росла бы.
(Чеченская народная песня об абреке)

В сентябре этого года исполняется 100 лет со дня гибели легендарного чеченского абрека Зелимхана, заступника и друга «униженных и оскорбленных» горцев. Зелимхан пал от рук наемных убийц, жадность и коварство которых черным пятном легли на их потомков.

Имя абрека из Чечни было широко известно не только на Северном Кавказе и в Закавказье. Легенды о нем ходили по всей России. Буржуазные газеты России почти ежедневно писали о нем. Имя знаменитого Зелимхана волновало умы и сердца обывателей. Еще бы! Газеты были наполнены подобного рода сообщениями: «Зелимхан на глазах у пораженной публики ограбил казначейство в Кизляре и скрылся»; «Похитил известного богача Месяцева...»; «Во Владикавказе забрал содержимое ювелирного магазина на центральной улице и ускакал в горы»; «...Переодевшись священником, приехал на бал к видному чиновнику Терской области и выведал все, что его интересовало...» и т.д. Статей с описанием, как ловили Зелимхана, было еще больше. Статьи эти давались под крупными и броскими заголовками: «Последние часы абрека», «Зелимхан в ловушке», «Конец разбойника» и т.д. Действительно, карательные отряды неотступно преследовали абрека, но он каждый раз дерзко ломал все их планы.

Вот описание одного из эпизодов, как ловили Зелимхана: «Карательный отряд окружил абрека, который засел на недоступной скале... Через несколько часов он будет схвачен... Но проходит день-другой... Каратели предпринимают штурм скалы. Зелимхан, закутавшись в бурку, прыгнул в бурный поток. Все кинулись его ловить. Поймали, но лишь... бурку. Ее владелец бесследно исчез!»

Не скупилась буржуазная пресса и на сообщения об убийстве Зелимхана. Они появлялись чуть ли не каждый месяц. И читатели в какой-то мере к ним привыкли. Когда же в последних числах сентября 1913 года в газетах появилось сообщение о гибели знаменитого абрека, читатели недоумевали: верить ему или нет? Зато буржуазная пресса не скупилась в эти дни на шумные заголовки и трескучие статьи о «подвигах» кавказских карателей.

Совершенно неожиданным в этой ликующей обстановке был другой голос, голос сожалеющий. Он раздался со страниц газеты «Отклики Кавказа». В номере от 8 октября 1913 года внимание читателя привлекает

печальный и лаконичный заголовок «Убит герой». Автор, имя которого мы узнаем несколько позже, писал:

«...Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: «Не хочу против народа». Он любил свободу, был храбр, благороден... Он шел к жене и детям, когда его убили... Те, кто ловил его, – черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен о них не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может, опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими горцами... И не хочется верить в смерть Зелимхана!» Статья эта была подписана: А. Макеев.

А. Макеев был журналистом-революционером. Он погиб в Гражданскую войну.

Мысль журналиста о том, что имя Зелимхана останется в памяти потомков, оказалась пророческой... Действительно, имя Зелимхана живет в сердце каждого настоящего чеченца, ценящего честь и достоинство. Каждая чеченская семья считает за честь наречь своего ребенка именем народного героя. О Зелимхане сложены илли, написаны стихи, поэмы и романы («Зелимхан» и «Абреческое племя» Дзахо Гатуева; роман «Зелихан» М. Мамакаева, поэма Ш. Арсанукаева «Зелимхан Харачоевский» и т.д.)

Были написаны о Зелимхане и киносценарии, осуществленные и неосуществленные. Немой фильм «Зелимхан» демонстрировался еще в 20-е годы прошедшего века. В 80-е годы о Зелимхане был написан новый киносценарий, который планировали осуществить на студии «Грузия-фильм»... Фильм, как помнит читатель старшего поколения, так и не появился, но зато появился роман Чабуа Амирэджиби «Дата Туташхиа», в действиях и поступках главного героя которого обнаруживаются эпизоды, напоминающие жизнь Зелимхана.

Сегодня большой интерес для читателя, на мой взгляд, представляет книга М. Бакарова «Обарг Зеламахех дагалецамаш» («Воспоминания об абреке Зелимхане», 1990). В этой книге собраны новые свидетельства тех, кто знал, встречался и помнил Зелимхана, знал членов его семьи. Интересными в этой книге представляются воспоминания старшей дочери абрека – Медины.

Как мы отмечали выше, имя Зелимхана было на устах многих народов Северного Кавказа. У Зелимхана были побратимы среди ингушского, осетинского, кабардинского и грузинского народов. Рассказов и легенд о подвигах Зелимхана у этих народов было не меньше, чем у чеченского... О легенде, которая бытует среди осетинского народа о Зелимхане, рассказывает книга Д. Гиреева «Заметки литературоведа» (Издательство «Ир», 1975). Легенда называется «Пленник абрека».

Абрек Зелимхан и всемирно известный певец Шаляпин... Очень странным покажется читателю соседство этих двух имен. Здесь, как говорится, «дистанция огромного размера»... Невольно возникнут вопросы: что общего может быть у этих людей? Как могли пересечься их жизненные пути?

В жизни все возможно... Пути великих людей не могут не пересечься! Вот, пожалуйста, послушайте...

...У Зелимхана с подполковником Вербицким стали складываться особые отношения с того самого дня, как последний получил под свое командование карательный отряд. Боевая задача отряда была сформулирована предельно кратко: живым или мертвым взять абрека Зелимхана.

Вербицкий, при каждом удобном случае, живописал друзьям, как он изловит «каналью Зелимхана» и в клетке доставит во Владикавказ.

Эта болтовня мало трогала Зелимхана, а вот листовка, которую издал подполковник, заставила насторожиться. В ней обещали 10 тысяч рублей и участок земли тому, кто доставит голову абрека. Далее, вопреки логике, в листовке говорилось, что Зелимхан – «мелкий разбойник и трус», «который боится встречи с ним, подполковником Вербицким», и его «доблестными воинами».

Такое забыть, а тем более простить было невозможно. В грудь Зелимхана будто уголь горящий вложили. Он обжигал душу и не давал покоя ни днем, ни ночью. К тому же еще такое событие: Зелимхану доставили письмо от Вербицкого: «Если ты мужчина и носишь штаны, а не женские шаровары, – писал подполковник, – то примешь мой вызов на личный поединок. Приезжай, как и я приеду, один к месту боя. Честно сразимся...»

Зелимхан избрал для поединка поляну возле аула Ведено, приехал туда в назначенное время, но его встретила рота солдат. Только ловкость и сила, смекалка и отличное знание местности помогли Зелимхану спастись.

– О Великий Аллах! – воскликнул Зелимхан вечером того же дня, воздев руки к небу. – Разве такие собаки могут ходить по земле?!

Судьба Вербицкого была предрешена. С этого дня враги ходили между жизнью и смертью. Об этом можно рассказать очень много, но вот что произошло однажды.

Из Владикавказа прискакал к Зелимхану надежный человек и сказал:

– Через два дня Вербицкий выезжает в Тифлис.

Зелимхан даже привстал от возбуждения.

– Вот как... Это твердо? От кого узнал?

– Вчера наш Али видел, как адъютант для него брал билет на машину, которая сама по дороге бегаёт.

Встреча с заклятым врагом в горах обещала полный успех. Зелимхан сделал нужные распоряжения, отобрал десяток верных людей и в тот же вечер уехал горными тропинками в ущелье, по которому с ревом несется Терек и вьется Военно-Грузинская дорога...

Разгонная станция во Владикавказе всегда была одним из самых оживленных мест города. Отсюда в Тифлис уходили экипажи с пассажирами и казенной почтой, сюда прибывали путешественники из Грузии, чтобы по железной дороге ехать дальше во все концы России, здесь всегда можно было узнать новости.

С весны того года, когда происходили события этого рассказа, пассажирское движение между Тифлисом и Владикавказом оживилось – было введено регулярное движение автомобилей. Новинка сразу пришлась по вкусу путешественникам. Правда, восьмиместные машины «Бенц» безжалостно трясли, издавали необычайное зловоние и дымили, но все-таки их преимущество перед экипажами было явным.

Вот и в то сентябрьское утро люди на разгонной станции появились, едва первые лучи солнца легли багрянцем на снеговые вершины, а дворники, погасив уличные фонари, неторопливо принялись мести тротуары. Сначала в Тифлис проводили тяжелую почту и пассажирский экипаж, а уж потом начали готовить в рейс автомобиль.

Раньше всех у машины засуетились две девицы в пестрых платьях с пелеринами. Им помогал какой-то иностранец в клетчатом пиджаке и соломенной шляпе. Он все время повторял:

– Господин шофер, я очень прошу сохранять нам кафер. Это вещи циркус. Они имеют большие цены...

Молодой грузин, агент винной фирмы, тут же раскрыв объемный

чемодан, охотно демонстрировал образцы своего предприятия. Грузный священник и его дородная супруга хлопотали вокруг огромных дорожных узлов. На извозчике приехала молодая дама, изящно одетая, с маленьким белым щенком пуделем.

Наконец, сундуки, узлы, коробки, чемоданы были уложены, над открытой машиной развернули брезентовый тент, пассажиры расселись по местам и только тут обратили внимание, что одно место свободно.

Попадья стала роптать:

– Господи, ну что за люди, жди их теперь...

И пестрые девицы вставили пару фраз:

– Как не стыдно! Заставляют общество тратить время!

Даже молчаливая дама со щенком решительно высказалась:

– Нужно ехать!

Тогда священник достал золотые часы и пробасил:

– Не волнуйтесь, господа, до семи часов еще две минуты...

Как раз в это время послышался цокот подков, и, резко осадив лошадь, извозчик остановился у самой машины. Из экипажа легко вышел мужчина в дорожном плаще и шляпе-котелке соломенного цвета. В одной руке он держал тяжелую вишневую палку с серебряным набалдашником, в другой – серые перчатки. На вид ему было около сорока, лицо бритое, глаза голубые, волосы русые. Высокий, представительный, он держался естественно и просто, но с достоинством.

Бросив общий поклон, мужчина занял свое место в машине, а шофер уложил его чемодан в багажник. Девицы зашептали:

– Я говорю тебе – это он...

– Нет, не он. Его я видела много раз. Он красавец, а этот...

– Не спорь, Аннет. Не спорь. Конечно, это он...

Но в это время мотор заревел, словно разъяренный буйвол, машина, словно в конвульсиях, несколько раз дернулась и двинулась, подпрыгивая, по булыжной мостовой. Провожающие махали платками и шляпами, что-то кричали, кто-то бежал рядом.

Путешествие началось. Сначала все шло отлично. День обещал быть солнечным и теплым, машина катилась настолько быстро, что пыль, клубы дыма и едкий запах оставались позади. Шоссе оказалось хорошо укатанным, и трясло не слишком сильно. Сразу за Владикавказом дорога вошла в ущелье, на дне которого бушевал белопенный Терек, а высоко в небе серебрились снежные вершины.

Проехали одну, затем вторую почтовую станцию, ущелье сдвинулось, стало узким, дорога поползла круто вверх. С одной стороны – далеко внизу – шумел поток, с другой – стена скал упиралась в самое небо. Мотор надрывался, машина едва двигалась. Пассажиры сидели перепуганные, словно ожидали чего-то, что неизбежно должно произойти. И предчувствие их не обмануло...

Всадники Зелимхана перехватили машину в Дарьяле, там, где Терек принимает в свои объятия небольшую речушку, вытекавшую из бокового ущелья. Прозвучало несколько выстрелов, и у каменного завала на дороге шофер остановился.

Пассажиры обомлели. Абреки окружили машину, держа винтовки наизготовку.

– Выходи! – крикнул один из них.

Первым на дорогу вывалился полный священник. Дрожащей рукой он достал золотые часы, кошелек, какие-то бумаги и молча протянул все это ближайшему всаднику. Тот усмехнулся, плетью отвел его руку и громко сказал:

– Ваше золото и деньги нам не нужны. Спрячьте. Нам нужно другое...

Услышав это, дама со щенком ахнула и повалилась в обморок. Щенок упал на дорогу, завизжал и кинулся, куда глаза глядят. Две пестрые девицы подошли и наперебой завершали:

– Господин Зелимхан, это же неблагородно – обижать женщин! Вы не имеете права... Мы будем жаловаться... Мы...

Всадник поднял плеть. Девицы умолкли.

– Я не Зелимхан. Меня зовут Аюб Тамаев. Женщин мы не обижаем, а права у нас всякие есть. Жаловаться можно хоть самому царю...

И он засмеялся, отчего в его черной бороде заблестели белые зубы. Тем временем все пассажиры вышли из машины. Аюб Тамаев, а он, видимо, был старший, направил плеть на священника и его супругу:

– Оставайтесь здесь. Ждите. Остальные – за мной.

И, не обращая внимания на то, что пленники разногласно пытались что-то доказать, поехал в боковое ущелье. Шагов через сто, на повороте, пассажиры увидели догорающий костер, а вокруг него – сидящих на бурках горцев. Один из них поднялся. Это был мужчина выше среднего роста, худощавый, в каракулевой шапке, в темно-серой черкеске и с кинжалом на поясе. Его продолговатое, оливкового цвета лицо с большими черными глазами и черной, как смоль, бородой было сурово-аскетичным. Он окинул беглым взглядом пленников, потом поднял глаза и, глядя куда-то вдаль на вершины гор, заговорил. Голос его звучал резко:

– Подполковник Вербицкий, я Зелимхан. Мы могли вас всех перестрелять в машине, но не сделали этого. Вы хотели в честном бою драться со мной. Вот вам кинжал. Не прячьтесь за женщинами. Выходите – защищайтесь.

Первым пришел в себя грузин.

– Клянусь великим Аллахом, я не Вербицкий. Я Вано Чохели из Самтреди...

Но Зелимхан, не взглянув на него, махнул рукой. Тогда вперед вышел иностранец в клетчатом пиджаке и соломенной шляпе.

– Господин Зелимхан, перед вами Лео Буш из Берлина. Моя работа – циркус. Я мировой фокусник. Вот мои ассистенты, – и он кивнул в сторону девиц. Затем в его руке откуда-то появилось яйцо. Он подбросил его, накрыл платком, и оно стало превращаться в цветные ленты, которые фокусник, казалось, тянул прямо из ладони.

Это произошло так неожиданно и выглядело так комично, что многие заулыбались. Лицо Зелимхана по-прежнему оставалось сурово-спокойным. И вот опять, словно откуда-то сверху, сползло оцепенение. Оно накрыло всех. Потом, придя в себя, пленники повернулись в сторону мужчины, на котором был дорожный плащ и шляпа-котелок. Он стоял немного в стороне, положив обе руки на гребень своей вишневой палки. На его широком светлом лице было выражение удивления и любопытства, а на губах – чуть приметная улыбка. Наконец он повел глазами, которые казались частицей светло-голубого неба, протянувшегося узкой полоской над ущельем, сделал паузу и развел руками.

– Мне тоже приходится разочаровать знаменитого Зелимхана. К подполковнику, которого он хочет видеть, я не имею никакого отношения.

Умный и наблюдательный Зелимхан еще в те самые минуты, когда Аюб Тамаев привел пленников, с первого взгляда усомнился в том, что среди них может быть Вербицкий. Правда, в лицо подполковника он не знал, но сразу почувствовал, что перед ним – люди сугубо гражданские. Однако делать было нечего, и все пошло своим чередом.

– Кто же ты такой? – Зелимхан испытующе взглянул на незнакомца.

– Имя мое вам ничего не скажет. Я Федор Шаляпин, – помолчал и добавил: – Певец и артист театра. К сожалению, паспорта при мне нет. Он остался в машине...

Девушки оживились. Одна из них восхищенно зашептала подруге:

– Вот видишь, я же говорила тебе!.. Ах, какая встреча! Подумать только – Зелимхан и Шаляпин!..

А Зелимхан сделал шаг вперед и все так же спокойно, подбирая каждое слово, сказал:

– Когда я увидел, как ты кладешь руки на палку, то понял, что ты не подполковник. Офицер с палкой не ходит... А вот о Шаляпине я слышал, когда сидел в тюрьме, в Грозном. Со мной в камере был один хороший русский человек. Он рассказывал о Степане Разине, о Горьком и о Шаляпине. Пел песни о Волге. У нас в народе тоже песни любят, а певцов уважают и берегут...

Подумал, провел ладонью по бороде и вновь, словно опуская на плечи собеседнику что-то очень тяжелое, уставился в глаза Шаляпину.

Потом твердо сказал:

– Певцу паспорт не нужен. С ним его песня. Она от Бога, а паспорт придумали люди... Подойди сюда. Если ты певец, мы тебя не обидим. Садись – пой...

Зелимхан набросил на большой камень бурку и сделал знак рукой, приглашая Шаляпина. В это время кто-то из абреков подошел к Зелимхану и протянул ему того самого щенка, которого везла дама. Зелимхан взял его за загривок, заглянул в пасть и, впервые улыбнувшись, бережно положил в полу черкески. Затем подобрал ноги и сел на бурку возле затухающего костра.

Шаляпин тоже присел, поставил палку между колен и положил обе руки на серебряный гребень. Поглядел вокруг, послушал, как высоко в небе клокочут орлы, а рядом мягко шуршит по камням ручей, затем вполголоса запел:

– Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я усыплю тебя...

Оживился, и голос его стал звучать шире:

– Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою,
А за это за все
Ты отдай мне жену...

Дальше песня зазвучала драматично. В голосе певца появились те неизъяснимо тоскующие ноты, в которых очень точно и сильно была выражена трагедия обманутого чувства. Певец сделал паузу, а потом лишь передал ответ мужа-бедняка. В нем чувство человеческого достоинства поднялось, точно на крыльях орла, высоко над землей и утвердилось как нечто вечное и непобедимое. Именно так понимал он смысл всей песни о Хас-Булате, и ответ бедняка исполнил с огромным напряжением:

– Береги, князь, казну
И владей ею сам,
А неверную жену
Тебе даром отдам.
Ты сходи, посмотри
На невесту свою –
Она в спальне своей
Спит с кинжалом в груди.

И вдруг, будто чья-то сильная рука все оборвала. Голос затих, замер горный поток, умолкли орлы в вышине, а люди затаили дыхание. Несколько секунд все слушали тишину. И вот откуда-то из глубины души певца зазвучала тоскующая мелодия финала:

– Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах.
Поцелуй мой застыл
У нее на устах.

Может быть, впервые у Шаляпина была такая аудитория. Здесь, в глухом ущелье Кавказа, случай свел совсем разных людей, но эти неповторимые минуты вдруг стерли все, что разделяло их. Великое искусство великого певца уравнило всех: девушек из цирка, фокусника из Берлина, коммерсанта из Тифлиса и простых горцев, силой социального зла превращенных в абреков. Каждый забыл, где он и что его ожидает. Все житейское, обыденное куда-то ушло, растаяло, приняло бесформенные очертания. И остался только певец с его огромным миром человеческих страданий и страстей.

Но вот последний звук песни, обгоняя робкий говор ручья, покатился по ущелью, эхом отозвался на ближней вершине и замер где-то за крутыми скалами... Все молчали. Зелимхан встал и, придерживая щенка в подоле черкески, сделал два-три шага в сторону. Некоторое время смотрел на дальний ледник, где искрилось полуденное солнце. Затем обернулся к Шаляпину, улыбнулся, отчего его суровое лицо приняло наивно-детское выражение, и негромко сказал:

– В тюрьме русский не обманул меня. Ты хорошо поешь. О Хас-Булате у нас тоже песня есть... Сегодня мы ошиблись – хотели черного ворона поймать, а схватили соловья. Так и крылья можно поломать. А тебе надо свободно летать, песни петь людям хорошие – о счастье. Его у них нет. Вот и я дорогого гостя не могу принять, как положено. Прощай, а нас прости...

Обескураженные путешественники пробормотали в ответ что-то невнятное, похожее на благодарность, и заторопились к машине. Они все еще не могли прийти в себя и понять, кому обязаны своим спасением...

– Послушай, друг, подожди.

Шаляпин остановился. Припадая на правую ногу, Зелимхан подошел к нему.левой рукой он все еще прижимал к груди белого щенка.

– Ты, Федор, пел, а я вспомнил свою жену, детей. У меня даже глаза резать стало. Нехорошо, если с мужчиной бывает такое. Поедешь к своим, не говори, что видел, как Зелимхан от песни чуть не заплакал. Плохие люди не поймут, подумают – Зелимхан тряпкой стал. Прошу – не рассказывай об этом.

И он, пожимая руку певцу, еще раз заглянул в его голубоватые, как ледник, но теплые глаза. В них было волнение и добро души.

– Нет, никогда никому не скажу. Я тебя понимаю... – порывисто ответил Шаляпин.

Впервые в жизни он получил такую награду за свое великое искусство.

P.S. Детей у Зелимхана Гушмазукаева (Харачоевского) было четверо: Медни, Эниста, Магомед и Умар-Али (имена расположены здесь по возрастному признаку).

В дни, когда в России совершалась Октябрьская революция, сын Зелимхана, Магомед, учился в грозненском реальном училище. Это стало возможным благодаря материальной помощи азербайджанского нефтепромышленника Мирзоева, который сочувствовал борьбе Зелимхана против царизма и местных угнетателей чеченского народа. После установления советской власти в Чечне Магомед становится начальником опергруппы Веденского района, ведет борьбу с теми, кто мешает установлению новой власти.

Магомед, по воспоминаниям близких и людей старшего поколения, был очень стройным молодым человеком. Его внешняя привлекательность в полной мере гармонировала с его умом, мужеством. Магомеду не было еще и пятнадцати лет, когда он, терпеливо выследив, убивает своего кровника – одного из убийц отца (последний был по какой-то причине задержан войсками Узун-хаджи и содержался в тюрьме крепости Ведено).

Старшая сестра Магомеда, Медни, уже в наши дни вспоминала: «Когда Магомед сообщил нам, что ему удалось исполнить кровную месть, мы в тот же день, по велению матери, «сняли» с себя траур, через несколько дней установили на могиле отца чурт».

Магомед трагически погиб в 1922 году в селе Махкеты от выстрела неизвестного. В тот день Магомед сопровождал отряд по продразверстке, который прибыл из Грозного. Оставив прибывших в центре Махкеты, Магомед по какому-то срочному делу отлучился в Тевзани (эти два села разделены рекой Басс). Услышав со стороны Махкеты выстрелы, Магомед спешно поскакал туда и попал под пулю случайного выстрела.

Оказывается, пока Магомед отсутствовал, между начальником продразверстки и местными жителями произошел небольшой инцидент. Напуганные произошедшим солдаты продотряда начали стрелять вверх. Вот эта стрельба косвенно и послужила гибели Магомеда.

Махкетинцы, узнав, что погибший является сыном Зелимхана, были глубоко потрясены, невольно считали себя виновными в случившемся. Родственник Магомеда по материнской линии, склонившись над его телом, произнес: «Нам, слава Аллаху, все время удавалось уберечь твоего отца от возможного коварства и подлости односельчан, но тебя уберечь мы не смогли, твоя смерть легла на нас настоящим позором...». Среди соболезнующих родственникам Магомеда были и такие известные в Чечне религиозные авторитеты, как Юсуп-хаджи и Абубакар.

Дети и близкие родственники Зелимхана Харачоевского не были депортированы в феврале 1944 года. Проживали в с. Ведено.

Младший сын Зелимхана, Умар-Али, во время выселения чеченцев учился в Ростове-на-Дону. После депортации чеченцев он был срочно вызван из Ростова и назначен начальником районного отдела МГБ (Министерства государственной безопасности СССР).

Отделу, возглавляемому Умар-Али, предстояло вести борьбу против тех чеченцев, которые остались на территории ликвидированной республики. Их в горах и лесах Чечни оказалось очень много. Большинство из этих людей были жителями Итум-Калинского, Галанчожевского и Шатоевского

районов. В дни выселения они оказались в местах, недоступных войскам НКВД, и их могла постичь участь жителей печально известного Хайбаха. Состав людей, скрывающихся в горах и лесах ликвидированной республики, был сложным, неоднозначным. Среди них были и люди, которые совершили ряд серьезных преступлений: угоняли колхозный скот, дезертировали, вредили народному хозяйству.

Но для Умар-Али все они были чеченцами, и судьбу каждого из них по долгу службы предстояло решать именно ему. «Как спасти безвинных? Как убедить преступников предстать перед законом, чтобы впоследствии обрести необходимую для человека свободу?» Эти и другие вопросы постоянно занимают Умар-Али.

Прежде всего, Умар-Али исследует вместе с работником НКВД Галанчожевский, Итум-Калинский, Шатоевский, Ножай-Юртовский и Веденский районы, выявляет число избежавших депортации, устанавливает с ними связь. Встречаясь с представителями разных групп чеченцев, он убеждает их в бесперспективности их борьбы, предлагает добровольно сдаться в руки властей и тем самым обрести необходимую свободу. Он гарантировал свободу тем, кто добровольно сдавался в руки властей, и свои обещания он твердо исполнял. Благодаря такой работе Умар-Али, сотни людей были спасены от неминуемой гибели, оправданы перед законом и соединены со своими семьями и родственниками, находившимися в Казахстане и Киргизии.

Методы, которыми Умар-Али в то время руководствовался в своей деятельности, были крайне опасными: ему приходилось лавировать между «преступниками» и властью. Малейшая ошибка с его стороны могла стоить ему жизни... Но Умар-Али старался об этом не думать – для него главным было спасти хотя бы одну жизнь чеченца.

...Аббасов (фамилия здесь вымышленная), с которым состоялась последняя встреча Умар-Али, был из лагеря «непримиримых», за ним тянулась целая цепь преступлений, совершенных им в разное время. С Аббасовым Умар-Али уже встречался несколько раз, и дело, казалось, шло к тому, что Аббасов и его «друзья» отдадут себя в руки властей. В то же время последний продолжал сомневаться в том, что люди, которые, поверив обещаниям Умар-Али, сдаются властям, действительно оказываются на свободе. При каждой новой встрече Аббасов находил причины, чтобы прямо не ответить на вопрос: готовы ли его люди сдаться в руки властей?

В тот осенний вечер 1947 года Аббасов явился в дом, где жил Умар-Али, без приглашения и предупреждения. Умар-Али был удивлен его неожиданным появлением, но тем не менее встретил его как гостя, соблюдая все национальные обычаи. Пока племянник Умар-Али готовил ужин, гость и хозяин уселись за стол один против другого и начали вести разговор. Разговор сначала протекал спокойно, потом оба, вскочив, начали говорить на высоких тонах. Неожиданно для Умар-Али Аббасов наставил на него наган и стал упрекать в измене национальным традициям. Оказывается, чуткий слух Аббасова, натренированный долгими годами опасной жизни, уловил шорохи, которые шли с улицы. Аббасов подумал, что Умар-Али предал его.

Умар-Али не понимал поведения гостя и на продолжении всей этой бурной сцены сохранял спокойствие, не делал никаких движений, способных спровоцировать гостя на крайние меры. Умар-Али не успел понять, как Аббасов, только что потрясавший перед ним наганом, упал сраженный очередью выстрелов, произведенных кем-то через окно. Все

это произошло так быстро и неожиданно, что Умар-Али не сразу понял, что он сам тоже смертельно ранен.

Умар-Али, встречаясь с людьми «с той стороны», строго запрещал своим родственникам присутствовать во время переговоров, охраняя его безопасность. И в этот злополучный вечер он не предполагал, что кто-то может следить за его переговорами. Племянник, увидев, что «гость» дяди способен на все, всадил в него всю обойму пистолета. Теряя сознание, Умар-Али успел упрекнуть племянника за то, что тот нарушил добрые чеченские обычаи: убил человека в собственном доме.

Видимо, судьба Аббасова в этот вечер уже была предрешена. Дело в том, что, когда последний входил в дом Умар-Али, он был замечен соседом-аварцем, который не замедлил сообщить об этом в соответствующие органы. К моменту гибели Аббасова вся улица уже была окружена «энкавэдэшниками». Уйти живым ему вряд ли удалось бы.

Раненого Умар-Али самолетом доставили в больницу Махачкалы. Врачи почти сутки боролись за его жизнь, но спасти его не удалось. Оказывается, одна из пуль, выпущенных в Аббасова, попала в единственную почку Умар-Али (незадолго до своей гибели он перенес операцию по удалению больной почки).

Так трагически нелепо оборвалась жизнь еще одного сына Зелимхана Харачоевского. Сыновья абрека во всем были достойны своего легендарного отца: мужеством, благородностью, честностью. Они, как и их отец, на века вписали свои имена в списки достойных сыновей чеченского народа.

После гибели Умар-Али близкие и родственники Зелимхана выехали в Казахстан. Завершая разговор о сыновьях Зелимхана, хотелось бы привести слова русского декабриста Федора Глинки. Размышляя о судьбах тех, кто участвовал в декабристском движении, он писал: «Опиши героев минувших дней, и тогда история твоя родит героев времен будущих...»

Зелимхан Харачоевский и его сыновья своими деяниями достойны того, чтобы их сохранять в памяти, чтобы на примерах их жизни воспитывать подрастающее поколение, «героев времен будущих».

В отличие от своих младших братьев, которым судьба так мало отпустила жизни, Медни и Эниста дожили до глубокой старости: они умерли в начале 90-х годов XX века. Медни и Эниста были очень привязаны друг к другу, не могли прожить и дня, чтобы не пообщаться, не увидеться. Много трагического пережившие за свою жизнь, они не потеряли интереса к окружающим их людям, были всегда добры и приветливы. Они вели по-настоящему праведную жизнь. Всякий, кто с ними общался, делался как бы лучше, расставался с мелочным и суетным в жизни. Их уважали не только в родном Ведено. Чтобы увидеть и услышать дочерей знаменитого Зелимхана, люди приходили из разных сел и районов республики. Родившиеся в разное время, Медни и Эниста умерли в один и тот же год. Эниста пережила Медни всего на одну неделю.

В настоящее время в Ведено и республике проживают внуки, правнуки и праправнуки Зелимхана Харачоевского. В народе все они пользуются большим уважением и почитанием. Один из правнуков Зелимхана Харачоевского, Лема Гудаев, живет в Грозном и работает начальником Департамента СМИ.

Айнды Якубов

Национальные истоки формирования математической науки в Чеченской Республике

к 100-летию первого чеченского ученого-математика Мусы Шамсадова

Формирование и развитие математической науки, как и образования в целом, в Чеченской Республике являются недостаточно изученными.

Образование в Чечне в виде системы начало формироваться в начале двадцатых годов XX века. До этого существовали отдельные частные школы.

В 1921 году в Чеченском округе Горской АССР было открыто 85 школ I ступени и несколько школ II ступени, в которых обучалось свыше 2000 учащихся. Обучение проводилось на чеченском языке. Это обстоятельство требует особого внимания. В начале 30-х годов даже произведения классиков русской литературы – Пушкина, Лермонтова, Крылова, Толстого, Чехова и др. – включались в школьные учебники в переводе на чеченский язык.

Преподавание математики в национальной школе в тот период также велось на чеченском языке.

Письменность была традиционная, на основе арабского алфавита. Чеченская письменность на арабской графической основе просуществовала до 1927 года, когда полностью был завершен перевод на латиницу.

Говорить о серьезных результатах математического образования вайнахов в те годы вряд ли уместно. Это был период становления системы образования. С ее шараханьями, со сменой алфавитов, содержания школьных программ по математике и т.д., особенно в условиях острейшего кадрового дефицита преподавателей математики. Республику не миновали примеры, подобные общеизвестным анекдотичным случаям – о сумме дробей $1/2$ и $1/3$ «равной» $2/5$.

Перевод алфавита в конце 30-х годов XX века с латиницы на кириллицу также не содействовал становлению системы в преподавании математики в школе, подготовке вузами квалифицированных кадров для школ. Пока нет данных о наличии не только ученых-математиков, представителей коренной национальности, но и лиц с высшим образованием по этой специальности того периода. Зато мы располагаем сведениями о том, что появился первый студент, поступивший на механико-математический факультет ведущего вуза страны – МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Математика» – это Шамсадов Муса Магомедович.

Далее в статье мы будем пользоваться сведениями из материалов личного дела, полученного из архива МГУ при активном участии преподавателя этого вуза, нашего земляка, доктора экономических наук, профессора Расула Магомедовича Мусаева.

Из архивного дела студента (личного листка) М.М. Шамсадова в МГУ следует, что он обучался «в чеченском педтехникуме в 1926-1929 гг. и окончил его досрочно». Имеет профессию учителя. Избирательных прав не лишен, родился в сел. Старые Атаги Урус-Мартановского района, отец был лесником, объездчиком, до революции состоял в сословии крестьянином. «В 1919-1920 померли отец и мать и в 1921 брат». Из другого документа: «На основании постановления школьного совета педтехникума от 1.06.1929 года гр. Шамсадову присваивается квалификация учителя чеченской аульной школы I ступени.

Муса Шамсадов

Зав.педагогическим техникумом Мехтиев

Председатель Чечовнарпроса А. Авторханов»

Особый интерес представляет последняя фамилия. Абдурахман Геназович Авторханов – известный в мире историк, советолог, писатель. Свидетельство подписано 01.06.1929 г. В этот период Авторханов является председателем Чечовнарпроса. В своих «Мемуарах» сам он пишет: «...я родился Бог весть когда, что-то между 1908 и 1910 годами». Если допустить, что он родился даже в 1908 году, ему лишь 21 год. И он уже председатель Чечоблсовпро-са. Впоследствии он станет «бельмом» в глазу различного рода аппаратчиков и чиновников СССР – его книги станут бестселлерами и будут издаваться в СССР специально для высшего руководства страны и самиздатом – для определенной части интересующихся. Каких только ярлыков не найдут для него чекисты, его термины типа «партократия» и другие войдут в активную лексику советологов.

Но и Шамсадову немного лет. Когда он заканчивал педтехникум, ему было всего шестнадцать. Именно на таких, по сути, юношах, зарождалась система образования в Чечне.

Конечно, выдвинувшиеся в тот период личности были выдающимися, что впоследствии они и подтвердили всей своей деятельной жизнью. Весьма характерно в этом смысле содержание следующего документа из личного дела М.М. Шамсадова:

«Справка

Дана настоящая т. Шамсадову Мусе в том, что он прослужил преподавателем в Чечпедтехникуме с 1.06.1930 по 1.06. 31 г.».

Чего стоит термин «прослужил», а не «работал» учителем – именно служил!

В другом документе от 1933 года дается подтверждение в том, что он «действительно, до подыскания кандидатуры на должность зав.учебной частью института и рабфака был назначен в 1932 году».

«Производственное совещание Чечпедтехникума рекомендует Шамсадова М. бывшего студента техникума, в настоящее время преподавателя, как очень способного в физико-математических дисциплинах студента, с редкой настойчивостью и упорством, самостоятельно проработавшего предметы, необходимые для поступления в вуз.

Горячее желание продолжать изучение физико-математических дисциплин и ярко выраженные способности т. Шамсадова в этом направлении давно обратили на себя внимание всей общественности Чечпедтехникума, поэтому производственное совещание ходатайствует перед приемочной комиссией о зачислении тов. Шамсадова студентом физмата как отработавшего свою педпрактику и как будущего культработника Чеч.автобласти, столь нуждающейся в национальных кадрах».

29 июня 1933 года датировано встречное письмо из МГУ о том, что ему необходимо явиться на вступительные испытания, иметь с собой «...справку о снятии со снабжения и средства, достаточные для проживания в Москве сроком на 1 месяц, на обратный проезд по железной дороге, также необходимые вещи (постель, белье и т.п.). Питанием (за плату) и общежитием на время испытаний вы будете обеспечены.

Увольнение с предприятия и снятие со снабжения вам необходимо провести условно и предупредить администрацию и нарпитовские организации о возможности Вашего возвращения на прежнее место работы. Приемная комиссия предупреждает, что общежитием для постоянного проживания университет обладает в ограниченном количестве и обеспечивать им будет только остро нуждающихся. Семья студента ни в коем случае общежитием не обеспечивается». Тогда, в 1936 году, МГУ носило имя революционера М.Н. Покровского.

«Копия диплома 052923 II- степени

Предъявитель сего тов. Шамсадов Муса Магомедович в 193... (год не указан

– А.Я.) поступил и в 1938 году окончил механико-математический факультет Московского ордена Ленина государственного университета по специальности «Математика».

Государственной экзаменационной комиссией от 1.07.1938 года присвоена квалификация научного работника в области математики, преподавателя вуза, вуза и звание учителя

Председатель гос. экзаменац. комиссии Привалов

Директор

Секретарь

Город Москва

Регистрационный номер №92

14.X.40 г.»

В личном деле Мусы есть отличные оценки по ряду дисциплин высшей математики. В ведущем вузе страны получать такие оценки престижно. Необходимо учитывать и то, что изучение математики и подготовку к поступлению в МГУ он проводил самостоятельно.

Он не порывает связи с Родиной и в период учебы в МГУ. О чем свидетельствует письмо Чеченского облОНО:

«В дирекцию I-го МГУ

Тов. Шамсадов был задержан нами в связи с выпуском курсов по переподготовке учителей для проведения проверочного испытания по математике. 22.03.1934. Зав.ЧечоблОНО»

Видимо, для лиц, оканчивающих учебные заведения в том году, проводились испытания. А Шамсадов М.М., как человек, способный обеспечить качественную проверку, был задействован.

«Характеристика на Шамсадова М.М.

Шамсадов М.М., беспартийный, поступил на механико-математический факультет МГУ в 1933 году. Учится хорошо и отлично. Работал в бюро МОПР и занимался с отстающими студентами. Политически развит, взысканий не имеет. До МГУ окончил педтехникум, четыре года работал учителем.

Директор МГУ, проф. Бутягин

Декан механико-математического факультета, проф. Тумаркин».

В феврале 1936 года он обращается в хозчасть мехмата МГУ с просьбой об оказании материальной помощи в связи с болезнью, так как провел лето без отдыха. И получает отказ «в связи недостатком средств». Тогда он просит выдать стипендию за вторую половину месяца, – и здесь резолюция гласит: «Выдать». Как видно, студент испытывал серьезные материальные трудности.

За период с 1944 года и до начала 50-х сведений о Мусе Магомедовиче пока нет.

Он запрашивает диплом в МГУ, который в апреле 1951 года архив МГУ высылает в Алма-Ату – диплом за № 052924. У него, к сожалению, нет таких достижений, какие были у посмертно ставшего известным А.М. Цебиева. Но он является первым, кто поступил в МГУ и закончил его в 1938 году, получив диплом второй степени. В те годы выдавались дипломы трех степеней. Сейчас двух – обычные и «с отличием». То есть его диплом может быть приравнен к диплому «с отличием». Это также следует и из материалов личного дела.

Первым математиком из вайнахов, наверное, и следует признать его – Шамсадова Мусу Магомедовича. После окончания МГУ и до выселения он работал преподавателем в открывшемся в Грозном в тот период педагогическом институте, ныне ЧГУ.

Выселение вайнахов в период Великой Отечественной войны нанесло невиданный ущерб народу. В период, когда речь шла лишь о выживании, наверное, неуместно говорить о математике или образовании в целом. И все же... Да, тот же Шамсадов работал в вузах Алма-Аты. Но это были единичные примеры. И пока других данных у нас нет.

Из рассказов профессора В.О. Яндарова, чл.-корр. АН ЧР следует, что в начале 60-ых гг. он специально посетил КазГУ, чтобы встретиться с ним. Ждал

его в аудитории со студентами, которые пришли к нему на консультацию. «Так как он опаздывал, я сам провел вместо него консультацию и отправил студентов домой».

По его словам, у Шамсадова были две публикации по теории устойчивости. Не удалось получить личное дело Шамсадова М.М. из Казахского государственного университета, где он работал, хотя неоднократно были сделаны запросы по электронной почте.

Этот период в истории нации, в сфере образования и науки является недостаточно изученным. Далее мы можем привести материал из некролога, опубликованного в республиканской газете «Ленинан некъ» («Путь Ленина», в настоящее время – «Даймохк») в марте 1960 года: «После непродолжительной болезни 6 марта 1960 года в Алма-Ате скоропостижно скончался известный математик Шамсадов Муса Магомедович.

М.М. Шамсадов родился в 1915 году в с. Старые Атаги Урус-Мартановского района в семье крестьянина. Потеряв в раннем возрасте родителей, воспитывался в Серноводском детском доме. После окончания педтехникума поступил в Московский университет. Здесь проявились его математические способности. В 1938 году он с отличием оканчивает университет. После этого работал преподавателем в только что открывшемся Чечено-Ингушском государственном педагогическом институте, совмещая его с работой референта Президиума Верховного Совета ЧИАССР.

С 1944 года и до кончины преподавал в вузах Алма-Аты. В последние годы работал над диссертацией. Является автором ряда работ по высшей математике. Мы, близко знавшие его друзья, выражаем искреннее соболезнование родным и близким покойного по поводу смерти способного математика, педагога, товарища с безвременной кончиной. Память о нем сохранится в наших сердцах.

И.А. Алмазов, М.Г. Гайрбеков, А.Р. Бузуртанов, В.Б. Габисов, М.И. Комаров, С.М. Налаев, В.А. Татаев, А.А. Саламов, Х.Д. Ошаев, Х.Н. Дукузов, У.Д. Цутиев, А.Х. Хамидов, М.А. Абазатов, М.А. Сулаев, Н.А. Шаипов, Б.А. Чалаев, Н.Г. Демушкин, В.Н. Филькин и др.» (Перевод некролога на русский язык сделан автором – А.Я.)

Многие из списка подписавших некролог являются выдающимися личностями, внесшими существенный вклад в формирование истории своего народа в XX веке.

Именно с Шамсадова М.М. начиналось зарождение математической науки. Уже после его смерти, в 1963 году защищает кандидатскую диссертацию и становится первым среди чеченцев и ингушей кандидатом физико-математических наук С.-А.В. Исраилов. Затем – В.О. Яндаров и С.М. Мальсагов. Впоследствии защитят кандидатские и докторские диссертации десятки других представителей вайнахов, чей вклад в математику должен быть предметом рассмотрения других исследований. Более того, некоторые математики будут преподавать в том же МГУ им. М.В. Ломоносова. Заместителем заведующего кафедрой будет работать доктор физико-математических наук М.Ш. Исраилов.

Но в сопоставительном сравнении результаты в математической науке у нас скромные. Суммарно в двух республиках, в Чечне и Ингушетии, насчитывается около трех десятков кандидатов и докторов физико-математических наук. Это достижение за более чем полувековую деятельность общего и высшего образования. Механико-математический факультет МГУ им. Ломоносова за период после восстановления республики окончили около двух десятков человек. Только в нашей республике почти тысяча учителей математики работают в школах республики. Труд этих людей, безусловно, достоин уважения. Низкий им поклон. К сожалению, сравнение дает неутешительную картину.

Среди учеников Р.Г. Хазанкина, учителя математики СОШ №14 г. Белорецка Республики Татарстан более 200 учеников окончили мехмат МГУ, физический,

геологический и т.д. Более 60 кандидатов физико-математических и технических наук и 2 доктора наук (физико-математических и технических). То есть у одного школьного учителя гораздо больше выпускников-математиков, обучавшихся лишь в одном, но ведущем вузе страны, получивших математические результаты в своей деятельности в виде ученых степеней, чем у всех учителей математики двух республик вместе взятых за полвека. В чем же причина? Причин много. Это – нехватка школ, отсутствие специализированных школ, квалифицированных учителей математики, их перегруженность, не позволяющая качественно проводить уроки и т.д.

Но есть одна причина, которая известна и никак не может найти своего решения. Это проблема языка обучения математике наших детей. Здесь сломано много копий. В попытке решить проблему в начале 60-х годов ввели так называемые подготовительные классы. Потом их закрыли.

Мы начали статью с указания, что в 20-е и 30-е годы преподавание математики велось на чеченском языке. То есть проблема является застарелой и очень серьезной. Образно говоря, Ваня идет в школу, имея лексический запас от 3000 до 7000 слов, чтобы изучать математику на этом языке /о других предметах мы пока не говорим/. Лексический состав учебника М.И. Моро для 1 класса, используемого в большинстве школ республики, состоит из, примерно, 1250 единиц, если привести слова к однокоренному виду. То есть Ваня идет в школу изучать математику, имея трехкратную защиту в лексическом обеспечении. У Вани язык обучения подкрепляется дома в семье, на улице в общении со сверстниками. Он может себе позволить заниматься на уроке непосредственно математикой. Магомед идет в школу изучать математику по тому же учебнику, на том же, для него неродном языке, имея, в лучшем случае, 30-40 слов в запасе из этого же языка. У него язык обучения математике не подкрепляется ни дома в семье, ни на улице в общении со сверстниками. Возникают вопросы: Что делать Магомеду на уроке математики? Что делать учителю на уроке математики с Магомедом? Изучать слова, объяснять их смысл? Когда заниматься математикой? И за счет какого учебного времени?

В других регионах эти вопросы, пусть не полным созданием одинаковых условий получения математического образования, но в значительной степени решены. В начальном звене ребенку предоставляется 4 года времени, чтобы войти в русскую языковую среду. Обучение математике во многих национальных регионах ведется на родном языке.

У нас – либо крайности, либо желание угодить вышестоящему начальству...

В конце 80-х годов профессиональный перевод учебника математики для начальной школы, сделанный заведующим кафедрой ЧГПИЭ.Х. Солтахановым, начал давать хорошие результаты при применении в школе. Но тут вмешалась революция. И работа была свернута. В 2008 году была сделана непонятная попытка внедрить в школу перевод, сделанный с использованием неологизмов и архаизмов. Тем не менее при всех недостатках перевода результаты его использования были выше, чем в контрольных классах. Но и здесь работа была свернута. Дети были использованы в качестве, извините, подопытных кроликов. Никто не извинился перед детьми, никто ни за что не ответил. А были задействованы дети в 47 школах.

В 2010 году республика якобы начала принимать участие в так называемой поликультурной образовательной модели – говорят, Москва рекомендовала.

«...При этом утверждается, что «если народам России суждено состояться как полноценным нациям, то это возможно только на фундаменте их собственных исторических этнокультурных традиций, одними из самых надежных трансляторов которых может и должна стать система национального образования, основанная на принципах полилингвальности и поликультурности.

Эти два основополагающих фактора – полилингвальность и поликультурность – и легли в основу «Концепции национального образования» Республики Северная Осетия-Алания, принятой Министерством образования и

утвержденной правительством республики в мае 2004 года». В настоящее время эта концепция предлагается (подчеркнуто нами – А.Я.) и другим субъектам Российской Федерации, в частности Чеченской Республике и Республике Татарстан, в рамках федеральной целевой программы.

Артеменко О.И. Законодательная база реализации языковой образовательной политики в Российской Федерации. ЕврАзЮж № 8 (27) 2010. Образовательное право».

Были ли основания (назовем вещи своими именами) для имитации внедрения этой концепции в Чеченской Республике?

Сравним ситуацию в республиках, которые задействованы в экспериментальной реализации поликультурной образовательной модели:

«В Северной Осетии осетины составляют 459 688 человек (65,1% от общего населения). Главным образом в республике представлены православие, ислам и традиционные верования.

Для Республики Адыгея необходимо привести и состав русского населения: русские – 270 714 (63,6%), адыги (черкесы) – 109 699 (25,8%). Адыгов – всего четверть в своей республике. Большинство населения исповедуют православие и ислам.

Республика Татарстан. Татары составляют чуть более половины населения. Татары – 2 012,6 тыс. человек (53,2%). Наибольшее распространение в Республике Татарстан получили две религии: ислам и православие христианство.

А теперь посмотрим на национальный состав нашей республики: чеченцы – 1 206 551 человек (95,3%). Господствующая религия – ислам суннитского толка».

Приведенные данные скомпонованы из материалов открытого доступа в Интернете.

Ясно, что Адыгея, Татарстан и Северная Осетия могут себе позволить участвовать в этой модели образования. Используемые языки поддерживаются вне урока. И это притом, что в Татарстане около 40% школ ведут занятия на родном для учащихся языке! И не только в начальных классах. Статья О.И. Артеменко датирована 2010 годом и в этом же году в нашей республике, якобы, запускается проект. К чему такая спешка? Да еще в 96 школах. При использовании чеченского языка в преподавании математики в первых классах в 2008-2009 учебном году, имея изданный тираж учебников в 10000 экземпляров, почему-то было задействовано всего 47 классов. Третий год дети, задействованные в т.н. полилингвальном эксперименте, пользуются... электронными учебниками. Правда, для первых и вторых классов впоследствии мизерным тиражом учебники были изданы. Комментарии, как говорится, излишни.

Завтра нам скажут, что полилингвальная модель дала положительные результаты.

Математика – дисциплина стратегическая. Все наши успехи в образовании без должного уровня математической составляющей не дадут нам возможности стать вровень с другими регионами и, вообще, с современным миром. А для этого стартовые условия получения математического образования должны быть по максимуму выравнены. Сегодня этого нет. И не видно решимости их создать со стороны нашего руководства образованием.

Муслим Гапуев

Олимпийский огонь сочинских игр стартует в начале октября в Афинах. Представляем очерк о чеченском факелоносце – трехкратном олимпийском чемпионе Бувайсаре Сайтиеве.

Борец на все времена

Что делает человека великим? Главным образом, талант, помноженный на трудолюбие и упорство. Но при этом должна быть целеустремленность и уверенность в своих силах. Именно эти качества стали залогом великих побед выдающегося борца современности Бувайсара Сайтиева.

Говорят, если человек чего-то сильно хочет – это сбывается. В четвертом классе Бувайсар со своими одноклассниками получил задание написать небольшое письмо самому себе. Прочитать его можно было лишь в 11 классе. Открыв свое письмо через семь лет, Бувайсар увидел текст: «Я занимаюсь борьбой, вешу 30 килограмм, завтра у меня бой, я хочу стать олимпийским чемпионом». За эти годы его мечта об олимпийском золоте только усилилась. Тем более, что прогресс был очевиден: Бувайсар последовательно стал чемпионом Хасавюрта, чемпионом Дагестана среди юношей и победителем юношеского первенства Советского Союза – последнего, к слову, перед развалом страны. Но регион тогда не смог профинансировать поездку Сайтиева на первенство мира. В результате в канадский город Алма на мировое первенство поехал и выиграл его Зияутдин Бажев, которого Бувайсар победил в финале первенства СССР со счетом «17:2». Естественно, это не могло не оставить неприятный осадок. Годами тренироваться, побеждать на всех возрастных ступенях и не иметь возможности помериться силами с лучшими борцами мира – что может быть обидней? Тем более, когда чувствуешь, что готов к большим победам. Да и некоторые тренеры стали плести интриги, дабы талантливого парня приписать к себе. К тому же условия тренировок в родном городе были далеки от идеальных.

Это сейчас Хасавурт считается едва ли не мировым центром вольной борьбы: выходцы из 100-тысячного города завоевали одиннадцать золотых олимпийских медалей. Не говоря уже о нескольких десятках чемпионатов Европы и мира. Но тогда, в начале 80-х, дела обстояли не так радужно.

Все это стало причиной переезда Сайтиева в 1992 году вместе со своим другом Исламом Магиевым, с которым побеждал на первенстве СССР среди юношей, сначала

Бувайсар Сайтиев со своим тренером Дмитрием Георгиевичем Миндиашвили

в спортивный интернат Новокузнецка, а оттуда в Красноярск, где сложилась одна из сильнейших в России школ вольной борьбы. К тому же в Красноярске обосновался старший брат Бувайсара – Абдулхаким. Возглавлявший знаменитую школу высшего спортивного мастерства по видам борьбы Дмитрий Миндиашвили воспитал немало выдающихся борцов. Среди прочих можно назвать имена двукратных олимпийских чемпионов Ивана Ярыгина и Левана Тедиашвили. К моменту переезда в Красноярск Бувайсара Сайтиева Миндиашвили оставил тренерскую деятельность. Организационная работа столь большой ШВСМ отнимала все время, но увидев 17-летнего Сайтиева в деле, именитый наставник решил вернуться к тренерской деятельности. Помимо Дмитрия Миндиашвили, с Бувайсаром Сайтиевым работали Георгий Бахтуридзе

и Сергей Хачикян. Позже Дмитрий Миндиашвили вспоминал: «Что-то подсказывало, что ко мне попал уникаму». И действительно, техника Сайтиева поражала всех специалистов борьбы своей неординарностью. Удивительно высокий для полусреднего и среднего веса (183 см), быстрый, но в то же время вязкий, гибкий, пластичный, координированный, взрывной, сильный, выносливый... И все это в одном человеке. Помимо физических данных, Бувайсар еще тонко понимал борьбу. Казалось, высшие силы посвятили его во все таинства этого вида спорта. Иначе откуда молодой человек мог знать все секреты борьбы?

Доходило до смешного: на схватки юного Сайтиева приходили смотреть опытные мастера, хотя всю жизнь было наоборот – молодые ходили набираться опыта к старшим товарищам. Когда заслуженный тренер СССР и России Юрий Шахмурадов, руководивший в 1995–1996 годах тренерским штабом сборной России, впервые увидел в деле Бувайсара, он удивленно воскликнул: «Откуда это чудо?! Откуда у мальчишки такая техника?»

Среди крепко сбитых борцов Бувайсар выглядел долговязым новичком. Казалось, что сильные и коренастые соперники переломят его в два счета. Но обманчивость этого мнения Сайтиев раз за разом доказывал на деле. Он в своей вязкой манере, словно удав, связывал все движения соперника, а затем стремительно проводил техническое действие. Бувайсар, благодаря своей взрывной скорости, удачно боролся внизу, работая практически на любую ногу. Но и на «втором этаже» он проводил приемы с грациозностью и изяществом. Даже такие сложные в техническом плане приемы, как «кочерга», ему удавались настолько просто, что несведущий в борцовском искусстве человек мог посчитать это плевым делом. Будучи человеком серьезным, привыкшим ко всему подходить ответственно и основательно, Бувайсар и тренировался вдумчиво. Отсюда и результаты.

В 1993 году в составе юношеской сборной России Бувайсар выехал в Австрию на свой первый крупный международный турнир – первенство Европы – и довольно легко победил там. За весь турнир он отдал своим соперникам всего 3 балла – это случилось в финальной схватке, которую он выиграл со счетом «13:3».

Очень важным в плане становления стал для Бувайсара 1994 год. В январе Сайтиев принял участие в ежегодном международном турнире Гран-при «Иван Ярыгин». Неожиданно для всех он, победив многих грандов борьбы, вышел в финал, где должен был бороться с атлетом из США. Все специалисты борьбы предсказывали победу американцу, отмечая, что неизвестный 18-летний борец и так прыгнул выше головы. За несколько секунд до конца схватки прогнозы оправдывались – Бувайсар проигрывал: «3:7». Отыграть четыре балла за такое короткое время практически невозможно, тем более, если соперник намного опытней. Но в Бувайсаре уже тогда проглядывал великий борец с твердым характером: в оставшееся время он сумел перекинуть через себя опрометчиво бросившегося на него американца. Судьи дали за технический прием 3 балла, плюс балл за амплитуду. Счет сравнялся, и борьба продолжилась в дополнительном овертайме до первого приема. Деморализованный американец без особого сопротивления вскоре проиграл решающий балл. Это была сенсация. В зале творилось что-то невероятное!

Именно после этой победы легендарный тренер Дмитрий Георгиевич Миндиашвили воскликнул свою знаменитую фразу: «Запомните, это будущий олимпийский чемпион!» К слову, Сайтиев стал (и остается по сей день) самым молодым победителем этого престижного турнира – на момент победы ему не было и 19 лет. Забегая вперед, скажу, что он семь раз побеждал на «ярыгинском» турнире – к этому результату никто и близко не приблизился.

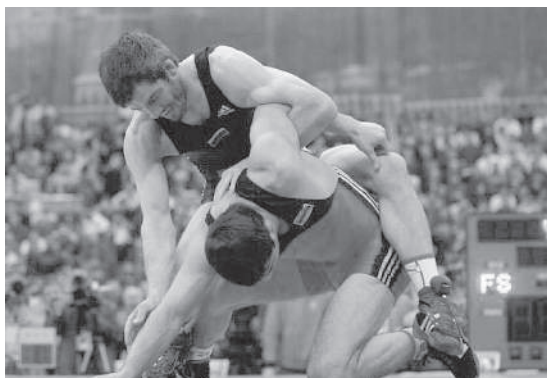
Тогда же Бувайсара Сайтиева заметили и тренеры сборной России.

В марте 1994 года Бувайсару исполнилось 19 лет и в том же месяце в составе

Бувайсар Сайтиев

сборной России его повезли на Кубок мира, где он занял третье место. При этом Сайтиев выиграл у будущего чемпиона, но проиграл другому борцу. В столь юном возрасте стать третьим на таком представительном турнире среди опытных и матерых борцов было большим достижением, но Бувайсар был расстроен. Кстати, это были первые и последние соревнования среди взрослых, на которых Бувайсар выступил в полусредней категории (до 68 кг).

На чемпионате Европы-2006

В августе того же года Бувайсар Сайтиев стал вторым на первенстве Европы среди молодежи. Победить в финале болгарина Севи Алдимова ему помешала травма колена. К слову, это поражение на долгие годы оставалось единственным в карьере Сайтиева.

Целый год Бувайсар истязал себя тренировками. Люди видят только поверхность айсберга: яркие победы, триумф, награждение или другие атрибуты славы. Но море пота и крови, мозоли и травмы спортсменов остаются за кадром. Не всем удастся взобраться на вершину спортивного Олимпа. Спорт – неблагодарная профессия: уступив сотую долю секунды, сантиметр расстояния, несколько грамм, один балл, можно остаться в неизвестности. Бувайсару повезло. Но он и сам делал все от него зависящее, чтобы судьба посмотрела на него благодушным взглядом, тем более, что она обделила его в детстве. Когда Бувайсару было 13 лет, в момент его становления, взросления, когда для мальчишек авторитетным является только отцовское слово, в аварии погиб его отец. Хамид Сайтиев был отличным строителем. В Хасавюрте много домов построено его руками, так что его до сих пор в городе помнят. Уже много позже, став легендой при жизни, Бувайсар признавался, что отдал бы все свои награды за то, чтобы отец был жив. После смерти мужа все тяготы и заботы по воспитанию четырех сыновей и двух дочерей полностью легли на мать Бувайсара – Белижу. Если учесть, что и младший брат Бувайсара, олимпийский чемпион Сиднея-2000, Адам является гордостью чеченского народа, и остальные дети нашли себя в нужных и полезных людям профессиях, то не признавать величие такой матери, такой героической женщины – невозможно.

В июле 1995 года Бувайсар победил на первенстве мира среди молодежи. В финале он уверенно одолел сильного корейца Мун Юи Джае, впоследствии ставшего двукратным вице-чемпионом Олимпийских игр и двукратным вице-чемпионом мира. Примечательно, что в обоих финалах чемпионатов мира он проигрывал именно Бувайсару Сайтиеву. Так было на чемпионате мира в Тегеране в 1998 году и в Софии в 2001 году.

Яркая борьба Бувайсара Сайтиева на молодежном первенстве мира так впечатлила главного тренера сборной России по вольной борьбе Арсена Фадзаева, что он решил взять его и на взрослый чемпионат мира, который начинался в Атланте ровно через месяц после молодежного. Определенный риск в этом решении был, так как молодой борец мог не успеть восстановиться или попросту банально «перегореть». Наверняка, в случае фиаско Сайтиева в адрес Фадзаева полетели бы критические стрелы. Но потому Арсен Фадзаев и Личность с большой буквы, что имеет свое собственное мнение и не боится брать ответственность на себя. Очень символично, что стартовый трамплин к большим победам будущей легенде мировой борьбы – Бувайсару Сайтиеву – предоставил другой легендарный борец Арсен Фадзаев – двукратный олимпийский чемпион, шестикратный чемпион мира, четырехкратный чемпион Европы.

Категория до 74 кг, в которой боролся Бувайсар Сайтиев, всегда была проблемной для советских и российских борцов. Одно то, что в этой категории они ни разу не становились чемпионами Олимпийских игр, говорит о многом.

К тому же на последних двух чемпионатах мира в этой категории российские борцы и вовсе не входили в число призеров. Последний же успех российского средневеса был датирован 1987-м годом, когда в Клермон-Ферране чеченский борец Адлан Вараев смог подняться на высшую ступень пьедестала почета. Так что риск Арсена Фадзаева где-то был обоснован. Кому как не дерзким, талантливым, уверенным в себе спортсменам брать мировые вершины? В итоге, Бувайсар Сайтиев, не будучи чемпионом России, поехал на чемпионат мира. Поехал, чтобы стать героем того чемпионата и начать оттуда свою славную 13-летнюю триумфальную поступь.

Но старт чемпионата мира для Бувайсара Сайтиева сложился весьма драматично: в первой же схватке с кубинцем Альберто Эрнандесом Родригесом, которую он выиграл со счетом «10:0», у него вылетел мениск. Нога распухла и не сгибалась. Но все же благодаря обезболивающим уколам и невероятной жажде победы он смог каким-то чудом выиграть вторую схватку. В третьем же поединке Бувайсар безнадежно проигрывал более слабому сопернику – «0:3» и мысленно прощался с надеждой стать чемпионом мира. Но внезапно что-то в колене хрустнуло, и нога перестала беспокоить. В итоге Бувайсар выиграл ту схватку со счетом «12:3». Везение? Но везет, как известно, сильнейшим. Впрочем, испытания на том не закончились: перед финальной схваткой врач, сбивая воспалительный процесс, попал Бувайсару иглой в кость. От болевого шока тот потерял сознание и пришел в себя лишь за несколько минут до начала поединка.

В финале чемпионата мира Бувайсару противостоял двукратный чемпион Европы, действующий чемпион мира Александр Ляйпольд из Германии. 26-летний немецкий борец самоуверенно вышел на решающий поединок, думая, что выходом в финал молодой парень из России достиг своего потолка. Ведь доселе не было такого, чтобы в 20 лет побеждали на чемпионатах мира, по сути, в самой сложной категории – до 74 кг. Но буквально через пару минут Ляйпольду стало понятно, что перед ним зрелый мастер с уникальной техникой, с которой он ничего поделатать не может. Александр Ляйпольд, сам приверженец интеллектуальной борьбы, был попросту обескуражен хитрыми комбинациями Бувайсара. Было заметно, как снисходительность немецкого борца сменилась на недоумение, а затем и растерянность.

Любопытно, что в финале чемпионата мира 1997 года в Красноярске Бувайсар Сайтиев вновь встретился с Александром Ляйпольдом. За прошедшие два года Сайтиев победил на Олимпийских играх и двух чемпионатах Европы, не проиграв за это время ни единой схватки, ни на одном турнире. Теперь уже в роли заведомого фаворита был Сайтиев, что он и подтвердил на ковре.

Такого яркого начала спортивной карьеры, как у Бувайсара Сайтиева, пожалуй, еще не было ни у одного борца. Но мало кто знает, что славный путь к величию Бувайсара Сайтиева мог завершиться, так толком и не начавшись. Перед молодежным первенством Европы 1995 года у него обнаружили аритмию. Естественно, с соревнований пришлось сняться. Срочно сделали кардиограмму, а затем положили в одну из московских клиник для обследования. Причины недомогания были непонятны, но ясно было одно – занятия спортом надо прекращать. Но, удивительное дело, пока врачи несколько дней совещались по поводу первопричины аритмии, все в итоге нормализовалось. Вероятно, от сильных нагрузок организм дал сбой, но небольшой отдых сделал свое дело. С тех пор Бувайсар научился тщательно прислушиваться к своему организму.

Победа на чемпионате мира позволила Сайтиеву представлять Россию на Олимпийских играх 1996 года.

На Играх в Атланте Сайтиев был на голову сильнее всех своих соперников. Об этом красноречиво говорит счет поединков. В полуфинале Бувайсар взял верх над американским спортсменом Кеннетом Мандеем со счетом «6:1». Именно Мандей восемь лет назад в финале Олимпиады в Сеуле не без помощи судей победил Адлана Вараева. Можно сказать, что Сайтиев взял реванш за старшего товарища. В финале Бувайсар встретался с чемпионом мира, действующим олимпийским чемпионом Парк Ян Суном из Южной Кореи.

Признаюсь, перед этой схваткой, которую я смотрел в режиме онлайн, в

душу закралась предательская мысль: «А сможет ли?!» Во-первых, кореец был неизмеримо силен. Но не это главное.

...Впервые чеченские спортсмены приняли участие в Олимпийских играх 1988 года, но ни в Сеуле, ни через четыре года в Барселоне ни один из восьми представителей чеченского народа, принявших участие в Играх, не поднялся на высшую ступень пьедестала почета. Серебряные медали борцов Адлана Вараева, Эльмади Джабраилова, Ислама Дугучиева, «бронза» дзюдоиста Башира Вараева и тяжелоатлета Ибрагима Самадова – это выдающийся результат, тем более, что не всегда судейство было объективным, да и удача, что очень немаловажно в спорте, зачастую была на стороне соперников. Но при этом все ждали золотой медали. Естественно, завоевавший ее, входил в историю чеченского народа. Такая ответственность могла психологически подавить кого угодно. Кого угодно, но только не Бувайсара Сайтиева. Психология в жизни имеет большое значение, а в спорте значимость ее кратно усиливается. Без психологии победителя большим чемпионом не стать. У Бувайсара такая психология была. Это он наглядно продемонстрировал в финале Олимпиады в Атланте. В каждом его движении сквозила уверенность. Если до финала у меня были сомнения, то через минуту после начала решающей схватки я знал, что победит Сайтиев. И это притом, что на табло еще горели нули. Но уже всем было ясно, кто на ковре хозяин. Даже корейский борец, по-моему, осознал это и как-то не особо упирался. А может, сопротивлялся изо всех сил, но преимущество Бувайсара было настолько подавляющим, что создалось такое ощущение. Итоговый счет – «5:0» – не в полной мере отражает преимущество Сайтиева. Парк Ян Сун, который до финала буквально катком прошелся по своим соперникам и имел явное намерение стать двукратным олимпийским чемпионом, не смог в финале взять хотя бы 1 балл. Редкий случай для схваток такого уровня. Этой победой Бувайсар Сайтиев вошел в историю чеченского народа как первый олимпийский чемпион. Но он вошел и в историю российского (как, впрочем, и советского) спорта как первый борец-средневес вольного стиля, победивший на Олимпийских играх.

Итак, мечта Бувайсара Сайтиева стать олимпийским чемпионом, к которой он шел 15 лет, осуществилась. Но особой радости он не почувствовал. Да и о какой радости можно было говорить, когда в Чечне каждый день бомбили города и села, разрушались населенные пункты, гибли мирные люди? Но при этом победа эта была необходима, как воздух: она продемонстрировала, что дух чеченского народа не сломлен. Тогда это было очень важно осознавать.

С 1995 года вплоть до Олимпиады 2000 года Бувайсар Сайтиев не проиграл ни одной схватки, выиграв за этот период три чемпионата мира, четыре – Европы и Игры Доброй Воли-98. Надо ли говорить, что авторитет Бувайсара в сборной России был непререкаемым. Не случайно долгие годы он был капитаном команды.

В 1999-м предолимпийском году Бувайсар позволил себе сделать небольшую передышку, чтобы подлечить старые травмы, да и просто передохнуть от физических и психологических нагрузок. Правда, изредка, чтобы не растерять форму, участвовал в различных турнирах, в том числе во Всемирных играх военнослужащих. И везде становился победителем. Но на сентябрьский чемпионат мира он даже не стал отбираться, позволив своему младшему брату Адаму испытать судьбу в своей весовой категории. К слову, Адам Сайтиев не подвел старшего брата, одержав блестящую победу.

Зато в олимпийский 2000-й год Бувайсар Сайтиев вступил полностью мобилизованным. В апреле он победил на чемпионате Европе. Пропуск на свои вторые Олимпийские игры Бувайсар добыл в жестких баталиях на чемпионате России в Санкт-Петербурге. Любопытно, что в российском чемпионате за пять лет успешных выступлений на самом высоком уровне Бувайсар участвовал впервые.

Однако подготовка к Олимпиаде пошла не по графику Сайтиева: в середине июня ему вырезали опухоль на большом пальце ноги, и приступить к тренировкам он смог лишь за месяц до начала Олимпиады. Это, конечно, незначительный срок, чтобы набрать оптимальную форму, но, тем не менее, мало кто сомневался в победе Сайтиева в Сиднее.

Борцы, выступающие на чемпионатах мира и Олимпийских играх – каста избранных, в которой все друг друга знают. Если и появляется новичок, то он долго должен доказывать свою состоятельность. Таких борцов, как Бувайсар Сайтиев, кометой врывающихся в высший эшелон борцовской элиты, за всю историю борьбы было очень мало. Конечно, спорт – область непредсказуемая; любая мелочь может сыграть «за» или «против». Но при должном психологическом настрое и при отсутствии травм более классные борцы обычно побеждают.

Вспоминает Бувайсар Сайтиев: «Из тех двадцати человек, что должны были бороться в моей категории на Олимпиаде в Сиднее, девятнадцать я весь олимпийский цикл клал на лопатки. Многих – неоднократно. Поневоле поверишь в собственную неуязвимость. В Австралию приехал только один неизвестный мне парень. Я, когда взял анкету этого американца Слэя, то обратил внимание на то, что он выступал на юниорском чемпионате мира по греко-римской борьбе, представляете?»

Именно с Брэндоном Слэем и встретился Бувайсар Сайтиев после уверенной победы в предварительном раунде над болгаринцем Пламеном Паскалевым.

Американец с первой секунды задал высочайший темп, и в скором времени вел в счете «3:0». Неимоверными усилиями за секунду до конца первого периода Бувайсару удалось сравнять счет. Во втором периоде Сайтиев провел прием «скручивание», но судья почему-то проигнорировал этот эпизод. Схватка так и завершилась со счетом «3:3». В овертайме, в котором боролись до первого технического действия, Бувайсару как раз и не хватило функциональной подготовки. Обидное поражение. Но нет худа без добра: Бувайсар Сайтиев сам признается, что, выиграв он тогда во второй раз Олимпиаду, скорее всего ушел бы из большого спорта. Доказывать ему уже ничего не нужно было бы, дважды выигравших в среднем весе Олимпийские игры борцов планета Земля еще не видывала. Так к чему стремиться? А проиграв в Сиднее, Сайтиев остался. Кому хочется уходить битым? Расстроенным после своего поражения Бувайсар ходил всего сутки: на следующий день – 29 сентября – у него появился повод для большой радости: его младший брат Адам все же заставил звучать в честь фамилии Сайтиев государственный гимн России. Надо сказать, что Адам провел блестящий турнир, венцом которого стала победа «на туше» над очень сильным кубинцем, действующим чемпионом мира Йоэлем Ромеро.

Бувайсар свою неудачу на сиднейской Олимпиаде объяснил тем, что слишком долго не проигрывал, вот и потерял азарт, злость. К слову, много позже Брэндон Слэй в беседе со мной признался, что свою победу над таким великим борцом, как Бувайсар Сайтиев, ставит не ниже звания олимпийского чемпиона. Думаю, это говорит о многом.

До следующей Олимпиады Бувайсар еще дважды стал чемпионом мира. Особенно запомнился чемпионат мира 2003 года в Нью-Йорке. И не потому, что на нем Бувайсар Сайтиев был признан лучшим борцом турнира.

Его победа была прогнозируема, но добыта она была в таких драматичных условиях, которые мировая борьба еще не знала.

А начиналось все для Сайтиева благополучно. Сначала в предварительном раунде он в тренировочном режиме с двузначным счетом «раскатал» борца из Сенегала. Во второй встрече со счетом «5:0» был повержен чемпион мира-2001 и Европы-2000 (в категории до 68 кг) Николай Паслар из Болгарии.

Следующая схватка также не предвещала никаких проблем.

Сайтиеву противостоял представитель Австралии Талгат Ильясов, еще не так давно выступавший за Узбекистан. За сорок секунд до конца схватки Бувайсар вел «9:0»; для досрочной победы и выхода в полуфинал, по правилам тех лет, ему нужно было набрать всего один балл. Но тут случилось непредвиденное: неожиданно, нырнув головой вперед, Ильясов резко ударил лбом в левую скулу Сайтиева. Сделано это было не преднамеренно, но от этого не было легче. Как потом признался Бувайсар, сильнее боли, чем в момент удара, он не испытывал никогда в жизни.

Бувайсар лежал ничком на ковре, глядя на свод Мэдисон Сквер Гарден, и ощущал, как немеет лицо. Видеть он мог лишь правым глазом. Склонившемуся над ним

Адлану Вараеву, секундировавшему ему, сказал по-чеченски: «Он поломал меня». Тем не менее Бувайсар сумел продолжить схватку и даже выиграть еще один балл.

После схватки его сразу отвезли на рентген, но только он ничего не показал. Как потом выяснилось, снимок был сделан не в той проекции. Все, в том числе и сам Сайтиев, посчитали, что это всего лишь сильный ушиб. А какого борца может смутить такая мелочь? Поэтому было решено бороться дальше.

Знали бы врачи и тренеры истинные последствия того удара...

Прежде соревнования борцов растягивались на два дня. Бувайсар вспоминал, что ночью перед полуфиналом и финалом он практически не спал. Его левый глаз заплаыл, дыхание было затруднено, сильно тошнило, голова раскалывалась. Дмитрий Миндиашвили был со своим воспитанником до трех часов ночи, а массажист и вовсе всю ночь был рядом. Чтобы немного отдохнуть, Бувайсар принял таблетку имована, который не входил в число запрещенных. Он знал, что от этого сильнодействующего снотворного будет неизбежная вялость и слабость, но другого выхода не было. Поспав два-три часа и с трудом запихнув в себя пару ложек икры вперемежку с картофельным пюре, он поехал в зал навстречу своему очередному триумфу. Когда Сайтиев вошел в разминочный зал, все оцепенели, увидев его лицо. На нем была огромная гематома, левый глаз так и не прозрел. Перед выходом на ковер Сайтиев сказал Миндиашвили: «Если отключусь, будьте наготове – приведете меня в порядок». Речь шла о нашатыре.

В полуфинале Бувайсару противостоял действующий чемпион мира Хаджизаде Мехди из Ирана. Правда, на чемпионате мира 2002 года, который прошел на родине Мехди, Сайтиев не боролся.

Казалось, у чеченского борца, который из-за травмы находился, мягко говоря, не в лучших кондициях, было мало шансов. Но по ходу встречи стало ясно, что Мехди от волнения перегорел, так что он особо и не сопротивлялся. Счет: 6:2 — Сайтиев в финале. В решающей схватке ему противостоял выступающий за Белоруссию Мурад Гайдаров, тоже уроженец Хасавюрта. Не знаю, с чем это связано, но обычно агрессивный на ковре Гайдаров на сей раз был очень инертен. При ничейном счете 2:2 он имел уже четыре предупреждения за пассивное ведение схватки. В итоге Бувайсару удалось выиграть решающий балл.

После чемпионата мира Бувайсара Сайтиева вместе с Дмитрием Миндиашвили принимали Президент Чеченской Республики Ахмат-хаджи Кадыров и Председатель Госсовета Дагестана Магомедали Магомедов. Побывал он и в отчем доме. В госпитале Бурденко Бувайсар попал лишь через неделю после того злосчастного столкновения. Вердикт опытных врачей шокировал. Как выяснилось, у Сайтиева был осколочный перелом скуловой кости со смещением. Нерв был настолько зажат, что левая половина лица могла атрофироваться. К тому же рядом кровеносные сосуды – микронное смещение одного из осколков грозило кровоизлиянием в мозг. Естественно, ему тут же сделали сложную операцию: зав. отделением лицевой хирургии профессор Труханов несколько часов под общим наркозом соединял осколки двумя титановыми пластинами. Врачи говорили Бувайсару, что он родился под счастливой звездой. Они-то вкладывали свой смысл в это выражение, но то, что Бувайсар Сайтиев родился под счастливой спортивной звездой, – это неоспоримый факт.

Незадолго до Олимпийских игр 2004 года Бувайсар женился. Возможно, этот фактор тоже сыграл свою положительную роль в его успешном выступлении в Афинах.

Самой сложной для Бувайсара стала схватка квалификационного раунда с Мурадом Гайдаровым. Но и на сей раз он выиграл со счетом 3:2. Это была его единственная упорная схватка, в остальных поединках преимущество Сайтиева над соперниками было подавляющим. В полуфинале он победил поляка Бржозовски – «8:0», а в финале был повержен Геннадий Лалиев из Казахстана – «7:0».

Дмитрий Миндиашвили так прокомментировал победу своего ученика: «Бувайсар впервые в жизни боролся абсолютно здоровым. Два сломанных пальца на руке – не в счет».

...Когда на чемпионате России в 2007 году Бувайсар Сайтиев проиграл более молодому Махачу Муртазалиеву – призеру Олимпийских игр 2004 года,

казалось, эра Бувайсара Сайтиева заканчивается. Никто не брал в расчет тот факт, что Бувайсар из-за очень серьезной травмы шейных позвонков полгода не тренировался, а полноценную подготовку к чемпионату России начал всего за два месяца до его начала. Болельщики Сайтиева еще больше сникли после того, как он в январе 2008 года вновь проиграл Муртазалиеву, на сей раз в финале Гран-при «Иван Ярыгин». Проиграл в равной борьбе, немного не приоровившись к новым правилам. Но впереди был отборочный к Олимпийским играм чемпионат России, который и должен был расставить все точки над «i». До чемпионата тренерами сборной было объявлено, что на Олимпиаду без всяких прикидок поедет чемпион страны. Это накладывало особенный отпечаток на соревнования.

Чемпионат России 2008 года, прошедший со 2-го по 5-е июня в Санкт-Петербурге в СКК «Петербургский», вызвал небывалый ажиотаж. В день финалов зал был забит до отказа. Даже проходы между рядами были заполнены людьми. Интерес вызывали все финальные схватки, ведь победители должны были представлять Россию на Олимпиаде в Пекине. Но при этом схватка между Бувайсаром Сайтиевым и Махачем Муртазалиевым стояла особняком. Как и предполагалось, оба этих борца вышли в финал. Их эпическую схватку ловкие на слово журналисты окрестили «Битвой на Неве».

Третий очный поединок между Бувайсаром Сайтиевым и призером Олимпийских игр, двукратным чемпионом мира, четырехкратным чемпионом Европы Махачем Муртазалиевым, состоявшийся 4 июня 2008 года, стал украшением не только того чемпионата, но, по мнению многих специалистов борьбы, одним из самых красивых и острых в истории вольной борьбы. Первый период при равном счете «2:2» остался за Муртазалиевым (победа по более качественному приему). Второй период также завершился вничью 1:1, но на сей раз победа осталась за Сайтиевым по последнему действию. Ну а в третьем периоде Бувайсар проявил себя во всей красе – «3:0».

Бувайсар Сайтиев в четвертый раз стал чемпионом России и, что примечательно, в счастливом для себя Санкт-Петербурге он победил в третий раз. Позже, отдавая дань своему сопернику по финалу, Бувайсар скажет: «Если бы не Махач, вероятность того, что стану в Пекине олимпийским чемпионом, уменьшалась бы как минимум в два раза. Мое противостояние с Махачом – то, чем горжусь в своей карьере». Но я немного забегаю вперед.

Победа Сайтиева на отборочном к Олимпиаде чемпионате России вызвала слезы даже у таких закаленных победителями и поражениями людей, как Дмитрий Георгиевич Миндиашвили, по удивительному стечению обстоятельств именно в этот день праздновавшему свое 75-летие. И везде, куда ни кинешь взгляд, люди плакали, смеялись и танцевали лезгинку. Казалось, к ковру стянулись все зрители. Каждый хотел поздравить, обнять, сфотографироваться с Бувайсаром. Это было невероятно!

Однако чемпионат страны хоть и был объявлен отборочным, таковым на деле не оказался: сразу после него пошли непонятные интриги в отношении Сайтиева. Мол, он возрастной борец, возможно, не выдержит накала олимпийской борьбы. На это жестко отреагировал 1-й вице-президент Федерации спортивной борьбы РФ Адлан Вараев: «Став чемпионом России, Бусик выполнил все условия олимпийского отбора, его опыт побед над главными иностранными соперниками просто огромный. Мне интересно будет посмотреть в глаза людям, которые скажут, что Сайтиев не должен ехать в Пекин». Окончательно все стало на свои места, когда ситуацию взял под свой контроль Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров. Многие чеченские ветераны спорта тогда высказали мнение, что в бытность их занятий спортом при такой поддержке руководителя региона у них было бы регалий намного больше.

И после таких коллизий разве мог Бувайсар проиграть на своей четвертой Олимпиаде? Хотя после первого периода его финальной схватки с Сосланом Тигиевым из Узбекистана, в котором российский борец уступил с счетом «0:1», стало тревожно. Тем более, что это был первый проигранный им период на той Олимпиаде. Надо сказать, что новые правила, которые ввели двумя годами ранее, во

многим были направлены против ярких, техничных и нестандартных спортсменов. Таких, как Бувайсар Сайтиев. Но он в очередной раз продемонстрировал тонкое понимание борьбы, даже такой упрощенной, и в совокупности со своим знаменитым «сайтиевским» характером в третий раз стал олимпийским чемпионом. Было ему на тот момент 33 года и пять месяцев. Мало-мальски разбирающийся в спорте человек понимает, насколько это значимый результат. Чтобы добиться его, надо на протяжении долгих лет отказывать себе буквально во всем, следить за питанием, распорядком дня, подчинять все и вся своим спортивным целям. Не всем это удается. Бувайсару удалось. Воистину, он борец на все времена. Уникальность его результата еще в том, что добился он его в категории до 74 кг. Нисколько не принижая достижения легковесов или тяжеловесов, скажу, что средняя категория (в разное время варьировалась от 72 до 76 кг), по мнению практически всех специалистов борьбы, является самой сложной. Борцы этой категории в равной степени и сильны, и быстры. Лидеров этой категории проверяют на прочность многие борцы из других категорий. Даже будущие тяжеловесы начинают с этого веса. Так что, победы на трех Олимпиадах именно в среднем весе сродни спортивному подвигу. Впрочем, не только спортивному.

Все победы Бувайсара Сайтиева являются гимном мужскому характеру. «Если встречу такого, кто сможет выложиться больше, чем я, кто больше готов умереть на ковре, – не раздумывая, отдам ему победу», – не раз говорил он. Но, как мы видим, таковых было немного. Бувайсар на «взрослом» ковре одержал более 300 побед, а все проигрыши его можно сосчитать на пальцах рук. Уверен, что это достижение будет ориентиром не для одного поколения борцов.

Говоря о Бувайсаре Сайтееве, нельзя не отметить его высокий интеллектуальный уровень, который, безусловно, отражался на его борьбе. Его философский склад мышления во все времена притягивал к нему думающих людей, особенно журналистов. Это очень редко бывает, когда слова спортсмена без особой корректировки можно давать в печать. В случае с Бувайсаром Сайтиевым так оно и было. Из его фраз запросто можно составить цитатник или книгу мудрых изречений. Воистину, талантливый человек талантлив во всем.

Заслуги Бувайсара Сайтиева – трехкратного олимпийского чемпиона, шестикратного чемпиона мира, шестикратного чемпиона Европы, победителя многих международных турниров – были оценены на самом высоком уровне. Он награжден орденами Почета, Дружбы, имени Ахмата Кадырова, «Аль-Фахр» II степени (от Совета муфтиев России), медалью «За заслуги перед Отечеством» IV степени, почетным знаком «За заслуги в развитии физической культуры и спорта» РФ. В 2004 году он стал лауреатом национальной спортивной премии «Слава» в номинации «За волю к победе».

В 2007 году награжден официальной наградой ФИЛА «Золотая борцовка» в номинации «Лучший борец в истории вольной борьбы».

Пять раз Международная Федерация спортивных стилей борьбы (FILA) признавала Бувайсара Сайтиева лучшим борцом вольного стиля в мире вне зависимости от категорий.

В 2010 году Бувайсару Сайтееву присвоено звание «Почетный гражданин Красноярска».

Список регалий можно продолжить. Сам же Бувайсар своим самым большим достижением в жизни считает то, что ему удалось три раза совершить хадж.

О большой общественной значимости Бувайсара Сайтиева говорит тот факт, что в Красноярске и Бельгии проводятся юношеские турниры его имени, в Хасавюрте функционирует школа имени братьев Сайтиевых.

В семейной жизни у Бувайсара полное единство и согласие: он вместе с супругой Индирой растит трех сыновей: Абдурахима, Алихана, Дени – и дочь Амину.

Как-то я спросил Бувайсара, счастлив ли он в жизни? Ведь не победы делают человека счастливым и гармоничным.

«У меня хорошая семья, много родственников, немало друзей, любимое дело. Думаю, что я счастливый человек», – был ответ.

Бувайсар Сайтиев своими победами дарил людям много счастья и свое счастье, думается, он тоже заслужил.

Книжные новинки**Морфология чеченского языка**

В Грозном вышла книга доктора филологических наук, профессора и академика АН ЧР Кати Чокаева «Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи».

Кати Зайндинович Чокаев – главный научный сотрудник отдела языка и литературы Института гуманитарных исследований АН ЧР, академик Академии наук Чеченской Республики и РАЕН. Им опубликовано более 180 научных работ, посвященных чеченскому языкознанию.

Настоящая книга впервые была издана в двух отдельных частях более сорока лет назад (1968–1970 гг.) под редакцией А.Г. Мадиева и являлась первой монографической работой, посвященной вопросам словообразования в чеченском языке – словосложения и аффиксации (с привлечением материала из родственных языков – бацбийского, ингушского и др.). Однако основной упор в исследовании этой темы делается на чеченский плоскостной диалект, который лег в основу чеченского литературного языка.

Данное издание (тираж – пятьсот экземпляров) является вторым и предназначено для филологов вузов, школ и всех, кто интересуется обозначенными вопросами вайнахского (чеченского и ингушского) языкознания.

Роза Межиева

К нашим иллюстрациям**По ту сторону холста**

Молодая художница Анжелика Дадаева родилась в городе Грозном; в 2011 году окончила факультет живописи и графики ЧППИ. Тяга к искусству проявилась у нее еще в раннем детстве, не без влияния отца (тоже, кстати, художника). Первая серьезная работа Анжелики – портрет А.А. Кадырова, который был продан за 20 тысяч рублей представителю местной администрации. Ее работы в живописи и портретном искусстве отличаются необыкновенной жизненностью, яркостью и глубиной восприятия. Рисовать Анжелика предпочитает масляными красками. Лучше всего у нее получаются портреты, но она также работает и в пейзажном жанре, пробует себя во всех стилях. Среди любимых мастеров на первом месте у нее стоит художник Аманды Асуханов.

Анжелика Дадаева является участницей многочисленных выставок, среди которых: выставка современного искусства, прошедшая в г. Каспийске в 2012 году, межрегиональная молодежная выставка «Мир в картинах молодых художников Кавказа» в 2013 году, зональная выставка, посвященная Дню города Грозного, в 2011 году; благотворительная выставка, посвященная детям, больным ДЦП, в 2012 году. Также у Анжелики прошли персональные выставки «Краса народа» в 2011 и 2012 гг. На постоянной основе Анжелика Дадаева работает художником в Мемориальном комплексе Славы имени А.А. Кадырова.

Рассказывая о себе и своей работе, Анжелика отмечает, что вдохновение зависит от настроения, которое, в свою очередь, может зависеть даже от погоды. Анжелика – очень разносторонний человек: много читает, учится играть на фортепьяно, обожает классическую музыку. Старается черпать вдохновение из каждого мгновения жизни. Из своих картин особо отмечает одну – пейзаж под названием «Лесная дорога», написанный ею в Теберде. «Когда я смотрю на эту картину, меня охватывает чувство, что я нахожусь по ту сторону холста, в лесу. Обожаю дикую природу, получаю особый заряд духовной энергии, когда нахожусь в таких местах».

На обложке журнала представлены следующие работы художницы:

1 стр. – «Женщины на речке полощут белье», 2 стр. – «Директор музея», 3 стр. – «Автопортрет», 4 стр. – «Осенний пейзаж».

Мадина Абдулвагапова

Сведения об авторах и переводчиках

Абу Исмаилов (1949). Член Союза журналистов России, член Союза писателей РФ. Заслуженный работник культуры ЧР. Более сорока лет занимается изучением и пропагандой чеченского языка. Огромный труд вложен им в создание известного словаря «Дош», где собрано около 18 тысяч слов чеченского языка с русским переводом и комментариями.

Светлана Куразова. Родилась на острове Сахалин. Окончила Северо-Осетинский медицинский институт в г. Орджоникидзе, работала психиатром на «Скорой помощи» в Грозном. В настоящее время живет в г. Гудермесе. Сборник авторских стихов «Океан неизвестности» вышел в грозненском «Книжном издательстве» в 2012 году.

Асламбек Якубов (1958). Окончил ЧИГУ. Пишет стихи. Был членом литературного объединения «Прометей». Работал в разных должностях в Министерстве Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации. В настоящее время возглавляет пресс-службу Министерства труда, занятости и социального развития ЧР.

Фариза Межидова (1982). Родилась и выросла в Грозном. Окончила отделение журналистики ЧГУ, музыкальное отделение факультета искусств ЧГПИ. Является преподавателем кафедры музыкального образования. Публикации: в журнале «Нана», «Вайнах». Дебютировала в журнале «Вайнах» в 2004 году с поэтической подборкой.

Арби Бечуркаев. Заслуженный учитель Чеченской Республики, фольклорист. 38 лет работал в системе народного образования: учителем начальных классов, завучем, директором естественно-математической гимназии № 2 г. Грозного. С 1999 по 2004 годы работал директором палаточной школы для детей беженцев в с. Плиево (Ингушетия), там же ставил детские спектакли. Рассказы, статьи педагогической направленности публикуются в местной печати на протяжении нескольких десятков лет.

Саид-Альви Лулуев (1954). Родился в Киргизии, в поселке Хайдаркан. В 1987 году окончил Свердловский юридический институт, факультет правоведения. Работал в МВД СССР с 1980 по 1992 годы. С 1992 года по 2003 год – судьей. В настоящее время судья в отставке, работает консультантом аппарата Уполномоченного по правам человека в ЧР. Пишет публицистические статьи с 1972 года. Публиковался в свердловских изданиях: «На смену», «Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск», а также в республиканских СМИ: в газетах «Вести республики», «Молодежная Смена», «Зори ислама», «Гумс», «Терская новь», «Слово народа», в журнале «Нана». Автор трех книг: «Геноцид чеченского народа», г. Махачкала, 1996 г.; «Чечня: былое и думы», Гудермес, 2005; «Конец двадцатого», г. Хасав-Юрт, 2008 г. и брошюры «Вижу футбол», Нойбера, 2013. Член Союза писателей России.

Саламбек Алиев (1977). Редактор отдела прозы журнала «Вайнах». Пишет в жанрах прозы и публицистики. Печатается в журнале «Вайнах», газете «Грозненский рабочий» (ЧР), в интернет-журнале «Пролог» (Москва), в различных литературных и научных сборниках Москвы, Грозного, например, в книге «Новые имена» (М., 2012, 2013), «Бег от времени» (Грозный, Нальчик, 2012). Участник IV и VI совещаний молодых писателей Северного Кавказа (Цей, 2011; Грозный, 2013), XII форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья.

Гилани Индербаев (1938). В 1964 году окончил историко-филологический факультет ЧИГПИ. Заслуженный учитель ЧР. Пишет литературно-критические статьи. Публикуется в республиканских СМИ с 1967 года. В 2007 году вышел сборник литературно-критических статей «Отражение времени».

Муслим Гапуев (1965). Родился в Грозном. Окончил нефтепромышленный факультет Грозненского нефтяного института. Пишет рассказы, статьи, очерки. Публикуется на страницах местной печати. Член Союза журналистов России. Является главным редактором чеченского спортивного журнала «Борцовский круг».

Айнды Якубов (1956). Родился в Казахской ССР. Окончил механико-математический факультет ЧГУ в 1978 году. Работает зав. кафедрой геометрии и методики преподавания математики ЧГПИ. Автор более шестидесяти научных публикаций. Одна из последних изданных книг – «Ахмед Цебиев. Олимп и Голгофа ученого», Нальчик, 2009.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки – 330 руб.